

Вестник Московского университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в ноябре 1946 г.

Серия 8

ИСТОРИЯ

№ 3 • 2022 • МАЙ–ИЮНЬ

Издательство Московского университета

Выходит один раз в два месяца

СОДЕРЖАНИЕ

Бугаева Н.В. Заговор Катилины в «Истории Пистой» Джан-ноццо Манетти	3
Матасова Т.А. «В Ышпанском государстве воздух здоров и весел»: Петр Потемкин в Испании в 1667–1668 гг. (Заметки о новом сборнике документов)	19
Белюсова О.В. Граф С.Д. Шереметев и император Николай II: история аудиенций.	41
Гордеев П.Н. «Хочется идти к вам и своими руками очистить дорогой театр от скверны, занесенной стихийным безумием»: разгром Малого театра в начале ноября 1917 г.	53
Рухлин А.Н., Чуканов И.А. Создание «образа врага» в начальный период Первой мировой войны в российской прессе: по материалам симбирской и самарской периодической печати.	73
Первошиков Д.В. Выжить в Бухенвальде: неизвестные факты из судеб узников концлагеря.	92
Воскресенская А.Н. Позиция французского МИД по отношению к первому правительству независимого Алжира в 1962 г.	103
Бартнев В.И., Хлебникова Л.Р. Американская программа «Ближневосточное региональное сотрудничество»: научное измерение содействия мирному процессу (1978–2022)	120
Кулаков В.И. Социальная специфика воинского снаряжения пруссов X–XIV вв.	145
Налимова Н.А., Корзун А.А. Сцена купания младенца Диониса в декорации театров Малой Азии: истоки иконографии и римский контекст	156

CONTENTS

B u g a e v a N.V. Conspiracy of Catiline in “Historia Pistoriensis” of Giannozzo Mannetti.	3
M a t a s o v a T.A. “In the State of Hispania the Air is Wholesome and Jolly”: Piotr Potemkin in Spain, 1667–1668 (Notes on a New Collection of Documents)	19
B e l o u s o v a O.V. Count S.D. Sheremetev and Emperor Nicholas II: Narrative of Audiences	41
G o r d e e v P.N. “My Fervent Wish Is to Join You and with My Own Hands Clean the Dear Theater from the Filth Brought by Delirious Madness”: the Pillage of the Maly Theater in Early November 1917	53
R u k h l i n A.N., C h u k a n o v I.A. The Creation of the “Enemy Image” in the Early Period of the First World War in the Russian Press: According to the Materials of the Simbirsk and Samara Periodicals	73
P e r e v o s h c h i k o v D.V. Survive in Buchenwald: Unknown Facts from Life Paths of the Concentration Camp Prisoners	92
V o s k r e s e n s k a i a A.N. The Position of the French Foreign Ministry in Relation to the First Government of Independent Algeria in 1962.	103
B a r t e n e v V.I., K h l e b n i k o v a L.R. The U.S. Middle East Regional Cooperation Program: Scholarly Dimension of Peace Process Facilitation (1978–2022)	120
K u l a k o v V.I. Social Specificity of Prussians Warrior’s Equipment from the 10th through the 14th Centuries.	145
N a l i m o v a N.A., K o r z u n A.A. The Bathing Scene of the Infant Dionysus in the Theater Decoration of Asia Minor: the Origins of Iconography and the Roman Context	156

Н.В. Бугаева

**ЗАГОВОР КАТИЛИНЫ В «ИСТОРИИ ПИСТОИ»
ДЖАННОЦЦО МАНЕТТИ**

N.V. Bugaeva

**CONSPIRACY OF CATILINE IN “HISTORIA PISTORIENSIS”
OF GIANNOZZO MANNETTI**

Аннотация. В статье рассматривается освещение заговора Катилины в «Истории Пистой» (*Historia Pistoriensis*) флорентийского гуманиста Джанноццо Манетти. Это сочинение, написанное предположительно в 1446–1447 гг. и благосклонно принятое властями Пистой, представляет редкую возможность понять, на какой основе конструировалась самоидентификация жителей города, убежденных в своих римских корнях. «История Пистой» до сих пор не переведена на русский язык, попытка углубленно проанализировать повествование Манетти о Катилине предпринимается впервые. Автор статьи приходит к выводу, что, несмотря на сильную зависимость от своих главных источников — «О заговоре Катилины» Саллюстия, «Новой хроники» Дж. Виллани и «Истории флорентийского народа» Л. Бруни — гуманист вносит ряд существенных изменений в трактовку событий 63–62 гг. до н.э. Хотя попытка поднять восстание против Республики ни в коем случае им не оправдывается, образ Катилины сильно облагорожен; подчеркивается величие его души, грандиозность замысла, красноречие. В то время как у Виллани Луций Сергий — прежде всего отважный воин, Манетти выделяет столь ценное в эпоху Ренессанса качество, как владение словом. Согласно «Истории Пистой», Катилина принадлежит к числу великих врагов Республики — выдающихся личностей, чьи таланты делают их обладателей особо опасными для Рима. Незначительно смещая акценты повествования, Манетти снимает с Фезул и Тосканы долю вины за участие в заговоре. Древняя земля этрусков изображается едва ли не жертвой обстоятельств. Рассказ гуманиста о «битве при Пистории», по сути,

Бугаева Наталья Владимировна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории древнего мира исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Bugaeva Natalia Vladimirovna, PhD Candidate in History, Associate Professor, Department of Ancient History, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University
+7-965-209-06-78; cethegilla@gmail.com

Автор еще раз пользуется возможностью выразить благодарность Кристине Таддеи (музей «Древний епископский дворец», г. Пистоя) за дружескую помощь и столь необходимую поддержку.

повторяет Саллюстия. Вызывает интерес упоминание «надежных авторов» (*idoneos auctores*), сообщающих о потерях правительственных войск. Из греко-римских писателей только Саллюстий остановился на данном аспекте, к достоверным повествователям отнесен и Дж. Виллани. С учетом высокой оценки Манетти тосканской исторической традиции можно предположить, что он также имел в виду сочинения своих земляков — Брунетто Латини, Рикордано Малеспини, Маркьоне ди Коппо Стефани и др.

Ключевые слова: Пистоя, ренессансное историописание, итальянские гуманисты, Саллюстий, Леонардо Бруни, Джованни Виллани.

Abstract. The article deals with the coverage of the Catiline conspiracy in the “History of Pistoia” (*Historia Pistoriensis*) by the Florentine humanist Giannozzo Manetti. This work, written presumably in 1446–1447 and favorably received by the authorities of Pistoia, represents a rare opportunity to understand on what basis the self-identification of the inhabitants of the city, convinced of their Roman roots, was constructed. The “History of Pistoia” has not been translated into Russian, and an attempt at detailed analysis of Manetti’s story about Catiline has never been made before. The author of the article comes to the conclusion that, despite the strong indebtedness to his main sources — “On the Conspiracy of Catiline” by Sallust, “New Chronicle” by G. Villani and “History of the Florentine People” by L. Bruni, the humanist makes a number of significant changes in the interpretation of events of 63–62 BC. Although Manetti by no means justifies the attempt to raise a rebellion against the Republic, he greatly exalts the image of Catiline; he emphasizes the greatness of his soul, the grandeur of the idea, and eloquence. While Villani’s Lucius Sergius is above all a brave warrior, Manetti underlines the quality so valued in the Renaissance — his mastery of the word. According to the “History of Pistoia”, Catiline is one of the great enemies of the Republic, those outstanding personalities whose talents make their owners especially dangerous for Rome. Slightly shifting the emphasis of the narrative, Manetti relieves Faesulae and Tuscany of the blame for participating in the conspiracy. The ancient land of the Etruscans is depicted almost as a victim of circumstances. The humanist’s story of the “battle of Pistoria” is, in fact, a reiteration of Sallust. Of certain interest is the reference to “reliable authors” (*idoneos auctores*) who reported the losses of government troops. Of the Greco-Roman writers, only Sallust dwelled on this aspect. G. Villani was also classified as a reliable narrator. Taking into account Manetti’s high assessment of the Tuscan historical tradition, it can be assumed that he also had in mind the works of his countrymen — Brunetto Latini, Ricordano Malespini, Marchione di Coppo Stefani and others.

Keywords: Pistoia, Renaissance historiography, Italian humanists, Sallust, Leonardo Bruni, Giovanni Villani.

* * *

Заговор Катилины имел для итальянского города Пистоя особую значимость. Пребывавшая до сих пор в неизвестности древнеримская Пистория впервые привлекла внимание античных авто-

ров¹, будучи причастной к событиям первостепенной важности, выдвинувшись на авансцену истории². Согласно Саллюстию, Луций Сергий прошел форсированным маршем через Тоскану, направляясь к северо-восточным отрогам Апеннин (Sall. Cat. 57. 1; ср.: App. B.C. II. 7. 1). Существовало давнее убеждение, что город основали уцелевшие после битвы в аге Pistoriensis³ мятежники (Lib. fies. 10; Chr. 9; Ricord. Malesp. 20; Cronaca. 19a; Villani. I. 32; HP. I. 47; 55; 59; ср.: HP. I. 38; 43; 48–51)⁴. Тень павшего под Пистойей «злодея» легла на ее жителей, которых хронист Дж. Виллани охарактеризовал как «рожденных от крови Катилины (stratti del sangue di Catellina)» (Villani. I. 32). С этой личностью город ассоциировался прежде всего, к событиям 63–62 гг. до н.э. апеллировал политический дискурс XIII–XIV вв., именно в образе Катилины видели квинтэссенцию духа пистойцев.

Вопреки вековому соперничеству, флорентиец Джанноццо Манетти был весьма доброжелателен к населению покоренного тосканского центра, заслужив сравнение со слугой двух господ⁵. Известно о высокой оценке труда гуманиста со стороны пистойских властей⁶,

¹ Необходимо оговорить, что намек на Пистою, по-видимому, содержится у Плавта (II в. до н.э.). Так современная наука трактует игру слов в «Пленниках»: «Прежде всего нужны хлебники (primumdum opus est Pistorensibus)» (Plaut. Capt. 160). Это место не сразу обратило на себя внимание; современники Манетти его не учитывали.

² Едва ли можно принять формулировку Н. Лапини, что в 62 г. до н.э. Пистоя совершила «скачок в великую историю» (*Lapini N.* Pistoia in età Romana: dati acquisiti, nuove prospettive // In agro pistoriense: dalla preistoria all'età romana. VIII Congresso nazionale di archeologia. Pistoia, 2017. P. 90; ср.: *Cini D.* Osservazioni storiche sopra l'antico stato della montagna pistoiese con un discorso sopra l'origine di Pistoia del capitano Domenico Cini. Firenze, 1737. P. 175), однако исследовательница права, утверждая: «...это, конечно, был момент наибольшей славы, достигнутой Pistoriae в республиканскую эпоху» (*Lapini N.* Op. cit. P. 90).

³ «Писторийское поле», т.е. принадлежащая городу земельная территория. В.О. Горенштейн перевел как «область Пистории» (*Саллюстий Крисп Г.* О заговоре Катилины // Саллюстий Крисп Г. Сочинения / Пер., статья и комментарии В.О. Горенштейна. М.: Наука, 1984. С. 36).

⁴ См. также: *Dondori G.* Della pietà di Pistoia in grazia della sua patria, scritta da fra Gioseppe Dondori ministro provinciale de' Cappuccini di Toscana. In Pistoia, 1666. P.151–152.

⁵ *Baldassari S.U.* Introduzione // *Historia Pistoriensis* / A cura di S.U. Baldassari, B. Aldi. Firenze, 2011. P. 21, 22; cfr.: 26.

⁶ Архивы города сохранили распоряжение изготовить несколько копий “*Historia Pistoriensis*”, а сам подаренный манускрипт поместить на хранение в собор (ASPT. Prov. 40, cc. 58 r-v. 31 luglio 1447 (изл. по: *Connell W.J.* Appendice di documenti // *Historia Pistoriensis*. P. 236–237; cfr.: *Arferuol P.* Historie delle cose più notabili seguite in Toscana, et altri luoghi, et in particolare in Pistoia. T. 2. 1650 (Archivio Capitolare di Pistoia, ms. PT AC, C. 50). P. 206, изл. по: *Connell W.J.* Appendice... P. 242). Неизбежны аналогии с судьбой «Истории флорентийского народа» Л. Бруни, копия которой была помещена Синьорией в капеллу Палаццо Веккьо (*Hankins J.* Notes on the composition and textual tradition of Leonardo Bruni's *Historiarum Florentini populi libri XII* // *Classica et Beneventana: essays presented to Virginia Brown on the occasion of her 65th birthday* / Ed. by T. Coulson and A.A. Grotans. Turnhout, 2008. P. 91).

что представляет особый интерес, учитывая доминирование Флоренции в историописании⁷. Если богатая нарративная традиция родины Данте позволяет анализировать воззрения флорентийцев на свое место в окружающем мире, то ситуация с Пистойей совсем иная. Сочинение Манетти — редкая возможность приблизиться к пониманию того, на чем зиждилась самоидентификация пистойцев; благодаря ему можно узнать, какой взгляд на истоки, определившие судьбу и репутацию города, были готовы принять его жители.

Джанноццо Манетти (1396–1459) являлся одним из самых многогранных представителей Ренессанса⁸. К сожалению, до недавнего времени интерес ученых концентрировался прежде всего на его знаменитом трактате «О достоинстве и превосходстве человека». Исследователь творчества Манетти С.У. Балдассарри отмечает, что тот работал над неким сочинением, состоя в каждой из должностей во флорентийском контадо. Исполняя обязанности капитана в Пистое, гуманист хотел приблизиться к таким эталонным личностям, как канцлеры Флорентийской республики К. Салутати и Л. Бруни, выдающиеся общественные деятели и блистательные мастера слова⁹. Правдоподобна гипотеза, что Манетти начал лелеять мысль о “*Historia Pistoriensis*” вскоре после приезда в город осенью 1446 г. Считать так побуждает документ, разрешающий новому капитану пользоваться капитулярной библиотекой¹⁰. Если брать за точку отсчета 25 октября 1446 г., автор трудился над «Историей» 7 месяцев¹¹. Этот срок следует уменьшить за счет времени, необходимого для изготовления копии, достойной адресатов; поэтому С.У. Балдассарри датирует готовность манускрипта самое позднее началом мая 1447 г.¹² В действительности же о пятимесячном сроке можно говорить с существенными оговорками: в этот период состоялась поездка гуманиста в качестве посла в Рим и, конечно, много времени отняла борьба с недругами, активизировавшимися после злополучного посольства пистойцев к флорентийским властям. Горожане просили о продлении полномочий Манетти, что шло в разрез с законами;

⁷ См., например: *Francesconi G. Pistoia e Firenze in età comunale. I diversi destini di due città della Toscana interna // La Pistoia comunale nel contesto toscano ed europeo (secoli XII–XIV) / A cura di P. Gualtieri. Pistoia, 2008. P. 326–331.*

⁸ Подробнее о нем см.: *Бузеева Н.В. Древнейшая история Тосканы в “Historia Pistoriensis” Джанноццо Манетти* // Цари. Жрецы. Магистры. Сборник статей по истории государственно-правового устройства и политической культуры древних обществ, посвященный 65-летию В.В. Деметьевой (в печати).

⁹ *Baldassari S.U. Op. cit. P. 7.*

¹⁰ Документ АСРТ, А/1, I, с. 10г опубликован в: *Connell W.J. Appendice... P. 232.*

¹¹ Документ АСРТ, Provv., 40, cc. 58r-v датирует вручение «Истории Пистойи» от имени Манетти 3 июля 1447 г. (*Connell W.J. Appendice... P. 236–237.*)

¹² *Baldassari S.U. Op. cit. P. 12.*

враги увидели в этом свидетельство опасного для республики честолюбия гуманиста. В значительной степени рукопись “*Historia Pistoriensis*” — дань благодарности пистойцам за доброе отношение и попытка оправдаться перед флорентийцами.

«История Пистойи» (“*Historia Pistoriensis*”) не переведена на русский язык; интересующая нас часть рассказа Манетти начинается следующим образом: «Итак, римляне подчинили этрусков, а затем долгие годы одерживали победы над многочисленными народами, покорив их и умиротворив в консульство М. Туллия Цицерона и Г. Антония уже почти всю землю (имеются в виду завоевания Помпея на Востоке. — Н.Б.) до того, как Цезарь захватил единоличную власть. Тогда начались междоусобные распри, и Л. Катилина, потомок знатного рода, муж великой силы духа, обладатель не меньшего красноречия, дерзнул ради грабежа составить заговор против республики вместе со многими пропащими людьми всаднического и сенаторского сословия, а также с некоторыми другими преступниками патрицианского происхождения. Он дерзнул составить заговор, возглавив столь многочисленных заговорщиков и располагая столькими силами, что, конечно, довел бы задуманное до конца, и случилась беда, если бы не противостояла его великим начинаниям исключительная и необыкновенная мудрость консула Цицерона» (НР. I. 25).

Повествование близко к драматической картине, живописуемой Отцом Отечества: могучее государство в зените славы и одновременно на краю бездны (Cic. Cat. II. 11; Cat. IV. 19; Pro Sulla. 33; ср.: Cat. III. 1). Однако есть важное отличие: Цицерон настаивает на внезапности бедствия, видя причину всех зол в Катилине¹³. У гуманиста прослеживается причинно-следственная связь (*ita invicem dissentire coeperunt, ut L. Catilina <...> coniurare audiret*), близкая взглядам Саллюстия, для которого Л. Сергий — порождение междоусобиц конца II — первой половины I в. до н.э. (Sall. Cat. 5. 2; 5. 6–8; ср.: 14. 1). В неявном виде у Манетти, усердного читателя “*De coniuratione Catilinae*” (о чем далее), содержится реминисценция к пассажу о порче нравов (Ibid. 10–13), хотя он не конкретизирует, какие распри терзали Рим. Единственная вежа — диктатура Цезаря, не приведшая к концу гражданских войн. Упоминанием божественного Юлия гуманист вписал деятельность Катилины в череду катаклизмов последнего века Республики; заговор изображен наивысшей точкой предшествовавших неурядиц. Намекает ли Манетти, что Л. Сергий являлся предтечей Цезаря? Утвердительный ответ был бы,

¹³ Эту точку зрения Цицерон хотел навязать слушателям в 63 г. до н.э. (Cic. Cat. I. 31; Cat. II. 7–8; ср.: Cat. III. 16–17; Cat. IV. 6; Pro Murena. 81).

на наш взгляд, натяжкой. Из НР. I. 25 не следует преимущество, поскольку Катилина — воплощенная деструкция; его цель — только грабеж (*diripiendi gratia*). Некоторая близость, впрочем, наблюдается, если сравнить итоги деятельности. Цезарь вышел за рамки республиканских установлений (*singulare arripere imperium*)¹⁴, а Катилина устроил «заговор против республики (*adversus rem publicam <...> coniurare audiret*)», вылившийся в вооруженное восстание. Активность Л. Сергия также несет угрозу существующему государственному строю. Примечательно, что глубоко уважаемый автором “*Historia Pistoriensis*” Л. Бруни специально оговаривал: «Подозрение затронуло Г. Цезаря, который был потом диктатором» (Bruni. Hist. Flor. I. 7). Для канцлера Флорентийской республики было важно назвать его в связи с заговором, ведь, согласно легендам, Цезарь являлся основателем города и участником подавления мятежа в Тоскане. Имя диктатора «активировало» пласт реминисценций и череду размышлений (пусть даже Бруни считал Флоренцию сулланской колонией (Ibid. 1; 3–6)).

Манетти почти не пишет о людях, основавших Пистою, первоначала которой воплощены для него в личности погибшего вождя¹⁵. О заговорщиках скупко сообщается, что они многочисленны, знатны, нравственно испорчены. Это сближает “*Historia Pistoriensis*” со стремлением Цицерона перевести коллизию в моральную плоскость: речи великого оратора изобилуют уничижительными характеристиками («пропащие и преступные люди» и т.д.) (e.g.: Cic. Cat. I. 5; 13; 23; 25; 27; 30; 32; Cat. II. 3; 7–8; 11–12; 14; 24–25; 28–29; Cat. III. 14; 17; Cat. IV. 5; 7–8; 15; 22–23), подчеркиванием дерзости Катилины и его последователей (e.g.: Cic. Cat. I. 1–2; 4–9; 13; 15; 16; 19–20; 22; 31; Cat. II. 1; 9–10; 13–14; 28; Cat. III. 17; 22; 27–28; Cat. IV. 16). Схожие эпитеты употребляет писатель-моралист Саллюстий (e.g.: Sall. Cat. 5. 1; 5. 4; 16. 3; 18. 4; 23. 2; 32. 2; 37. 3; 37. 8; 50. 2), однако он рисует более сложную обстановку¹⁶. Для Манетти события 63 г. до н.э. в значи-

¹⁴ У.Дж. Коннелл в комментарии к этому месту поясняет: «То есть подчинить себе республику — уточнение дорогое всем флорентийским гуманистам, сверстникам Манетти» (Connell W.J. [Commento storico] // *Historia Pistoriensis*. P. 106, n. 41).

¹⁵ Напомним, что Флоренция была городом Флорина, не увидевшего ее строительства.

¹⁶ Манетти определяет негодяев как «многих пропавших людей всаднического и сенаторского сословия, а также <...> некоторых других преступников патрицианского происхождения» (НР. I. 25). Это близко к пассажу Саллюстия (Sall. Cat. 17. 3–6): «к нему (Катилине. — Н. Б.) собрались из сенаторского сословия — Публий Лентул Сура <...>, Квинт Курий; кроме того, из всаднического сословия — Марк Фульвий Нобилиор, <...>, Гай Корнелий и многие люди из колоний и муниципиев, знатные у себя на родине. Кроме того в заговоре участвовали, хоть и менее явно, многие знатные люди <...>. Впрочем, большинство юношей, особенно знатных, сочувствовали замыслам Катилины» (здесь и далее перевод «О заговоре Катилины»

тельной степени воплощены в персональном противостоянии. В случае с М. Туллим отмечаются мудрость¹⁷; подразумеваются любовь к отчизне, бесстрашие, проницательность, красноречие, ловкость в плетении политических интриг. На стороне Л. Сергия — знатность, великий дух, организаторские способности, опять же красноречие; это неординарная личность, выделяющаяся на фоне безликих соратников. Соблазнительно усмотреть здесь прием, которым пользуется Цицерон, сравнивая вождя с его никчемными последователями¹⁸.

Портрет Катилины у Манетти не совсем обычен, хотя почти дословно повторяет саллюстиеву характеристику¹⁹. Если римлянин говорит: «Луций Катилина, человек знатного происхождения, отличался большой силой духа и тела, но злым и дурным нравом (L. Catilina, nobili genere natus, fuit magna vi et anima et corporis, sed ingenio malo pravoque)» (Ibid. 5. 1), то флорентинец утверждает: «потомок знатного рода, муж великой силы духа (nobili genere natus, vir magni animi)» (HP. I. 25). Но Саллюстий продолжил: «Красноречия было достаточно, разумности мало (satis eloquentiae, sapientiae parum)»²⁰ (Sall. Cat. 5. 4), тогда как Манетти добавил: «обладатель не меньшего красноречия (nec minoris eloquentiae)», усиливая оратор-

В.О. Горенштейна). «Социологическая схема» римского историка более стройна и логична. У Флора участники заговора охарактеризованы так: «Он сам патриций! Но этого мало! Курий, Порций, Сулла, Цетег, Автроний, Варгунтей, Лонгин — что за фамилии! Цвет сената!» (Flor. II. 12. 3) (здесь и далее перевод «Двух книг римских войн» А.И. Немировского). Бруни пишет, что Катилина «составил заговор, <...> в котором участвовали многие люди всаднического, многие сенаторского сословия, некоторые даже принадлежали к патрицианским родам» (Bruni. Hist. Flor. I. 7). Согласно Виллани, Катилина «вступил в заговор с другими нобилиями и злоумышленниками <...>. Многих участников заговора, <...> принадлежавших к цвету граждан, даже к сенаторскому сословию, Цицерон все же приказал арестовать» (Villani. I. 30) (здесь и далее перевод «Новой хроники» М.А. Юсима).

¹⁷ Мудрость — именно то, что отличает Цицерона от его противника; упоминутая дважды дерзость — авантюристический склад характера, готовность рисковать — противопоставляется благоразумию.

¹⁸ Уже во Второй Катилинарии доминирует мысль, что с уходом главы заговора из города опасность миновала (Cic. Cat. II. 1–2; ср.: 4–7; 16–17). Наше исследование будет неполным, если мы не коснемся вопроса о влиянии на Манетти главного информатора последующих поколений о событиях 63–62 гг. до н.э. «Линия Цицерона», на наш взгляд, прослеживается в том, что общее описание заговора дано в соответствии с официальной версией, восходящей к М. Туллию. Помимо уже отмеченного контраста величия Рима и угрожающей городу жалкой участи, важной составляющей является тезис об исключительности консула — спасителя Республики. При ускоренной работе над «Historia Pistoriensis» (Baldassari S.U. Op. cit. P. 7, 11) Манетти должен был воспроизводить эти сведения по памяти.

¹⁹ Данное обстоятельство подчеркнул У.Дж. Коннелл (Connell W.J. [Commento storico] // Historia Pistoriensis. P. 106, n. 42).

²⁰ Расхождение с Саллюстием было отмечено У.Дж. Коннеллом (Connell W.J. [Commento storico] // Storia di Pistoia / Traduzione di S.U. Baldassari, commento storico di W.J. Connell. Alessandria, 2014. P. 27, n. 39; Connell W.J. [Commento storico] // Historia Pistoriensis. P. 106, n. 42).

ские способности Катилины и умалчивая о пороках²¹. Вольно или невольно противоборство приобрело оттенок состязания в красноречии между двумя ораторами — весьма одаренным и гениальным. Применительно к Л. Сергию Манетти дважды использует слово «великий»: когда пишет о силе духа и масштабах предпринятого (*magni animi <...> magnis eius conatibus*) (НР. I. 25). Таким образом, Катилина выступает в роли великого злодея, но не безумного негодяя (как в речах Цицерона (Cic. Cat. I. 8; 15; 22; 25; ср.: 11; Cat. IV. 22)). Не следует, однако, забывать, что именно Отец Отечества стоял у истоков так называемого «парадоксального портрета»²² своего врага, где пороки частично уравнивались достоинствами (Cic. Pro Caelio. 12–14; Pro Sestio. 8; 12). Как бы то ни было, при всей высокой оценке Катилины, подчеркивании его выдающихся качеств, неизменным остается главное: это опаснейший преступник, чья одаренность естьотячающее обстоятельство.

Мы уже затронули проблему источниковой базы Манетти. Согласно автору исторического комментария к “*Historia Pistoriensis*” У.Дж. Коннеллу, §26–28 в основном повторяют §7–8 «Истории флорентийского народа» Бруни; повествование о заговоре расширено за счет сведений Цицерона и Саллюстия²³. По мнению С.У. Балдассарри, важнейшей характеристикой труда Манетти является постоянное балансирование между рационалистической концепцией Л. Бруни и средневековой традицией, нашедшей отражение, в частности, у Дж. Виллани. С сочинениями обоих «История Пистойи» находится в сложном взаимодействии, в противоречивом диалоге²⁴. Рассмотрим, насколько справедлива точка зрения итальянского исследователя в нашем случае. Непосредственный предшественник Манетти лаконичен в описании протагониста: «Луций Катилина, решивший устроить государственный переворот, составил великий заговор против республики» (Bruni. Hist. Flor. I. 7). Рассказ Виллани гораздо красочнее и подробнее: Катилина характеризуется как «один из знатнейших граждан <...>, происходивший из царского рода Тарквиниев, чело-

²¹ «С юных лет ему были по сердцу междоусобные войны, убийства, грабежи, гражданские смуты, и в них он провел свою молодость. Духом был дерзок, коварен, переменчив, мастер притворяться и скрывать что угодно, жаден до чужого, расточитель своего, необуздан в страстях» (Sall. Cat. V. 2–4). Ср. замечание У.Дж. Коннелла, что опускается заключительная часть пассажа, относящаяся к порокам Катилины (Connell W.J. [Commento storico] // Storia di Pistoia. P. 27, n. 39) и наблюдение С.У. Балдассарри и У.Дж. Коннелла (Baldassarri S.U., Connell W.J. Introduzione // Ibid. P. 11, n. 24).

²² См.: La Penna A. Il ritratto ‘paradossale’ da Silla a Petronio // La Penna A. Aspetti del pensiero storico latino: con due scritti sulla scuola classica. Torino, 1983. P. 193–221.

²³ Connell W.J. [Commento storico] // Storia di Pistoia. P. 28, n. 42.

²⁴ Baldassarri S.U. Op. cit. P. 22; cfr.: 24, 29, 30.

век беспутной жизни, но смелый и отважный боец, прекрасный оратор, хотя и не очень благоразумный» (Villani. I. 30). Цицерон назван «мудрым консулом», который в силу «великого ума и красноречия» предпринял «благоразумные и дальновидные меры» (Ibid.).

В пассаже НР. I. 25 прослеживается сильное влияние Бруни с добавлением восходящей прежде всего к Саллюстию информации. Сходство с Виллани вторично и, на наш взгляд, объяснимо следованием за античной традицией. Обращает на себя внимание, что из достоинств Л. Сергия хронист поставил на первое место воинскую доблесть, тогда как для Манетти важнее ораторский дар. Но формула «прекрасный оратор, хотя и не очень благоразумный» (Villani. I. 30) сохраняет бóльшую связь с Саллюстием, чем модификация гуманиста²⁵ (хотя тот избежал ошибок касательно происхождения Цицерона и Катилины²⁶). Показательно, что из трех флорентийских историков лишь самый ранний и наиболее близкий к легендарной традиции (Виллани) дал развернутую мотивацию действий Катилины, изложив план его действий: «он вступил в заговор с другими нобилями и злоумышленниками, чтобы убить консулов и часть сенаторов, отменить их власть, поднять в городе бунт и беспорядки, поджечь его с четырех сторон и самому стать господином Рима» (Ibid.). Мы склонны объяснять это спецификой сочинений. Бруни считал, что в силу общеизвестности фактов можно ограничиться отсылкой к памяти: «Хотя данные события хорошо известны, я счел необходимым кратко о них напомнить, поскольку они имеют отношение к этой местности и к основанию этого города (Флоренции. — Н.Б.)» (Bruni. Hist. Flor. I. 8)²⁷. Манетти писал краткий обзорный труд, его внимание было сосредоточено на том, что имело непосредственное отношение к Пистое. Только для Виллани важно подробное описание событий 63–62 гг. до н.э., в частности, из-за участия в них Фьезоле и необходимости рассказать о древних расправах с соседом.

Обратимся к рассказу о втором этапе восстания, т.е. от ухода Катилины из столицы до решения увести своих людей в Галлию. “*Historia Pistoriensis*” констатирует: «Он ушел из Рима с такими замыслами и намерениями: сперва думал тайно занять Пренесте, что-

²⁵ Виллани следует здесь за средневековой традицией о «доблестном рыцаре» Катилине. Подробнее о трансформации восприятия Л. Сергия в Тоскане с XIII по XIV в. см.: *Osmond P.J.* Catiline in Florence and Fiesole: the Medieval and Renaissance after-life of a Roman conspirator // *International Journal of Classical Tradition*. 2000–2001. Vol. 7. P. 3–38; *Marcone A.* Catilina e la sua (s)fortuna in Toscana alla fine del Medioevo // *Le carte e i discepoli. Studi in onore di Claudio Griggio* / A cura di F. di Brazzà, I. Caliaro, R. Norbedo, R. Rabboni e M. Venier. Udine, 2016. P. 33–41.

²⁶ Виллани называет отца оратора уроженцем Кампании (Villani. I. 30).

²⁷ Напомним, что Бруни исходил из гипотезы, что Флоренцию основали солдаты Суллы, и она не была затронута восстанием.

бы — если преуспеет в своих стремлениях — обосноваться здесь для ведения войны. Потом, узнав, что этот город охраняется несколько тщательнее, чем он полагал, Катилина переменял замысел, избрав вместо Пренесте Фезулы» (НР. I. 27). События излагаются неточно, ведь попытка захватить Пренесте²⁸ предваряла уход из Рима (Cic. Cat. I. 18). В результате хронологического сбоя смещены важнейшие акценты: у античных авторов Фезулы — центр мятежа, костер, из которого разлетаются опасные искры (Sall. Cat. 24. 1; 27.1; 27. 4; 28. 4; App. В.С. II. 2. 4; 3. 3–4; Dio Cass. XXXVII. 30. 4; 33. 2; 39. 2; ср.: Cic. Cat. I. 5; 7; 10; 24; 30; Cat. II. 14; 16; 20; Pro Murena. 49)²⁹; у Манетти — едва ли не жертва обстоятельств.

Подобная трактовка тем более нуждается в объяснении, если вспомнить, что флорентийская традиция в лице Бруни и Виллани следовала за Цицероном. Согласно хронисту, «выехав из Рима, Катилина с некоторыми сподвижниками отправился в Тоскану, где один из главных заговорщиков, Манлий, собрал под своим командованием войско в старинном городе Фьезоле. Катилина, прибыв сюда, поднял восстание против власти римлян, призвал к себе всех мятежников и изгнанников из Рима и других провинций, народ отпетый и готовый к войне и разбою, и объявил римлянам войну» (Villani. I. 31). По версии Бруни, Л. Сергий «сперва задумал занять ночным нападением Пренесте, чтобы вести оттуда войну, но потом, узнав, что этот город охраняется тщательнее, чем обычно, переменял замысел, избрав вместо Пренесте Фьезоле» (Bruni. Hist. Flor. I. 7). Цитируемая фраза близка к НР. I. 27, отдельные формулировки дословно совпадают, но последовательность событий изложена канцлером Флорентийской республики правильно. Почему Манетти вступил в скрытую полемику со всеми, кто обладал для него авторитетом? Либо гуманиста подвела прославленная память, либо он хотел снять с Тосканы долю вины за участие в мятеже. Обратим внимание на эмоциональную составляющую повествования. Саллюстий не упоминает Пренесте, много пишет о Фезулах и центурионе Манлии (Sall. Cat. 24. 2; 27. 1; 27. 4; 29. 1; 30. 1; 30. 3; 32. 1; 32. 3; 36. 1–2; 56. 1–4), красочно описывает прибытие Катилины в Этрурию (Ibid. 36. 1). Аретинская область, родина Бруни, сделалась важным центром восстания (Ibid.). У Флора, чей труд известен Манетти (НР. I. 9), Катилина отправился «в Этрурию к войску, подготовленному Манлием» (Flor. II. 12. 8). Виллани

²⁸ 7 ноября Цицерон публично обвинил в этом Катилину (Cic. Cat. I. 8). С учетом специфики речей великого оратора можно предположить более сложную ситуацию.

²⁹ Ср.: «Искра этого, пусть и незначительного, движения вылетела из погребального костра Суллы» (Flor. II. 11. 1).

подчеркивает антагонизм фезуланцев по отношению к римлянам (и грядущей Флоренции). Текст Бруни настолько краток, что нелегко понять, хочет ли он обелить тосканские города в целом. Как бы то ни было, утверждается, что война принесена извне. Даже Фезулы выступают в качестве запасного варианта, и их роль в восстании не акцентирована³⁰.

В «Истории флорентийского народа» опасность существовала недолго, всё заканчивается хорошо: Катилина быстро уходит на север, мир воцаряется в долине Арно. И снова из трех историков ближе всех к подробному рассказу Саллюстия наиболее ранний. Осмелимся предложить объяснение: Виллани писал примерно тогда, когда Данте клеймил уроженцев соседнего Фьезоле (D. Inf. XV. 73), а в Тоскане существовало несколько центров политического притяжения. Хронист жил во время неустойчивого равновесия³¹, еще не изгладились из памяти унаследованные от предков раздоры с Фьезоле и Пистойей³². Деятельность Бруни протекала в эпоху утверждения флорентийской гегемонии, когда решались масштабные задачи, и соперничество с давно покоренным соседом было малоактуально. Манетти, чей рассказ о Катилине предварялся вдохновенной элогией этрускам (НР. I. 1–23), мыслит категориями объединенной под главенством Флоренции Тосканы (хотя процесс отнюдь не был завершен).

Рассмотрим повествование “*Historia Pistoriensis*” о конце заговора. Согласно гуманисту, узнав о казни заговорщиков в Риме, Л. Сергий решил бежать в Галлию (Ibid. 28). Стилистически текст НР. I. 29 близок к краткому сообщению Бруни: «Катилина же, когда услышал об этом и ему показалось, что надежды рухнули и все старания теперь напрасны, сделал попытку бежать в Галлию» (Bruni. Hist. Flor. I. 8). Далее подводится итог: «Окруженный римской армией и вынужденный попытать военное счастье, он (Катилина. — Н.Б.) гибнет вместе со своими людьми в Пистойской области (*una cum suis in pistoriensi agro occiditur*)» (Ibid.). В §29–33 Манетти гораздо словоохотливее: он пишет, черпая сведения из “*De coniuratione Catilinae*”, о двух армиях-преследовательницах, о выборе Л. Сергием против-

³⁰ Бруни обращался к хорошо осведомленному читателю, знакомому с трудом Саллюстия и творчеством Цицерона; тем примечательнее, что сказана лишь часть правды.

³¹ Первые книги «Новой хроники» Виллани писал до 1333 г. (см.: Юсим М.А. Джованни Виллани — первый историк Флоренции // Виллани Дж. Новая хроника или История Флоренции. СПб., 2019. С. 523. Прим. 20). Такие важнейшие события, как завоевание Флоренцией Пизы и покупка Лукки, отпор вооруженной экспансии Милана в Центральную Италию произошли позднее.

³² Виллани писал о Катилине и Фьезоле в связи с основанием Флоренции. Требовалось поведать красочные подробности об исконном враге, чья злокозненность постоянно подчеркивается.

ника, о поведении Антония. Пожалуй, главное расхождение с Саллюстием заключается в трактовке роли консула. Коллега Цицерона изображен Манетти едва ли не героически: «Ведь Антоний, даже несмотря на то, что страдал от боли в ногах³³ и мучился подагрой, преследовал его (Катилину. — Н.Б.) <...> во главе большого войска с такой быстротой, что казалось, уже находится около лагеря; и Антоний не уклонился от сражения» (НР. I. 30). Это схоже с трактовкой событий Виллани, в рассказе которого, однако, достоверная информация сопрягается с грубыми ошибками³⁴. Согласно «Новой хронике», Антоний руководил походом наравне с Петреем; в его адрес не звучит никаких упреков (Villani. I. 31–32). Оправдана постановка вопроса о причинах игнорирования враждебной консулу традиции. Располагая речами «За Целия», «За Сестия» и Dio Cass. XXXVII. 39, современный исследователь готов принять слова Саллюстия: «В рядах противника Гай Антоний, страдавший болезнью ног, вверил войско своему легату Марку Петрею, так как сам не мог участвовать в сражении» (Sall. Cat. 59. 4) за скрытое осуждение. Но считал ли так читатель середины XV в.? Не забудем, что Манетти стремился к «монолитности» образа римлян — народа, предназначенного править миром (НР. I. 19; ср.: 25), а в начале рассказа четко очерчивает круг заговорщиков, не оставляя места предательству Антония (Ibid. 25)³⁵.

Решающее сражение характеризуется как «довольно долгий кровавый бой с переменным успехом» (НР. I. 32); «войска Катилины были разбиты, и он, потерпевший поражение, был убит вместе со своими людьми в Пистойском поле (in agro Pistoriensi occiditur)» (Ibid. 32)³⁶. Манетти считает нужным добавить: «Особо примечательно в том конфликте, что из всего войска Катилины ни в сражении, ни во время бегства не был взят в плен ни один свободорожденный гражданин. Что касается римского войска, то необходимо отметить почти то же самое; мы знаем, прочитав у Криспа, что оно одержало нерадостную и небескровную победу; ведь передает (Саллюстий. — Н.Б.), что всякий рыанейший либо погиб в сражении, либо покинул

³³ У.Дж. Коннелл указывает на заимствование Манетти этой детали у Саллюстия (Connell W.J. [Commento storico] // *Historia Pistoriensis*. P. 107, n. 51; Connell W.J. [Commento storico] // *Storia di Pistoia*. P. 28, n. 43). Однако комментатор подчеркивает различие в трактовке роли Антония в конфликте.

³⁴ Виллани неверно передал имя Петрея, добавил подробность о письмах, переданных Антонию Метеллу Целеру, и с ошибками изложил действия последнего (Villani. I. 31–32). Рассказ хрониста не чужд сказочных мотивов (например, история с подкованными задом наперед конями) (Ibid. 32).

³⁵ Иначе непонятно, почему Манетти не указал на ненадежность Антония в НР. I. 25.

³⁶ Планируем специально обратиться к проблеме так называемого *Campro Piseno* (Пиценского поля) и оставляем этот сюжет для дальнейшего исследования.

поле боя тяжело раненым» (Ibid. 33). У.Дж. Коннелл справедливо указывает, что здесь и в НР. I. 52 Манетти почти дословно цитирует римского историка³⁷. Влияние Саллюстия также прослеживается во фразе: «очень многие из сражающихся были убиты, многие ранены, немногие <...> вернулись невредимыми, о чем читаем у надежных авторов (idoneos auctores)» (Ibid. 31)³⁸. Но почему использовано множественное число? Примем в качестве гипотезы, что «надежные авторы» не фигура речи, и рассмотрим прежде всего кандидатуры греко-римских писателей.

Цицерон был заинтересован в том, чтобы прославить раскрытие заговора в столице; в сохранившемся корпусе его трудов нет описания «битвы при Пистории». Рассказ о действиях Катилины в Этрурии и о последнем бое содержится у Веллея Патеркула, Флора, Аппиана, Диона Кассия. Веллей фиксирует героическую гибель Л. Сергия (Vell. II. 35. 5). В «Двух книгах римских войн» констатируется: «О том, каким кровопролитным было сражение, говорит его исход: никто из врагов не уцелел. Место, которое каждый занимал в бою, он покрывал своим трупом. Катилина же был найден далеко от своих, среди врагов <...>» (Flor. II. 12. 12). У Манетти речь именно о войске победителей (ср.: НР I. 33; 31), тогда как Флор о них молчит. Для Аппиана победа над мятежниками была весьма легкой: «Но второй консул, Антоний, настиг его (Катилину. — Н.Б.) у подошвы Альп и легко победил человека, который необдуманно замыслил необычайное дело и еще более необдуманно хотел осуществить его без достаточной подготовки»³⁹ (App. B.C. II. 7. 1). Дион Кассий в освещении битвы близок к Саллюстию: «Итак, вступив в бой с ними, он (Антоний. — Н.Б.) не без кровопролития уничтожил Катилину и еще три тысячи человек, сражавшихся крайне мужественно: ведь никто из них не бежал, все пали на месте, так что сами победители сильно горевали о республике, ведь погубили, пусть даже заслуженно, столь многочисленных и столь отважных граждан и союзников» (Dio Cass. XXXVII. 40. 1). Но здесь ничего не пишется о потерях правительственных войск. Кроме того, если Манетти читал к 1447 г. «Римскую историю», отослал ли он Диона к надежным авторам?

Рассмотрев методику работы гуманиста с источниками, в частности с древнегреческим нарративом, мы пришли к заключению, что

³⁷ Connell W.J. [Commento storico] // *Historia Pistoriensis*. P. 108, n. 54; cfr.: P. 108, n. 55; P. 113, n. 73; Connell W.J. [Commento storico] // *Storia di Pistoia*. P. 29, n. 46).

³⁸ У.Дж. Коннелл отсылает к Sall. Cat. 60 (Connell W.J. [Commento storico] // *Historia Pistoriensis*. P. 107, n. 52), не уделяя, однако, должного внимания словосочетанию «надежные авторы».

³⁹ Перевод С.И. Ковалева.

эллинистические писатели в «шкале предпочтений» Манетти занимают очень высокое место; он прибегает к их сведениям лишь в случае с двумя специфическими периодами истории этрусков⁴⁰. Потому, как бы ни решался вопрос о доступности “Ῥωμαϊκὴ ἱστορία”⁴¹, едва ли примем кандидатуру Диона. Однако вспомним отношение Манетти к тосканской традиции: им выделяется ряд «недавних» авторов, чьи труды неоспоримо достоверны. В НР. I. 36 эти люди названы поименно: Данте, Петрарка, Бокаччо, Виллани, комментаторы «Комедии» Бенвенуто да Имолы и Франческо да Бути. Но у Данте имеется лишь глухой намек на катилинарский сюжет (D. Inf. XXV. 10–16); Бокаччо и Петрарка молчат о чем-либо подобном⁴². Бенвенуто да Имолы в комментарии к Inf. XXIV. 140–151 пишет о существовании близ Пистойи Пиценского поля, где был разбит Катилина; еще более краток Франческо да Бути⁴³. Виллани же рассказывает о решающем бое так: «Стесненный с двух сторон Катилина понял, что битвы не избежать, и решил попытаться военного счастья. Со своим отрядом он храбро ринулся в бой, и началась великая резня римлян, мятежников и фьезоланцев. В конце концов Катилина был разбит и пал на Пиценской равнине вместе со всеми своими людьми, а победа досталась римлянам, но такой дорогой ценой, что в живых, кроме самих консулов, насчитывалось десятка два всадников <...>. Кто хотел бы знать подробности этих событий, пусть прочитает книгу Саллюстия под названием “Катилинарий”» (Villani. I. 32). Флорентийские историки, как то Брунетто Латини (Tres. Br. I. 37; Tes. Br. I. 37), Рикордано Малеспини (Ricord. Malesp. XIII. 9–12), Маркьоне ди Коппо Стефани (Cronaca. 19a), а также анонимные «Фьезоланская книга» (Lib. fies. 7) и «Хроника о происхождении города» (Chr. 6)⁴⁴ приводят свои цифры, иногда фантастические и не основывающиеся на античной

⁴⁰ См.: Бугаева Н.В. Указ. соч.

⁴¹ «Римскую историю» Диона Кассия привез в Италию с Востока Дж. Ауриспа (первая треть XV в.). Исследователи творчества Манетти весьма сдержаны в своем мнении об использовании им греческих текстов до переезда в Рим (см.: Haan den A. The Greek library of Giannozzo Manetti (1396–1459): his collection and his Greek studies // Renaissance Studies. 2019. Vol. 33. P. 270–271]). Живя во Флоренции, гуманист собирал эллинистические рукописи, однако «влияние греческих источников на латинские сочинения Манетти не ясно» (Ibid. P. 275; cfr.: 278).

⁴² У Дж. Коннелл (Connell W.J. [Commento storico] // Historia Pistoriensis. P. 108, n. 56; cfr.: P. 111, n. 66) считает, что Манетти назвал Петрарку и Бокаччо вместе с Данте, «словно стремясь любой ценой сохранить целостность» канона. К подобному приему Манетти прибегнет также в НР. I. 48.

⁴³ Изл. по: Connell W.J. [Commento storico] // Historia Pistoriensis. P. 107–108, n. 53.

⁴⁴ В данном аспекте не столь существен дубляж рассказа о «битве при Пистойе» у некоторых авторов.

традиции. Допустимо предположить, что Манетти имел в виду земляков-предшественников.

Таким образом, мы пришли к следующим выводам. Благоклонно принятое пистойскими властями повествование Джанноццо Манетти о событиях 63–62 гг. до н.э. восходит прежде всего к Саллюстию, однако гуманист расходится с ним в ряде важных аспектов. Хотя попытка поднять восстание осуждается, а заговорщики изображены пропащими и преступными людьми, облик самого Катилины облагорожен. Главными его достоинствами названы знатность, величие духа, красноречие. Из отрицательных качеств указывается лишь на дерзость (*audacia*), побудившую ниспровергнуть Республику. Манетти не обращается к вариантам легенды о совместном основании Пистойи уцелевшими мятежниками и залечивающими раны солдатами Антония или только последними. Всё же городской совет выразил одобрение словами: «Прославленный муж Джанноццо ди Бернарди Манетти из Флоренции <...> приложил усилия к тому, чтобы выявить происхождение и древние начала города Пистойи (*dedit operam in reperiendo origines et principia antiquorum civitatis Pistorii*), написав историческое сочинение к чести и славе (*ad famam et gloriam*) этого города»⁴⁵.

Манетти впервые обосновал (в пределах возможностей ренессансной науки) римское происхождение Пистойи. Он использовал достоверные — с точки зрения современников — источники, применил логически стройную процедуру их анализа, т.е. заложил прочную основу для гордости римским происхождением и для апелляции к нему. «Отцы-основатели», как и Катилина, не были идеальными кандидатами на почетную роль, но проблема их сомнительного морального облика не принадлежала к числу неразрешимых. Ограничимся сейчас параллелями с близкой по времени попыткой Л. Бруни облагородить первостроителей Флоренции — сулланских ветеранов. Изъяны биографии отступали на задний план по сравнению с правом наследования великому Риму благодаря кровному родству.

Список сокращений

HP — *Historia Pistoriensis*

Lib. fies. — *Libro fiesolano*

Chr. — *Chronica de origine civitatis Florentiae*

Cronaca — *Marchionne di Coppo Stefani. Cronaca*

⁴⁵ ASPT. Prov. 40, cc. 58r-v. 31 luglio 1447 (цит. по: *Connell W.J. Appendice... P. 236*). Мы сочли возможным перевести по контексту “*fama*” (молва) и “*principia antiquorum civitatis Pistorii*” (происхождение древних жителей города Пистойя).

Список литературы

Юсим М.А. Джованни Виллани — первый историк Флоренции // Виллани Дж. Новая хроника или История Флоренции. СПб.: Наука, 2019. С. 516–533.

Baldassari S.U. Introduzione // *Historia Pistoriensis* / A cura di S.U. Baldassarri, B. Aldi. Firenze: Sismel, Edizioni del Galluzzo, 2011. P. 1–46.

Baldassarri S.U., Connell W.J. Introduzione // *Storia di Pistoia* / Traduzione di S.U. Baldassarri, commento storico di W.J. Connell. Alessandria: Edizioni dell'Orso, 2014. P. 1–13.

Cini D. Osservazioni storiche sopra l'antico stato della montagna pistoiese con un discorso sopra l'origine di Pistoia del capitano Domenico Cini. Firenze: Stamperia di S.A.R., 1737. 292 p.

Connell W.J. [Commento storico] // *Historia Pistoriensis* / A cura di S.U. Baldassarri, B. Aldi. Firenze: Sismel, Edizioni del Galluzzo, 2011. P. 95–227.

Connell W.J. [Commento storico] // *Storia di Pistoia* / Traduzione di S.U. Baldassarri, commento storico di W.J. Connell. Alessandria: Edizioni dell'Orso, 2014. P. 15–166.

Connell W.J. Appendice di documenti // *Historia Pistoriensis* / A cura di S.U. Baldassarri, B. Aldi. Firenze: Sismel, Edizioni del Galluzzo, 2011. P. 231–242.

Francesconi G. Pistoia e Firenze in età comunale. I diversi destini di due città della Toscana interna // *La Pistoia comunale nel contesto toscano ed europeo (secoli XII–XIV)* / A cura di P. Gualtieri. Pistoia: Società pistoiese di storia patria, 2008. P. 73–100.

Haan den A. The Greek library of Giannozzo Manetti (1396–1459): his collection and his Greek studies // *Renaissance Studies*. 2019. Vol. 33. P. 267–280.

Hankins J. Notes on the composition and textual tradition of Leonardo Bruni's *Historiarum Florentini populi libri XII* // *Classica et Beneventana: essays presented to Virginia Brown on the occasion of her 65th birthday* / Ed. by T. Coulson and A.A. Grotans. Turnhout: Brepols, 2008. P. 87–109.

La Penna A. Il ritratto 'paradossale' da Silla a Petronio // La Penna A. *Aspetti del pensiero storico latino: con due scritti sulla scuola classica*. Torino: Einaudi, 1983. P. 193–221.

Lapini N. Pistoia in età Romana: dati aquisiti, nuove prospettive // *In agro pistoriense: dalla preistoria all'età romana*. VIII Congresso nazionale di archeologia. Pistoia: IRSA, 2017. P. 85–99.

Marcone A. Catilina e la sua (s)fortuna in Toscana alla fine del Medioevo // *Le carte e i discepoli. Studi in onore di Claudio Griggio* / A cura di F. di Brazzà, I. Caliaro, R. Norbedo, R. Rabboni e M. Venier. Udine: Forum, 2016. P. 33–41.

Osmond P.J. Catiline in Florence and Fiesole: the Medieval and Renaissance after-life of a Roman conspirator // *International Journal of Classical Tradition*. 2000–2001. Vol. 7. P. 3–38.

Поступила в редакцию
24 апреля 2022 г.

Т.А. Матасова

**«В БЫСПАНСКОМ ГОСУДАРСТВЕ ВОЗДУХ ЗДОРОВ
И ВЕСЕЛ»: ПЕТР ПОТЕМКИН В ИСПАНИИ В 1667–1668 гг.
(ЗАМЕТКИ О НОВОМ СБОРНИКЕ ДОКУМЕНТОВ)**

Т.А. Matasova

**“IN THE STATE OF HISPANIA THE AIR IS WHOLESOME
AND JOLLY”: PIOTR POTEMKIN IN SPAIN, 1667–1668
(NOTES ON A NEW COLLECTION OF DOCUMENTS)**

Аннотация. В статье рассмотрена новейшая публикация комплекса документов по истории русско-испанских связей в конце 1660-х гг., осуществленная В.А. Ведюшкиным и Е.Е. Рычаловским при участии Б.Н. Флори, О.В. Волосюк и других крупных российских исследователей. Автор статьи отмечает многочисленные достоинства издания, указывает на его новаторский характер, обращает внимание на конкретные исследовательские перспективы, открывающиеся благодаря этой обстоятельной работе для широкого круга ученых. Сборник занимает важное место среди публикаций комплексов документов и закрывает заметную лакуну в исследованиях русско-испанских связей раннего периода, осуществленных в последние годы. Уникальность издания заключается в том, что представленные в нем материалы позволяют комплексно рассмотреть первое полноценное русское посольство в Испанию, выявить особенности как русского, так и испанского взгляда на события. Сборник дополняют высокопрофессионально составленные, исключительно подробные сопроводительные материалы. Это, прежде всего, вводные статьи, посвященные обзору русско-испанских связей и личности П.И. Потемкина, а также комментарии к документам и приведенные в конце заметки, посвященные ряду частных, но интересных

Матасова Татьяна Александровна, кандидат исторических наук, доцент, заместитель заведующего кафедрой истории России до начала XIX века исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Matasova Tatyana Aleksandrovna, PhD Candidate in History, Associate Professor, Deputy Head, Department of Russian History up to the Beginning of the Nineteenth Century, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University
+7-910-442-16-38; tamatt2009@gmail.com

Исследование выполнено при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия».

This research has been supported by the Interdisciplinary Scientific and Educational School of Moscow University “Preservation of the World Cultural and Historical Heritage”.

вопросов. Все эти тексты содержат многочисленные новые для науки данные. Еще больше новых сведений, ждущих своего исследователя, содержат сами источники русского и испанского происхождения, вводимые в научный оборот. Они дают возможность не только составить представление о целях, ходе, итогах миссии П.И. Потемкина и о посольском церемониале, но и извлечь яркие подробности, полезные для изучения взаимных представлений русских и испанцев (в том числе в исторической ретроспективе) и даже о самоощущении послов. Публикуемые документы богаты свидетельствами о повседневном обиходе и поведении русских послов в Испании, о сложностях, с которыми они сталкивались в дороге, о круге бытовых проблем, которые им приходилось решать. Исключительный интерес представляют также сведения экономического характера.

Ключевые слова: русско-испанские отношения, посол П.И. Потемкин, публикация источников, Статейный список русского посольства, донесения посла, межкультурные коммуникации.

Abstract. The article considers the latest publication of a set of documents on the history of Russian-Spanish relations in the late 1660s, carried out by V.A. Vedyushkin and E.E. Rychalovsky and featuring B.N. Florya, O.V. Volosyuk and other major Russian researchers. The author of the article notes the numerous advantages of the publication, points to its innovative nature, and draws attention to the specific research prospects that this detailed work provides for a wide range of scientists. The collection occupies a prominent place among the publications of sets of documents and closes a noticeable gap in the studies of Russian-Spanish relations of the Early Modern period carried out in recent years. This publication can be considered unique due to the fact that the presented materials allow comprehensive study of the first fully fledged Russian embassy to Spain, as well as the identification of the features of both the Russian and Spanish views on the events. The collection is accompanied by supplementary materials, which are highly professionally compiled and exceptionally detailed. These are, first of all, introductory articles reviewing Russian-Spanish relations and the personality of P.I. Potemkin, as well as annotations to the documents and end notes on a number of individual but relevant issues. All these texts provide scholars with extensive new data. Even more new information awaiting its researcher can be found in the first published sources of Russian and Spanish origin, thus introduced into scientific circulation. They not only provide an opportunity to comprehend the goals, course, and results of P.I. Potemkin's embassy as well as the embassy ceremonial, but also contain vivid details for studying the reciprocal views of Russians and Spaniards (including in a historical retrospective) and even the self-awareness of the ambassadors. The published documents are a rich source of evidence about the daily routine and manners of the Russian ambassadors in Spain, the difficulties they encountered on the way, and the range of everyday problems that they had to solve. Of exceptional interest is also the information related to economy.

Keywords: Russian-Spanish relations, Ambassador P.I. Potemkin, publication of sources, *Stateiny Spisok* of the Russian embassy, ambassador's reports, intercultural communication.

Для России середина XVII в. — период важнейших трансформаций в области социально-политического развития, а также в области культуры. Эти сложные явления знаменовали собой постепенный переход от Средневековья к раннему Новому времени. Именно в эту эпоху оформляются главные предпосылки реформ Петра Великого, в том числе постепенно складываются очертания западного вектора его внешней политики.

На годы царствования Алексея Михайловича (1645–1676) приходится существенное обновление международных связей Русского государства со странами Западной Европы. В 1650–1660-е гг. после долгого перерыва русские послы были отправлены ко дворам венецианского дожа (1656), тосканского герцога (1659), английского (1662), испанского и французского королей (1667–1668). И пусть эти посольства не привели к значимым торговым или политическим результатам, историческое значение самого факта этих миссий — ярких страниц в истории российской дипломатии — сложно переоценить: это был как важный опыт знакомства с политическими элитами и традициями тогдашней Европы, так и значимый этап во взаимном ознакомлении культур.

Именно поэтому кажется совершенно невероятным, что многие материалы (как русские, так и зарубежные), связанные с деятельностью русских дипломатов середины — второй половины XVII столетия, до сих пор введены в научный оборот лишь фрагментарно, а полноценные публикации источников все еще являются редкостью. Даже статейные списки некоторых посольств, частично опубликованные в конце XVIII–XX вв., почти не становились предметом обстоятельного изучения.

Подобная ситуация была долгое время характерна и для ранних этапов русско-испанских связей, не слишком часто привлекавших внимание специалистов¹. Только в 2017–2018 гг., когда отмечался 350-летний юбилей первых полноценных дипломатических контактов между Россией и Испанией, специалисты как по истории Испа-

¹ Впрочем, значимые исследования по данной тематике были опубликованы в 1960-е, а затем — в 1980–1990-е гг.: *Алексеев М.П.* Очерки истории испано-русских литературных отношений XVI–XIX вв. Ленинград, 1964; *Казакова Н.А.* Статейные списки русских послов в Испанию XVII в. // Археографический ежегодник за 1984 г. М., 1986. С. 140–157; *Клибанов А.И.* У истоков русско-испанских взаимосвязей (80-е гг. XV–XVI вв.) // Вопросы истории. 1987. № 3. С. 45–59; *Фалкон Рамирес Х.* Русское посольство 1681 года: попытка развития двусторонней торговли // Проблемы испанской истории. 1992. М., 1992. С. 104–111; *Фернандес Искьердо Ф.* Первые испано-русские дипломатические контакты: посольство П.И. Потемкина в 1667–1668 годах // Проблемы испанской истории. 1992. М., 1992. С. 95–104.

нии Нового времени, так и по истории России возобновили изучение проблем русско-испанской дипломатии XVII в., опираясь на новые комплексы источников².

Среди новых исследований особое место занимает сборник документов, связанных с событием, от которого принято вести отсчет истории дипломатических отношений между двумя державами: миссии в Испанию стольника П.И. Потемкина (1617–1700) и дьяка С.В. Румянцева в 1667–1668 гг.³ Эта объемная публикация, подготовленная видным историком-испанистом В.А. Ведюшкиным и известным архивистом Е.Е. Рычаловским, является результатом исследовательского проекта, в котором приняли участие также Б.Н. Флоря, О.В. Волосюк, К.В. Гольцова, Г.А. Попова и Е.Э. Юрчик.

Русская миссия под руководством П.И. Потемкина в Испанию — первая часть его масштабной поездки в Европу⁴, целью которой было не только установление контактов с испанским двором, но и расширение связей с французской короной. И если сношения России с Францией к середине XVII столетия имели длительную и насыщенную историю⁵, то «из великого Российского царствия в Ыспанском государстве послы никогда не бывали»⁶.

Нельзя сказать, что посольская миссия П.И. Потемкина в Испанию была неизвестна специалистам. Интерес к ее истории оформился еще в XVIII в., причем почти синхронно как в России, так и в Испании, когда были опубликованы документы, связанные с пребы-

² См., например, коллективные монографии: Российские дипломаты в Испании. *Diplomáticos rusos en España. 1667–2017* / Отв. ред. О.В. Волосюк. М., 2016; Испания и Россия: исторические судьбы и современная эпоха / Ред. О.В. Волосюк, К. Камареро Буйон, Т.Б. Коваль, Е.Э. Юрчик. М., 2017; Испания и Россия: дипломатия и диалог культур. Три столетия отношений. *España y Rusia: diplomacia y diálogo de culturas. Tres siglos de relaciones* / Отв. ред. О.В. Волосюк. М., 2018; Эхеа Фернандес М.А. Прием русского посольства 1667–1668 гг. при дворе Карла II (по материалам испанских архивов) // *Русь, Россия: Средневековье и Новое время*. Вып. 4. М., 2015. С. 205–209; Эхеа Фернандес М.А. Первое русское посольство в испанское королевство (1667–1668 годы). Источники испанских архивов // *Новая и новейшая история*. 2016. № 4. С. 115–125; Egea Fernández M.A. La primera embajada moscovita a la monarquía hispánica: conexiones mercantiles y redes de contacto hispanomoscovitas (1667–1668). Madrid, 2018. 1096 p.

³ Посольство П.И. Потемкина в Испанию в 1667–1668 годах: Документы и материалы / Сост. В.А. Ведюшкин и Е.Е. Рычаловский. М., 2018.

⁴ Отмечено, что «в общей сложности в Испанию отправились 59 человек». С. 27–28.

⁵ Шварц И., Шишкин В.В. Французская корона и Русское государство в XI–XVI веках. СПб., 2021.

⁶ Посольство П.И. Потемкина в Испанию... С. 117. Впрочем, попытки завязать сношения с Испанией предпринимались уже при Василии III (1479/1505–1533). См.: Лобин А.Н. Послание государя Василия III Ивановича императору Карлу V от 26 июня 1522 г.: опыт реконструкции текста // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2013. № 1. С. 130–141.

ванием русских дипломатов при испанском дворе⁷. Это Статейный список П.И. Потемкина, документы, представленные российскими дипломатами испанским политикам, и испанские придворные хроники, повествующие о визите «москвитов» в Мадрид. С тех пор именно эти источники, и прежде всего Статейный список, стали основой всех последующих публикаций о русском посольстве в Испанию 1667–1668 гг.⁸, наиболее представительными из которых стали комплексы материалов по истории российско-испанских дипломатических отношений, изданные в 1991 г. Речь идет о первых томах компендиума «Россия и Испания: документы и материалы» и его испанского аналога “Corpus diplomático hispano-ruso”⁹. Реконструируя деятельность в Испании П.И. Потемкина и его спутников, исследователи до настоящего времени опирались преимущественно на эти документы.

На фоне предшествующих публикаций источников сборник «Посольство П.И. Потемкина в Испанию в 1667–1668 гг.» выделяется не только количеством и разнообразием материалов, но и качеством их научного представления и новизной исследовательской позиции. Главная задача издания — собрать о русском посольстве 1667–1668 гг. « всю известную документацию, каких бы аспектов она ни касалась, от политической ситуации и хода переговоров до церемониала приемов, перипетий путешествия и материальных условий содержания послов»¹⁰ — является новаторской не столько по замыслу (подобное искушение знакомо любому историку дипломатии), сколько по сложности реализации. Во-первых, в ходе архивного поиска объемом «известной документации» постоянно расширяется; а во-вторых, возрастающее количество источников требует анализа, который, в свою очередь, приводит к пересмотру сложившихся представлений о

⁷ Статейный список Посольства стольника и наместника Боровского Петра Ивановича Потемкина в Испанию в 7175 (1667) году // Древняя российская вивлиофика. Ч. IV. М., 1788. С. 360–456; *Semanario erúdito, que comprehende varias obras inéditas críticas, morales, instructivas, políticas, históricas, satíricas y jocosas de nuestros mejores autores, antiguos y modernos* / Ed. A. Valladares y Sotomayor. T. 4. Madrid, 1787.

⁸ См.: Тайный наказ, данный при царе Алексее Михайловиче первому русскому посольству в Испанию, и записки русских посланников, веденные ими в 1667 и 1668 годах в Испании и во Франции // Сын Отечества. 1850. Кн. 5. Отд. I. С. 1–18; Кн. 6. С. 1–16; Кн. 9. С. 1–24; Кн. 11. С. 1–28; Кн. 12. С. 1–32; 1851, Кн. 7. С. 1–16; Языков Д. Русское посольство во Францию и Испанию 1687 года // Библиотека для чтения. 1835. Т. 9. Отд. III; Масальский К. Русское посольство в Испанию и Францию в 1667 и 1668 годах // Библиотека для чтения. Т. 31. Отд. III. 1838.

⁹ Россия и Испания: документы и материалы. 1667–1917. Т. 1. 1667–1799. М., 1991; *Corpus diplomático Hispano-Ruso (1667–1799)* / Ed. de M. Espadas Burgos. Vol. I. Madrid, 1991.

¹⁰ Ведюшкин В.А. Предисловие // Посольство П.И. Потемкина в Испанию... С. 9.

событии и его новой интерпретации. В итоге публикация материалов о рассматриваемом посольстве П.И. Потемкина представляет собой основательный труд, в котором предложен новый взгляд на первый опыт российско-испанских дипломатических связей.

Сборник включает «испанскую часть» Статейного списка П.И. Потемкина, а также многие документы, обнаруженные в Российском государственном архиве древних актов и архивах Испании (Национальный исторический архив, Главный архив Симанкаса, Провинциальный исторический архив Кадиса, Национальная библиотека, Муниципальная библиотека Мадрида и др.). Составители проделали скрупулезную работу по выявлению и обработке этих ценных материалов, проливающих свет на разные, подчас неожиданные обстоятельства, связанные с миссией П.И. Потемкина. Памятники российской дипломатической документации представлены в строгом соответствии с актуальными правилами археографического воспроизведения, с детальными комментариями (и этим новейшая публикация Статейного списка существенно отличается от той, что представлена на страницах «Древней российской вивлиофики»). Переводы испанских материалов, выполненные Г.А. Поповой и В.А. Ведюшкиным, передают специфику испанского придворного общества, бюрократической среды и обычаев административной коммуникации, которые в целом малоизвестны в российской историографии.

Источники, собранные в издании, позволяют реконструировать историю посольства в хронологической последовательности. В документах отражены основные этапы миссии: ее подготовка, путешествие, пребывание в Испании и возвращение в Россию. Оригинальной является структурная организация документов согласно нескольким главным ракурсам, что отражают разделы сборника, демонстрирующие различные типы восприятия события. Во-первых, это точка зрения российских послов и, разумеется, главного действующего лица, П.И. Потемкина, которую воспроизводит Статейный список и челобитные дипломатов. Во-вторых, это позиция российского Посольского приказа, отразившаяся в наказах посольству и царских грамотах. В-третьих, это взгляд испанских политиков, отвечавших за прием и переговоры с москвитями. И, наконец, в-четвертых, это восприятие российских дипломатов наблюдателями в Испании — иностранными дипломатами в Мадриде и придворными хронистами. В таком представлении источники позволяют сопоставить не просто «русскую» и «испанскую» точки зрения, как это привычно и ожидаемо, а сравнить позиции Посольского приказа и самих дипломатов; испанских министров и придворных разных рангов и — что особенно интересно — реконструировать

процесс оформления общих решений, будь то согласование церемониала аудиенции, редакция перевода царских грамот на латынь и кастильский или переговоры о торговле. Особенно красочны эпизоды, в которых воспроизводится поиск «общего языка» общения — эквивалентов для правильной передачи титулатуры или уяснения ходатайств послов.

Источники, включенные в сборник, разнообразны по происхождению и жанрам: дипломатическая корреспонденция, административная переписка, финансовые отчеты, даже фрагменты дневниковых записей (например, имперского посла Пёттинга). При этом своеобразной «осью» публикации является все же Статейный список, содержание которого благодаря окружающим его документам обретает принципиально новые возможности для интерпретации. Несомненно, это синтетический, многослойный источник, что неоднократно подчеркивалось исследователями¹¹. Структура публикации выводит на первый план его, пожалуй, самую привлекательную особенность — характеристики травелога. В совокупности с документами, повествующими об обстоятельствах путешествия российских дипломатов по Испании, организации транспорта, постоя, охраны и дипломатического сопровождения Статейный список представляется источником почти универсального содержания. В частности, сведения, содержащиеся в нем, позволяют реконструировать и картографировать маршрут посольства¹².

Размышляя о содержании Статейного списка, составители обращают внимание в том числе на то, что в этом памятнике отсутствуют многие сведения, «которые для нас кажется естественным здесь увидеть, — при наличии тех, которые кажутся менее важными»¹³. Эта особенность статейных списков уже отмечалась исследователями. Сравнительно недавно М.А. Бойцов справедливо поставил вопрос, насколько вообще можно говорить о том, что в статейных списках — памятниках весьма специфического характера — могут отражаться проявления любознательности их составителей, рассмотрев первый сохранившийся документ такого рода, связанный с посольством в Священную Римскую империю 1517 г.¹⁴ По мнению М.А. Бойцова,

¹¹ См.: Лихачев Д.С. Повести русских послов как памятники литературы // Путешествия русских послов XVI–XVII вв. Статейные списки. М.: АН СССР, 1954. С. 319–346; Казакова Н.А. Статейные списки русских послов...

¹² Ведюшкин В.А. Путешествие русского посольства по Испании в 1668 году // Посольство П.И. Потемкина в Испанию... С. 355–362. Этот опыт представлен на карте 7 цветной вклейки

¹³ Посольство П.И. Потемкина в Испанию... С. 55.

¹⁴ Бойцов М.А. Каким московские послы увидели двор Максимилиана I в 1517 г., да и увидели ли они его? // От текста к реальности: (не)возможности исторических реконструкций. М., 2012. С. 162–198.

в ранних статейных списках едва ли речь шла «об открытии нового» и стремлении познать другой мир: «Авторы не стремятся ни передать, ни осмыслить черты чужой культуры (или хотя бы чужого двора), но воссоздают собственный мир, вращающийся вокруг оси, где один полюс — это фигура великого князя, а другой — сами авторы в качестве старательных и талантливых исполнителей, преданных государю душой и телом»¹⁵. Составители рассматриваемого сборника, однако, стоят на более традиционной для историографии позиции, предполагающей, что присутствующие в статейных списках — по крайней мере, в статейном списке П.И. Потемкина — подробности говорят «об остроте взгляда и широте кругозора авторов, их открытости новым впечатлениям»¹⁶. Отдавая должное справедливым соображениям М.А. Бойцова, в данном случае кажется уместным присоединиться к мнению составителей сборника: русские люди XVII в. имели в принципе более открытое новому мировоззрение, чем люди первой трети XVI столетия.

Представленные в сборнике документы предваряют две вводные статьи. Первая посвящена пространному обзору целей, задач, хода и итогов посольства П.И. Потемкина¹⁷. Это — обстоятельное исследование, в котором испанская миссия вписана в широкий контекст особенностей и противоречий европейской политики XVII в., серьезную роль к которым играли, в том числе, и сношения с «салтаном» — «Великим Турком» европейских, в том числе испанских источников. Справедливо замечено, что «в течение нескольких десятилетий русские политики неоднократно выражали желание войти в состав антиосманской коалиции, если в ней примет участие Испания»¹⁸. Надо сказать, что Россия проделала длинный и сложный путь перед тем, как, наконец, заключить союз с Австрией и Венецией против османов в 1697 г. Между тем уже в конце 1460-х гг. кардинал Виссарион (1403–1472), воспитатель Софьи Палеолог в Риме, мечтал об антитурецком союзе Московской Руси с Европой. Именно этим

¹⁵ Бойцов М.А. Указ. соч. С. 191–192.

¹⁶ Посольство П.И. Потемкина в Испанию ... С. 56

¹⁷ Ведюшкин В.А., Рычаловский Е.Е., Флоря Б.Н. Посольство П.И. Потемкина в Испанию в 1667–1668 гг. // Посольство П.И. Потемкина в Испанию... С. 21–68. В издании, тем не менее, отсутствует очерк внешнеполитического положения Испанской монархии: он бы расширил представления о международной обстановке, в которой пришлось ориентироваться и действовать российским дипломатам. В науке имеется опыт подобных обзоров. См.: Аникеева Н.Е., Ведюшкин В.А., Волосюк О.В., Медников И.Ю., Пожарская С.П. История внешней политики Испании. М., 2013; Fernández Izquierdo F. La situación política internacional española durante la embajada de Potiomkin (1667–1668) // Испания и Россия: исторические судьбы и современная эпоха ... С. 93–100.

¹⁸ Посольство П.И. Потемкина в Испанию... С. 24.

желанием было во многом обусловлено его стремление заключить брак деспины Софьи с великим князем московским Иваном III.

Во второй статье речь идет о личности и жизненном пути П.И. Потемкина, руководителя миссии в Испанию, выдающегося деятеля середины — второй половины XVII в.¹⁹ С опорой на широкий круг архивных материалов Е.Е. Рычаловскому удалось не только рассмотреть обстоятельства его военной и дипломатической службы, но и восстановить генеалогию рода Потемкиных. Личная история красавца с окладистой бородой в ярком русском кафтане, которого с большим трепетом и интересом изображали придворные живописцы в Мадриде, приобрела форму научной биографии. Примечательно, что некоторые факты деятельности П.И. Потемкина, известные по справочной литературе, документально подтвердить не удалось (например, его участие в посольстве в Данию)²⁰.

Архивные изыскания исследователей и систематизация источников привели к обобщению и обогащению корпуса уже известных сведений о посольстве Потемкина, равно как и к пересмотру некоторых устоявшихся представлений о его ходе и результатах. Например, исследователи опровергли мнение о том, что в ходе российско-испанских переговоров обсуждались конкретные предложения о союзе Испании и Российского государства против османов²¹, и о полной неудаче договора о взаимной торговле. В последнем случае выяснилось, что испанская сторона некоторое время рассматривала российскую торговую инициативу «как вполне реалистичную»²². Обращают на себя внимание и очевидные перспективы просопографических исследований, намеченных авторами статей, — восстановление биографий участников российского посольства, их испанских визави — придворных, охраны (например Бенито де Дуо — «пристав дон Бенита»). Интересные перспективы обещает и сугубое исследование «одиссеи» шляхтича Петра (Ивана) Турова, прибывшего к российскому посольству в Мадриде²³.

При знакомстве с испанскими документами обращает на себя внимание то обстоятельство, что П.И. Потемкин и его помощники, несмотря на всю, в общем, неподготовленность посольства к поездке, все же смогли донести до королевского двора многие важные идеи, значимые для репрезентации власти русского правителя

¹⁹ Рычаловский Е.Е. Петр Иванович Потемкин: военный, придворный, дипломат // Посольство П.И. Потемкина в Испанию... С. 69–82.

²⁰ Там же. С. 75.

²¹ Ведюшкин В.А., Рычаловский Е.Е., Флоря Б.Н. Посольство П.И. Потемкина в Испанию в 1667–1668 гг. // Посольство П.И. Потемкина в Испанию... С. 50.

²² Там же. С. 52.

²³ Посольство П.И. Потемкина в Испанию... С. 280. Примеч. 1.

за рубежом. Известно, что и сам царь Алексей Михайлович, и его предшественники не жалели ресурсов на то, чтобы символически предстать в Европе сильными правителями могучего северного государства, провиденциальной миссией которого является распространение веры Христовой среди языческих народов. (В этом стремлении русские и испанские правители были по-своему близки, однако методы «просвещения нечистых языков» в православной и католической культурах существенно отличались.) В грамоте, адресованной королю Филиппу IV, от лица русского царя во владетельный титул по традиции, берущей свое начало в XVI столетии, включены и дальние северные земли: «Удорский, Обдорский, Кондинский и всеа северныя страны повелитель»²⁴. Ниже утверждается, что «пресветлая царьская красота имеет христианскую непроборимую всегда силу, так распространяет Великую Россию в долготу и в широту над языки, яко и освящает заблуждших в вере народов честным и животворящим Крестом Христовым богоразумия правды...»²⁵ В сделанной в Мадриде записи речей русских посланников на первой аудиенции при дворе 17 марта 1668 г. сказано, что Алексей Михайлович — «наследственный господин и властитель многих королевств и княжеств восточных, западных и северных, дарованных ему Господом»²⁶.

Более того, в Испании слышали («доразумели»²⁷) неоднократные заверения русских в том, что московские цари происходят от Августа-кеесаря²⁸. По крайней мере, в записи речей русских посланников на первой аудиенции при дворе 17 марта 1668 г. испанские придворные отметили, что предки русских «происходили от цезаря Августа, императора всего мира, и следует знать, что к его роду относятся и князь Родриго, и великий князь Владимир Святославич, а также великий господин и великий князь Владимир Мономах»²⁹. Новая для испанцев легенда о «римском» происхождении русских государей была признана испанцам важным камнем в основании русской монархии. Впрочем, поводов предполагать, что до известной степени общее, «римское» происхождение может как-то особенно сблизить русский и испанский двор — как это было, например, со

²⁴ Там же. С. 178. См. об исключительной важности этой формулы: *Каиштанов С.М.* Сибирский компонент в титулатуре Московских государей XVI–XVII вв. // *Общественное сознание населения России по отечественным нарративным памятникам.* Новосибирск, 2006. С. 3–21.

²⁵ Посольство П.И. Потемкина в Испанию... С. 179.

²⁶ Там же. С. 299

²⁷ Там же. С. 121.

²⁸ Там же. С. 178, 299.

²⁹ Там же. С. 299

стороны Генриха III Валуа, называвшего царя Федора Иоанновича в конце XVI в. «дорогим и любимым братом»³⁰, — нет.

Известно, что путь из России в Западную Европу в середине XVII столетия из-за противостояния с Речью Посполитой пролегал через Архангельск и предполагал длительное и опасное морское путешествие вдоль северных берегов Скандинавии. Посольская миссия И. Чемоданова 1656 г. в Венецию едва не провалилась из-за штормов, чуть было не стоивших членам делегации жизни. В ходе многочисленных бурь послы тогда потеряли значительную часть мехов и бочек с ревенем, предназначенных в качестве посольских даров и на продажу³¹. Десятилетием позже посольству П.И. Потемкина также было непросто преодолеть пространство «мутимого бурями»³² моря. В Статейном списке сообщается, что по пути от Архангельска до Кадиса посольству пришлось пережить «волнение страшное морское, уму непостижимое». Приведены подробности этого испытания: «Против Ислянских островов никогда без бед не проходят... против тех Ислянских островов караван было три недели беспрестанно день и ночь, страшное было в то время такое волнение на море, в ум невместимое: волны, как великие горы, на море были, а людям мучение было на корабле лютое и в ум невместимое»³³. В этих условиях осуществление дипломатических миссий в цветущую Южную Европу выглядит по-настоящему героическим деянием. Несомненно, П.И. Потемкин и его спутники, как и И.И. Чемоданов, не раз вспоминали молитвы «Всемилоствому Спасу и Пречистой Его Матери»³⁴, а возможно и свт. Николаю Чудотворцу, и соловецким святым, прославившимися в XVI–XVII вв. многими морскими чудесами³⁵.

Как видим, поездкам в Испанию в 1660-е гг. сопутствовало суровое «дыхание Севера». Стоит вспомнить, что в XVII в. осмысление опыта морехождения в русской культуре шло по традиционному провиденциальному пути, подразумевающему убежденность в деятель-

³⁰ См. подробно: Шишкин В.В. К господарю нашему писал Францовской король о любви: Генрих III де Валуа и императоры Московии // *Quaestio Rossica*. 2020. Т. 8. № 3. С. 939–962

³¹ Статейный список посольства И.И. Чемоданова в Венецию 1656 г. // *Древняя российская вивлиофика*. Ч. 4. М., 1788. С. 149–152.

³² ОР РНБ. Сол. № 318/338. Л. 3. Так охарактеризовал непредсказуемую водную стихию Иоанн экзарх Болгарский, автор одного из распространенных на Руси «Шестодневов» — произведений, посвященных толкованию библейского рассказа о Сотворении мира.

³³ Посольство П.И. Потемкина в Испанию... С. 140.

³⁴ Статейный список посольства И.И. Чемоданова... С. 152.

³⁵ См. подробно: Лаушкин А.В. Морские чудеса преподобного Иринарха Соловецкого как источник по истории весновального промысла поморов во второй четверти XVII в. // *Духовное и историко-культурное наследие Соловецкого монастыря*. Соловки, 2011. С. 75–79.

ном участии Господа в жизни людей. Современные исследователи приходят к выводу о том, что опыт преодоления опасной морской стихии в русской культуре «соотносится с реальным переживанием смерти». «Движение под парусом по океану в сложных погодных условиях ... привносит в рациональную задачу иррациональный смысл. Стремление к “спасению души” (как спасению жизни) материализуется в расстояние, которое нужно пройти до обетованной цели...»³⁶ Учитывая этот исторический опыт и контекст, стремление Петра Великого во что бы то ни стало закрепиться на Балтике оказывается еще более обоснованным.

Заслуживают внимания и обнаруженные составителями сборника сведения о том, как в Мадриде принималось решение о том, с какими почестями подобает встречать московское посольство. «Главный майордом королевы Марианны маркиз Айтона, подняв архивные документы, составил специальную справку о том, как именно был размещен в Мадриде и принят во дворце посланник турецкого султана, и не случайно в Национальном историческом архиве документация по приему турецкого посла сохранилась в одной коробке с документами всех четырех русских посольств в Испанию в XVII в.»³⁷ Эти детали исключительно важны: миссии из православной Руси воспринимались в Европе как *восточные* на протяжении веков. Как здесь не вспомнить свидетельство венецианского сенатора Марино Санудо о прибытии в Венецию посланников Ивана III Дмитрия Ралева и Митрофана Карачарова в 1499 г., о которых сообщается, что они «были одеты по своему обычаю и говорили почти как турки»³⁸. Еще раньше, при поездке на Ферраро-Флорентийский собор 1438–1439 гг. греко-русская делегация произвела неизгладимое впечатление на флорентийского гуманиста Веспасиано да Бистиччи: «Люди с длинной бородой, опускающейся на грудь, с густыми, косматыми, растрепанными волосами, другие с короткой бородой, с головой, выбритой наполовину, с выкрашенными бровями; многие выглядели так необычно, что даже самый грустный человек при их виде не мог удержаться от смеха»³⁹. В 1660-е гг. в Европе русские миссии продолжали вызывать изумление. Анонимный испанский автор, описавший посольство П.И. Потемкина, сообщает, что когда 5 марта 1668 г.

³⁶ Матонин В.Н. Арктическое мореплавание как форма аскетики и духовного делания // Река Кушерецка: Мореходная книга XVIII века (историко-культурный контекст, материалы, исследования). Архангельск, 2011. С. 31.

³⁷ Посольство П.И. Потемкина в Испанию... С. 37; см. также оригиналы документов на с. 294–295.

³⁸ Sanuto M. I Diarii. Vol. 3 / Pubblicato per cura di R. Fulin. Venezia, 1880. Col. 61.

³⁹ Цит. по: Данилова И.Е. Итальянский город XV века: реальность, миф, образ. М., 2000. С. 119.

ко двору прибыл «посол великого князя Московского», «собралось много народу, поскольку всеобщее любопытство было вызвано необычностью события и диковинностью одеяний, не похожих ни на греческие, ни на турецкие, хотя *что-то в них было и от тех, и от других* (курсив мой. — Т.М.)»⁴⁰.

Сходные матрицы повторились и в том, что касалось посольских даров испанской короне. По давней традиции, они состояли во многом из северных товаров⁴¹. (Отметим, что большой заслугой составителей сборника является публикация таких важных источников, как Расходная книга соболиной казны⁴², а также Роспись расхода мехов и денег⁴³ во время посольства в Испанию и Францию.) Это было обычным явлением с XV в., когда Иван III предпринимал попытки встроить Россию в европейский мир. Интересно, что испанцы были потрясены обилием драгоценных мехов на огромную сумму⁴⁴, привезенных П.И. Потемкиным. Сколь созвучны оказываются чувства испанцев XVII столетия эмоциям, испытанным венецианцами в 1499 г., когда к ним приехали посланники «короля Руси, или герцога Московии»⁴⁵! Тогда Д. Ралев и М. Карачаров привезли несколько доверху набитых возов (!) со шкурками пушного зверя на многие десятки тысяч (!) дукатов. Венецианцы были так потрясены, что заключили с русскими сделку о продаже драгоценного шейного украшения на огромную сумму — тридцать шесть тысяч дукатов⁴⁶.

Уместно подчеркнуть, что собранные миссией П.А. Потемкина впечатления и сведения в значительной мере дополняли «рамочные» сведения об Испании, уже хорошо известные русским интеллектуалам, в том числе деятелям Посольского приказа, по переведенным к этому времени на русский язык космографиям Г. Меркатора и А. Ортелиуса, а также русским космографическим компиляциям, бытовавшим в России XVII столетия во многих списках.

В космографиях большое внимание уделено описаниям Нового Света, значительной частью которого владела испанская корона. В статейном списке сообщается немало сведений о «Западной Индеи», до которой можно добраться «от города Кадиса... на караблех

⁴⁰ Посольство П.И. Потемкина в Испанию... С. 343.

⁴¹ Там же. С. 221–222, 229.

⁴² Там же. С. 142–147.

⁴³ Там же. С. 147–151.

⁴⁴ Там же. С. 45.

⁴⁵ *Sanuto M.* Op. cit. Col. 244.

⁴⁶ См. подробно: *Матасова Т.А.* Русские посланники в Венеции на рубеже XV–XVI столетий (по известиям Марино Сануто // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2013. № 2. С. 64–74.

Окияном девять недель благополучным ветром»⁴⁷. Обращает на себя внимание описание природных богатств Нового Света. Речь идет не только об изобилии золота, серебра, жемчуга и драгоценных камней, но и о специях: «Да у испанского ж короля на Окияне острова Канарские, и на тех островах всякие пряные зелья родятца и сахар»⁴⁸. Все эти детали примечательны. Кажется, только со времени посольства П.И. Потемкина «книжные» свидетельства об Америке, проникшие на Русь уже в 1520-е гг.⁴⁹, наконец-то стали словно на шаг ближе к реальным впечатлениям.

В русских документах посольства П.И. Потемкина нет упоминаний «индейского (кокосового. — Т.М.) ореха», однако хорошо известно, что именно с середины XVII столетия в Россию начинается настоящий поток этих плодов⁵⁰, из которых изготавливали братины и кубки. Сегодня эти предметы широко представлены в экспозициях и фондах как крупных столичных, так и региональных музеев. Миссия П.И. Потемкина в Испанию могла способствовать попаданию в Россию кокосов. Возможно, будут обнаружены документы, подтверждающие эту гипотезу. Обратим внимание на то обстоятельство, что к кокосовым орехам относились в России с интересом. В переводных травниках второй половины XVII в. были специальные статьи, посвященные кокосам. Кокосовая стружка считалась мощным афродизиаксом. В некоторых рукописях присутствуют изображения кокосовых орехов⁵¹.

⁴⁷ Посольство П.И. Потемкина в Испанию... С. 139.

⁴⁸ Там же. С. 140.

⁴⁹ Первое в русской книжности известие об Америке содержится в переводе знаменитого письма Максимилиана Трансильвана, осуществленном в 1520-е гг. См.: Казакова Н.А., Катушкина Л.Г. Русский перевод XVI в. первого известия о путешествии Магеллана // ТОДРЛ. Т. 23. Л., 1968. С. 227–252. Важную роль в ознакомлении с диковинами Нового Света сыграли и оговорки Максима Грека, представленные в комментариях афонского старца к неясным местам в произведениях свт. Григория Богослова. См.: Инок Максима Грека Сказания отчасти недоуменных неких речений въ Слове Григория Богослова // Сочинения Максима Грека. Казань, 1862. Т. 3. С. 43–44.

⁵⁰ Самый ранний кубок из кокосового ореха немецкой работы хранится в Музеях Московского Кремля и датируется концом XV в. (!) В Государственном Историческом музее в экспозиции представлен аналогичный кубок XVI столетия. В описи имущества Ивана Грозного 1582 г. фигурирует кокосовый кубок в форме совы (Опись домашнему имуществу царя Иоанна Васильевича, по спискам и книгам 90 и 91 годов // ВОИДР. 1850. Кн. 7. Смесь. С. 46). По всей видимости, это тот кубок, который до сих пор хранится в Государственном историко-архитектурном и художественном музее-заповеднике «Александровская слобода». В царской казне в 1634 г. был «кубок орехъ индеиской» (Описание книг и бумаг старинных дворцовых приказов 1584–1725 гг. / Сост. А. Виктор. М., 1877. Вып. 1. С. 13). Однако широкое распространение подобные предметы получили в России именно в эпоху Алексея Михайловича.

⁵¹ «Те ядра толченые да с корицею толченою же обеих смешай поровну и то от обоих половъ прятно в брашне постелный помысль движет». См.: ОР ГИМ. Увар. 387-1^о. Л. 156 об., 458–458 об.

Еще одной отличительной чертой описаний Испании в космографиях является ее «гастрономический портрет». Например, в древнерусском переводе космографии А. Ортелиуса подчеркнуто, что в Испании в изобилии растут оливковые деревья («масличичи, или масло деревянаго (оливкового. — Т.М.) дерева»), что страна славится «виноградами и неизреченною красотою огородовъ цветущие травы и овощи цветутъ и любимой запахъ цитриновый выпускаютъ...»⁵² Русским послам явно была по вкусу испанская трапеза, они с большим вниманием отнеслись к этой стороне испанской повседневности. Так, из Севильи П.И. Потемкину со товарищи был прислан «виноград, миндальные ядра, винные ягоды, лимоны, свежие гранаты, аранцы (апельсины. — Т.М.), яблоки, груши, оливки, ис которых масло деревяное бывает, дули, цытрыны, орехи грецкие до олкану, ишпанского вина»⁵³. В тексте памятника не раз перечислены разнообразные «кушенья»⁵⁴, которыми испанцы угощали русских: «хлебные ествы, устроены с сахары и с яблоки, да с розными травами»⁵⁵, «ествы у них были по их извычаю рыбные и ис трав розных, устроены з деревяным маслом. А опосле ставили сахары и розные овощи, вместо вина подносили вотку коришную, пить приносили воду вареную лимонную и коришную с сахаром, ишпанское вино и пиво»⁵⁶.

Среди товаров, которые можно было купить в Испании, в Статейном списке сугубо отмечены «мука пшеничная, и мясо, и рыба, и всякий съесной запас, и овощи всякие», в том числе лимоны, а также «куря индейское», «куря руское», «куропать» и др.⁵⁷ Исключительно важными представляются подробности о хлебе, выращиваемом в Испании: «Хлеб родитца в Ышпанском государстве, пшеница подобна русской, другая из Ындеи Западной, трость у той индейской пше-

⁵² Козмография сиречь всемирное описание земель въ едино пребывание и на знаменованіе степенемъ во округахъ неъесныхъ [Древнерусский перевод «Космографии» А. Ортелиуса] // Попов А.Н. Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции. М., 1869. С. 483–484. В некоторых списках есть попытка представить оригинальное название труда А. Ортелиуса «Theatrum Orbis Terrarum» — «Орбис то Разум» (ОР ГИМ. Чуд., 347. Л. 17). Об этой рукописи см. подробно: Матасова Т.А. Об одном географическом сборнике последней четверти XVII в. из библиотеки Чудова монастыря: размышления над содержанием и археографическое описание // Язык, книга и традиционная культура позднего русского средневековья в науке, музейной и библиотечной работе. Труды IV Междунар. науч. конф., посвященной 85-летию профессора И.В. Поздеевой. М., 2019. С. 235–244.

⁵³ Посольство П.И. Потемкина в Испанию... С. 91.

⁵⁴ Там же. С. 94.

⁵⁵ Там же. С. 115

⁵⁶ Там же. С. 94.

⁵⁷ Там же. С. 137.

ницы толста, колоса по три и по четыре на одной трости бывает...»⁵⁸ По справедливому предположению составителей, здесь речь может идти о кукурузе⁵⁹. В таком случае, это одно из первых (первое?) в русской книжности упоминание этого растения⁶⁰.

Один из представленных в сборнике документов позволяет посмотреть на этот «русский интерес к испанской трапезе» с испанской стороны. Так, сопровождавший посольство из Эль-Пуэрто в Мадрид капитан Бенито де Дуо сообщает в своем письме маркизу Айтоне: «В отношении еды могу сказать вашему сиятельству, что только один день они были недовольны [предложенной им] мясной пищей⁶¹; они [охотно] ели жареное мясо по-испански, а тушеное мясо или по-итальянски, с сыром, или по нашему обычаю, с большим количеством лимона, хамон и [говяжий] язык. Но [пока что] едят один раз в день и много дней постятся, ограничиваясь хлебом и водой, а в другие дни — фруктами и травами, а когда их пост это позволяет — разного рода рыбой, но прежде всего — фруктами и овощами. Им очень понравятся цветная капуста и спаржа...»⁶².

В ходе своего путешествия в Испанию П.И. Потемкин проявлял себя, по мнению испанцев, чаще весьма рассудительно и благородно, но подчас — странно и неуместно. Так, сопровождающий русскую миссию Франсиско де Лира сообщал секретарю Педро Фернандесу дель Кампо, что «Из Севильи он [Потемкин] добирался на четырех дорожных повозках, на которые садиться не хотел, спорил в открытом поле до девяти вечера, так что в Кармоне ему купили уличную карету, а также было арендовано трое носилок, шесть больших крытых повозок, сорок два мула...»⁶³ Позже, ближе к окончанию срока пребывания русской миссии в Мадриде, капитан Бенито де Дуо сообщал тому же секретарю Фернандесу дель Кампо: «...учитывая природную придиричивость посла и недоверчивость, а также тщеславие, проистекающее из его службы, я приобретал самые роскошные вещи для его обустройства. И, после стольких трат, все это было принято молча, и могло показаться, что он остался доволен. Прием, который ему оказали, он счел удобным поводом для демонстрации своей скупости, которую проявил, заявив мне, что я ищущий предлог для

⁵⁸ Там же. С. 138.

⁵⁹ Там же. С. 166

⁶⁰ Отметим здесь сугубое внимание к трапезе и в Статейном списке посольства П.И. Потемкина во Францию.

⁶¹ По всей видимости, это была среда или пятница — постные дни для православных. Известно, что русские послы в Европе, как правило, строго придерживались правил вкушения пищи, установленных церковью.

⁶² Посольство П.И. Потемкина в Испанию... С. 292.

⁶³ Там же. С. 317.

достижения своей выгоды, пренебрегая, по его мнению, положением слуги Вашего величества»⁶⁴. Склонность к скупости, отличавшая П.И. Потемкина и его людей, была замечена его испанскими сопровождающими еще в начале пребывания миссии в Испании. Так, тот же капитан Бенито де Дуо отмечал, что «...в Испании нет такой еды, которая бы им показалась плохой, раз ею угощают»⁶⁵.

Здесь стоит иметь в виду, что в испанской казне в ту пору было до обидного мало средств, и двор содержал миссию П.И. Потемкина чуть ли не на последние деньги, о чем есть прямые свидетельства в представленных в сборнике материалах. Так, члены Государственного совета, делая доклад королеве-матери Марианне Австрийской, довольно прямо выражали опасения, не разорит ли казну дальнейшее пребывание русских в Мадриде: «Представляется разумным поспешить с решением относительно этих послов, принимая во внимание стоимость их пребывания»⁶⁶.

Все это до известной степени напоминает нелицеприятные ситуации, в которых оказывался в Ливорно десятилетием ранее русский посол И.И. Чемоданов, направлявшийся через Тоскану в Венецию. По сообщению популярного в Италии во второй половине XVII столетия анонимного «Донесения о некоторых обычаях московских послов...»⁶⁷, И.И. Чемоданов и его помощник А. Посников также проявляли невероятную скупость («Они всегда скупы в расходах, так как не привыкли иметь дело с деньгами. Музыкантам, которые играли и пели, они хотели дать два джюли. Господину губернатору Ливорно, который оказал им много любезностей, они подарили трех соболей. В бане, где им отлично служили, они дали три тестона»⁶⁸), нарочитое стремление к демонстрации сугубой важности своей миссии («Они возят с собой смешной багаж, а именно пустые ящики

⁶⁴ Там же. С. 323.

⁶⁵ Там же. С. 292.

⁶⁶ Там же. С. 310.

⁶⁷ Этот памятник содержится в как минимум четырех рукописях второй половины XVII — начала XVIII в. В силу колоритных деталей, в нем содержащихся, он трижды (!) был опубликован в новейшее время по разным спискам. См.: *Spicilegio vaticano*. Vol. 1. Roma, 1890. P. 377–378 (по рукописи из Ватиканского архива); *Аннинский С.А. Пребывание в Ливорно царского посольства в 1656 году (Впечатления иностранца) // Сборник статей к сорокалетию ученой деятельности академика А.С. Орлова. Л., 1934* (по рукописи из собрания Института книги, документа и письма АН СССР, с 1936 г. вошедшего в состав Института истории Ленинградского отделения АН СССР); *Cronache d'altri tempi*. 1961. Vol. VIII. No 82 (по рукописи из библиотеки Корсини). В 2014 г. мной был обнаружен еще один — неизвестный — список этого текста: *Biblioteca Nazionale Centrale di Roma. Sessoriano*, No 393. F. 338r-340r. Предполагаю в ближайшее время исследовать с разных точек зрения этот интересный документ с учетом всех существующих списков.

⁶⁸ *Аннинский С.А. Указ. соч. С. 210.*

и пустые бочонки, говоря, что путешествовать с большим количеством багажа величественно и что поэтому они нагроузили пятнадцать барок для отправки во Флоренцию...»⁶⁹). Подобная близость анонимных источников, составленных в разное время, в разных местах, по случаю сходных, но все же разных событий, говорит о том, что, по-видимому, здесь не стоит искать намеренного очернения образа русских послов европейцами: так проявлялся своего рода «конфликт культур», непонимание реалий и традиций друг друга.

Тем не менее, поведение И.И. Чемоданова и А. Посникова было куда хуже поведения П.И. Потемкина. Известно, что они предавались беспробудному пьянству (у них всегда была с собой водка (в оригинале — *acqua vita*, досл. «живая вода»), «которую они много пьют каждый час»⁷⁰, «кто их посещал, принужден был пить водку большими кубками, и многие оттого пьянели»⁷¹) и проводили время в компании проституток («Им очень нравились красивые дамы, и они тратили на них много соболей»⁷²). Известий такого рода о П.И. Потемкине нет⁷³. Более того, во время его пребывания во Франции (куда он направился после Испании), в Орлеане, где «были представлены красотики», когда у него спросили, что он думает о женщинах, он ответил, что «у себя на родине [он] уже взял в жены одну из женщин, и что ему нельзя больше рассматривать других настолько, чтобы высказывать о них свои чувства»⁷⁴. В целом, в сравнении с И.И. Чемодановым, образ П.И. Потемкина как человека и государева слуги куда более соответствует той высокой миссии, которая была на него возложена царем.

Важной темой, сопутствующей путешествиям средневековья и раннего Нового времени, были столкновения с различного рода эпидемиями в зарубежных странах. Среди публикуемых документов выделяется в этой связи «отписка» П.И. Потемкина Алексею Михайловичу о моровом поветрии во Франции. Впрочем, в ней подчеркивается, что в Испании мора не было: «в Ышпанском государстве жили мы..., а про моровое поветрие не слыхали»⁷⁵. Тем не менее,

⁶⁹ Там же. С. 211.

⁷⁰ Посольство П.И. Потемкина в Испанию... С. 210.

⁷¹ Аннинский С.А. Указ. соч. С. 211.

⁷² Там же. С. 211.

⁷³ Возможно, П.И. Потемкин и его спутники побоялись столь сильно выделяться на фоне благочестивых испанцев, которые, согласно наблюдениям русских, никогда не напивались: за шесть месяцев они не встретили на улицах ни одного (!) пьяницы (Посольство П.И. Потемкина в Испанию... С. 137).

⁷⁴ Цит. по: Володина Т.В. Русский человек в Западной Европе (по материалам «Статейного списка» П.И. Потемкина и «Журнала» Като) // Вестник Новгородского государственного университета. 2003. № 24. С. 78.

⁷⁵ Посольство П.И. Потемкина в Испанию... С. 252.

поскольку позже посольская миссия все же направилась во Францию, московские власти решили потребовать от участвовавших в посольстве предпринять дезинфицирующие меры перед приездом на родину: им было велено всю одежду и вещи «перетрясть и держать на морозе не по один день»⁷⁶.

Любой исследователь знает, как важно для понимания комплексной картины изучаемых событий, явлений и процессов пройти дорогами своих героев, связать нынешнюю топографию городов и селений со свидетельствами источников. Именно поэтому помещенные в приложения материалы, связанные с конкретными городами Испании, в которых останавливалось посольство, имеют огромное значение. Вслед за П.И. Потемкиным читатели сборника имеют уникальную возможность «бродить» по улицам Мадрида и Эль-Пуэрто-де-Санта Мария. В.А. Ведюшкину удалось даже установить мадридский адрес миссии. Теперь любой русский путешественник, проходя по улице Гран Виа мимо дома № 53–59⁷⁷, сможет вспомнить о московской миссии в Испанию 1668 г.

Нельзя не обратить внимания и на то, с какой заботой о читателях подготовлена рассматриваемая книга. Авторы строго следовали современным принципам публикации текстов, дополнив их указателями имен и географических названий, что существенно облегчает работу с публикуемыми материалами.

Как видим, представленные в сборнике документы, в большинстве случаев впервые вводимые в научный оборот, позволяют составить если не полную, то подробную и яркую панораму событий и образов, сопутствовавших посольству П.И. Потемкина в Испанию в 1667–1668 гг. Многообещающе в этом смысле звучит замечание публикаторов: «... точка в поисках новых источников далеко не поставлена, и нет никаких сомнений, что последующие разыскания принесут новые архивные открытия»⁷⁸. Разнообразные по характеру опубликованные материалы ждут своих исследователей — специалистов по истории России, Испании, международным связям, межкультурным коммуникациям, другим направлениям гуманитарного знания. В данном кратком обзоре лишь намечены отдельные сюжеты, которые, можно думать, вызовут несомненный интерес у научного сообщества.

Таким образом, рассматриваемый сборник можно считать не только драгоценным подарком исследователям и всем интересующимся читателям, но и настоящим образцом для публикаций ком-

⁷⁶ Там же. С. 255.

⁷⁷ Там же. С. 370.

⁷⁸ От составителей // Посольство П.И. Потемкина в Испанию... С. 17.

плексов документов, посвященных другим посольствам в Западную Европу середины — второй половины XVII столетия, необходимость в которых давно назрела⁷⁹.

Список литературы:

Алексеев М.П. Очерки истории испано-русских литературных отношений XVI–XIX вв. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1964. 216 с.

Аникеева Н.Е., Ведюшкин В.А., Волосюк О.В., Медников И.Ю., Пожарская С.П. История внешней политики Испании. М.: Международные отношения, 2013. 502 с.

Аннинский С.А. Пребывание в Ливорно царского посольства в 1656 году (Впечатления иностранца) // Сборник статей к сорокалетию ученой деятельности академика А.С. Орлова. Ленинград: Издательство АН СССР, 1934. С. 201–211.

Бойцов М.А. Каким московские послы увидели двор Максимилиана I в 1517 г., да и увидели ли они его? // От текста к реальности: (не)возможности исторических реконструкций. М.: ИВИ РАН, 2012. С. 162–198.

Володина Т.В. Русский человек в Западной Европе (по материалам «Статейного списка» П.И. Потемкина и «Журнала» Като) // Вестник Новгородского государственного университета, 2003. № 24. С. 75–81.

Данилова И.Е. Итальянский город XV века: реальность, миф, образ. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2000. 252 с.

Испания и Россия: дипломатия и диалог культур. Три столетия отношений. España y Rusia: diplomacia y diálogo de culturas. Tres siglos de relaciones / Отв. ред. О.В. Волосюк. М.: Индрик, 2018. 926 с.

Испания и Россия: исторические судьбы и современная эпоха / Ред. О.В. Волосюк, К. Камареро Буйон, Т.Б. Коваль, Е.Э. Юрчик. М.: Международные отношения, 2017. 678 с.

Казакова Н.А. Статейные списки русских послов в Испанию XVII в. // Археографический ежегодник за 1984 г. М.: Наука, 1986. С. 140–157.

Казакова Н.А., Катушкина Л.Г. Русский перевод XVI в. первого известия о путешествии Магеллана // Труды отдела древнерусской литературы. Т. 23. Ленинград: Наука, 1968. С. 227–252.

Каиштанов С.М. Сибирский компонент в титулатуре Московских государей XVI–XVII вв. // Общественное сознание населения России по отечественным нарративным памятникам. Новосибирск: Издательство Сибирского отделения РАН, 2006. С. 3–21.

Клибанов А.И. У истоков русско-испанских взаимосвязей (80-е гг. XV–XVI вв.) // Вопросы истории. 1987. № 3. С. 45–59.

Лаушкин А.В. Морские чудеса преподобного Иринарха Соловецкого как источник по истории весновального промысла поморов во второй чет-

⁷⁹ В настоящее время на кафедре истории России до начала XIX в. некоторые магистранты и аспиранты под руководством преподавателей кафедры работают в этом направлении.

верти XVII в. // Духовное и историко-культурное наследие Соловецкого монастыря. Первая Международная научная конференция. Соловки: [6/ изд.], 2011. С. 75–79.

Лихачев Д.С. Повести русских послов как памятники литературы // Путешествия русских послов XVI–XVII вв. Статейные списки. М.: АН СССР, 1954. С. 319–346.

Лобин А.Н. Послание государя Василия III Ивановича императору Карлу V от 26 июня 1522 г.: опыт реконструкции текста // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2013. № 1. С. 130–141.

Масальский К. Русское посольство в Испанию и Францию в 1667 и 1668 годах // Библиотека для чтения. Т. 31. Отд. III. 1838. С. 436–459.

Матасова Т.А. Об одном географическом сборнике последней четверти XVII в. из библиотеки Чудова монастыря: размышления над содержанием и археографическое описание // Язык, книга и традиционная культура позднего русского средневековья в науке, музейной и библиотечной работе. Труды IV Международной научной конференции, посвященной 85-летию профессора И.В. Поздеевой. М.: Издательство Московского университета, 2019. С. 235–244.

Матасова Т.А. Русские посланники в Венеции на рубеже XV–XVI столетий (по известиям Марино Сануто // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2013. № 2. С. 64–74.

Матонин В.Н. Арктическое мореплавание как форма аскетики и духовного делания // Река Кушерецка: Мореходная книга XVIII века (историко-культурный контекст, материалы, исследования). Архангельск: ТСМ, 2011. С. 25–32.

Посольство П.И. Потемкина в Испанию в 1667–1668 годах: Документы и материалы / Сост. В.А. Ведюшкин и Е.Е. Рычаловский. М.: Индрик, 2018. 424 с.

Российские дипломаты в Испании. *Diplomáticos rusos en España*. 1667–2017 / Отв. ред. О.В. Волосюк. М.: Международные отношения, 2016. 670 с.

Россия и Испания: документы и материалы. 1667–1917. Т. 1. 1667–1799. М.: Международные отношения, 1991. 467 с.

Фалкон Рамирес Х. Русское посольство 1681 года: попытка развития двусторонней торговли // Проблемы испанской истории. 1992. М.: Наука, 1992. С. 104–111.

Фернандес Искьердо Ф. Первые испано-русские дипломатические контакты: посольство П.И. Потемкина в 1667–1668 годах // Проблемы испанской истории. 1992. М.: Наука, 1992. С. 95–104.

Шварц И., Шишкин В.В. Французское королевство и Русское государство в XI–XVI веках. СПб.: Наука, 2021. 310 с.

Шишкин В.В. К господарю нашему писал Францовой король о любви: Генрих III де Валуа и императоры Московии // *Quaestio Rossica*. 2020. Т. 8. № 3. С. 939–962.

Эхеа Фернандес М.А. Прием русского посольства 1667–1668 гг. при дворе Карла II (по материалам испанских архивов) // Русь, Россия: Сред-

невековье и Новое время. Вып. 4. М.: МГУ имени М.В. Ломоносова, 2015. С. 205–209.

Эхеа Фернандес М.А. Первое русское посольство в испанское королевство (1667–1668 годы). Источники испанских архивов // Новая и новейшая история. 2016. № 4. С. 115–125.

Языков Д. Русское посольство во Францию и Испанию 1687 года // Библиотека для чтения. 1835. Т. 9. Отд. III. С. 45–82.

Corpus diplomático Hispano-Ruso (1667–1799) / Ed. de M. Espadas Burgos. Vol. I. Madrid: MAE, 1991. 467 с.

Egea Fernández M.A. La primera embajada moscovita a la monarquía hispánica: conexiones mercantiles y redes de contacto hispanomoscovitas (1667–1668). Madrid: Universidad Complutense, 2018. 1096 p.

Fernández Izquierdo F. La situación política internacional española durante la embajada de Potiomkin (1667–1668) // Испания и Россия: исторические судьбы и современная эпоха / Ред. О.В. Волосюк, К. Камареро Буйон, Т.Б. Коваль, Е.Э. Юрчик. М.: Международные отношения, 2017. С. 93–100.

Поступила в редакцию
4 апреля 2022 г.

О.В. Белоусова

**ГРАФ С.Д. ШЕРЕМЕТЕВ И ИМПЕРАТОР НИКОЛАЙ II:
ИСТОРИЯ АУДИЕНЦИЙ**

O.V. Belousova

**COUNT S.D. SHEREMETEV AND EMPEROR NICHOLAS II:
NARRATIVE OF AUDIENCES**

Аннотация. В статье рассматриваются аудиенции видного сановника графа С.Д. Шереметева у императора Николая II. Шереметев, который был близок к императору Александру III и императрице Марии Федоровне, после перемены царствования в 1894 г. стремился выстроить доверительные отношения с новым монархом, и во многом это ему удалось. Новизна данного исследования заключается в том, что содержание многочисленных аудиенций графа возможно реконструировать только по его дневникам, которые вплоть до настоящего времени остаются неопубликованными и малоизученными из-за крайне сложного для расшифровки почерка Шереметева. Автором статьи исследованы описания около ста аудиенций, имевших место с восшествия на престол Николая II и до Первой мировой войны. Систематизировано их содержание: освещены обсуждавшиеся императором и графом вопросы, отмечены некоторые особенности поведения царя, которые открывались его собеседнику и которые привносят в стереотипные характеристики этой исторической личности новые черты. Разбираются аудиенции, посвященные обсуждению политических проблем. Благодаря оставленным Шереметевым детальным описаниям таких встреч становится возможным уточнить позицию царя по некоторым значимым вопросам. Среди них, например, конфликт тверского губернатора П.Д. Ахлестышева и министра внутренних дел И.Л. Горемыкина или особое расположение Николая II к министру внутренних дел Д.С. Сипягину, о чем хорошо был

Белоусова Ольга Владимировна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России XIX века — начала XX века исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Belousova Olga Vladimirovna, PhD Candidate in History, Associate Professor, Department of Russian History of the Nineteenth and Early Twentieth Centuries, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University
+7-903-514-03-72; belousova.olga@mail.ru

Исследование выполнено при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия».

This research has been supported by the Interdisciplinary Scientific and Educational School of Moscow University “Preservation of the World Cultural and Historical Heritage”.

осведомлен Шереметев, приходившийся министру родственником. Среди других тем аудиенций — связанные с политикой косвенно, в частности, деятельность Русского исторического общества и противостояние по поводу оценок событий прошлого. В этом же контексте описывается взаимная антипатия Шереметева и председателя этого общества А.А. Половцова. На материале проанализированных аудиенций делается важный вывод о ценностных расхождениях между графом и императором. Если первый крайне негативно воспринимал либеральные проявления правительственного курса нового царствования, то второй был гораздо большим реалистом и оказывался вынужденным закрывать глаза на реформистские начинания, которых требовала политическая ситуация.

Ключевые слова: император Николай II, граф С.Д. Шереметев, император Александр III, императрица Мария Федоровна, Д.С. Сипягин, А.А. Половцов, Русское историческое общество.

Abstract. The article examines the audiences of a prominent dignitary Count S.D. Sheremetev with Emperor Nicholas II. Sheremetev, who was close to Emperor Alexander III and Empress Maria Feodorovna, after the enthronement of Nicholas II in 1894 sought to build trusting relations with the new monarch, and in many respects he succeeded. The novelty of this study lies in the fact that the content of the numerous audiences of the count can only be reconstructed from his diaries, which are still unpublished and little studied due to the Sheremetev's highly illegible handwriting. The author of the article has studied descriptions of about a hundred audiences that took place from the accession to the throne of Nicholas II and until the First World War. Their content is systematized: the author describes the issues discussed by the emperor and the count, and highlights some features of the tsar's behavior, which were noted by his interlocutor and which add new traits to the stereotypical characteristics of this historical personality. Audiences dedicated to the discussion of political problems are examined. Thanks to the detailed narration of such meetings left by Sheremetev, it becomes possible to clarify the tsar's position on some significant issues. Among them, for example, are the conflict between the Tver Governor P.D. Akhlyostyshev and the Minister of Internal Affairs I.L. Goremykin, or the special disposition of Nicholas II to the Minister of the Interior D.S. Sipyagin, which Sheremetev, who was a relative of the minister, was well informed about. Some other topics of the audiences are indirectly related to politics, in particular, the activities of the Russian Historical Society and debate about the assessment of past events. The diary puts the mutual antipathy of Sheremetev and the chairman of this society, A.A. Polovtsov in this context. Based on the analyzed audiences, an important conclusion is made about value differences which the count and the emperor had. The former extremely negatively perceived the liberal manifestations of the government course of the new reign, the latter was a much greater realist and was forced to turn a blind eye to the reformist undertakings that the political situation demanded.

Keywords: Emperor Nicholas II, Count S.D. Sheremetev, Emperor Alexander III, Empress Maria Fedorovna, D.S. Sipyagin, A.A. Polovtsov, Russian Historical Society.

Положение графа С.Д. Шереметева в годы царствования императора Николая II было уникальным. Он не занимал высоких государственных постов, которые предполагали бы регулярные аудиенции и представление всеподданнейших докладов, однако имел право личного доклада государю для отчета о деятельности Археографической комиссии и Иконописного комитета, находившихся под патронатом государя.

Но поводом для аудиенций была не только научная деятельность Сергея Дмитриевича. Привилегированное положение Шереметева при дворе и доверительные — хотя вместе с тем и сложные — отношения с императором снискали ему репутацию осведомленного и влиятельного вельможи. Неслучайно в «Петербургской газете» в 1907 г. говорилось о силе влияния Шереметева в годы царствования Александра III, утверждалось, что якобы бывший министр внутренних дел Д.С. Сипягин был обязан ему своей карьерой, а также отмечалось: «...выдающееся высокое положение при дворе граф сохранил и при ныне царствующем государе. Очень прост в обращении и очень прямолинеен в речах»¹.

Подчеркнутая близость ко двору и тесные взаимоотношения со вдовствующей императрицей Марией Федоровной и со многими членами императорской фамилии позволяли Шереметеву на правах друга семьи иметь частые аудиенции у государя. В царствование Николая II Шереметев намеревался занять при нем место если не советника, то, во всяком случае, доверенного лица. Этого граф пытался добиться в самом начале царствования, когда ему казалось, что государь из-за неопытности или недостаточной уверенности в себе нуждается в поддержке друзей отца. Тогда ему не удалось осуществить эту комбинацию. Однако, не получив желаемой роли наставника, он сохранил близость к царской семье. Можно сказать, что его роль ограничилась функциями хранителя памяти и заветов Александра III, т.е. образа старой, «умиротворенной» во всех отношениях России, которая при новом царе стремительно менялась, становясь все менее умиротворенной и все более конфликтной.

Примечательно наблюдение, сделанное историком-византистом Н.П. Кондаковым, о взаимоотношениях Шереметева и Николая II: «Неожиданная смерть Александра III дала, очевидно, основной мотив дальнейшему существованию графа. Император Николай II, по вступлении на престол, тотчас же попросил Шереметева продолжать близкие отношения к нему самому и к его семье, но, видимо, опасался или даже прямо не хотел предложить ему какой бы то ни

¹ Придворные силуэты // Петербургская газета. 1907. 19 декабря.

было руководящий пост. Понимая, однако, по-своему роль приближенных к нему людей, он искал постоянно сам связей с Шереметевым, приглашал его к себе бывать без вызова, спрашивая его мнения о ходе дел, а может быть, и о роли государственных лиц»².

Среди исследователей бытует мнение о влиянии Шереметева на Николая II. Так, на аудиенциях «граф мог при случае высказать свои соображения и пожелания по тем или иным политическим вопросам»³. Нередко современники упоминали об участии Шереметева в делах, связанных с принятием кадровых решений, а именно с выбором кандидатов на высшие государственные должности, или же с деятельностью политических кружков и объединений. В воспоминаниях Н.А. Энгельгардта описан инцидент с неудачной попыткой министра внутренних дел В.К. Плеве закрыть «Русское собрание». Тогда Шереметев якобы намеренно передал главе МВД сочувственный отзыв государя о том, что «Русское собрание» полезное явление и нужное обществу⁴. Если верить мемуаристу, то Плеве после разговора с графом пересмотрел свое решение и кроме того выразил желание баллотироваться в число его членов. Насколько упомянутый эпизод в воспоминаниях Энгельгардта является правдоподобным — это отдельный вопрос, однако граф никогда не бравировал своим положением при дворе, тем более не пересказывал содержания аудиенций или разговоров с государем. Сам факт распространения подобных историй или же настойчивых слухов о близости Шереметева к С.Ю. Витте и И.И. Воронцову-Дашкову, которых патронировала вдовствующая императрица Мария Федоровна⁵, свидетельствовал о высоком и влиятельном положении вельможи.

Шереметев довольно часто бывал на аудиенциях у Николая II и, судя по дневникам графа, таких аудиенций за все годы их личного общения в 1895–1915 гг. было порядка ста⁶. Каждая аудиенция подробно фиксировалась и описывалась в дневнике графа. Обладая

² Кондаков Н.П. Воспоминания и думы. М., 2002. С. 177.

³ Стогов Д.И. Человек, соединивший старую Святую Русь с современной Россией. Граф Сергей Дмитриевич Шереметев (1844–1918) // Правая Россия. Жизнеописание монархистов начала XX века / Сост. А.А. Иванов, А.Д. Степанов. СПб., 2015. С. 381.

⁴ Энгельгардт Н.А. Эпизоды моей жизни. Воспоминания / Публ. С.В. Шумихин // Минувшее. СПб., 1998. С. 41.

⁵ Колышко И.И. Великий распад. Воспоминания / Сост., вступ. ст., подгот. текста и коммент. И.В. Лукоянов. СПб., 2009. С. 68–69.

⁶ Эти аудиенции лишь фрагментарно рассматривались исследователями. Из последних работ см., например: Русин Д.О. «Пока не будет настоящего министра внутренних дел — не будет направления твердого. Это корень всего зла». Политика первых лет царствования Николая II на страницах дневника графа Шереметева // Государственное управление. Электронный вестник. 2021. № 84. С. 41–61.

цепкой памятью, внимательностью к деталям, особенно касавшимся намеков, оттенков настроения императора, автор описывал аудиенцию, стараясь как можно полнее представить каждый эпизод. В описании аудиенций нередко встречаются характеристики деталей интерьеров кабинета или одежды монарха. Та или иная упомянутая деталь косвенно отражала также и настроение или отношение самого Сергея Дмитриевича. При описании одной из аудиенций он не без раздражения отметил так называемый костюмный вопрос, когда император принимал его в красной рубахе — такие рубахи являлись частью формы батальона Императорской фамилии лейб-гвардии 4-го Стрелкового полка⁷.

Событийная точность дневника подтверждается камер-фурьерскими журналами, в которых отмечались дата, время и продолжительность приема, последовательность докладчиков или очередность представления государю⁸. Император не вызывал графа, инициатором встречи всегда выступал Сергей Дмитриевич, который накануне отправлял письмо или телеграмму, где просил назначить ему прием, с указанием конкретного дела или вопроса, в крайне редких случаях он приезжал в царскую резиденцию без предупреждения и уже через камердинера или скорохода просил государя его принять. Император всегда оперативно реагировал на письма Шереметева и в ответном послании указывал день и время. Не было случая, когда Николай II проигнорировал бы просьбу или отказал бы в приеме. Аудиенции проходили в апартаментах Николая II — в Готической библиотеке Зимнего дворца, которую Шереметев называл кабинетом императора, а чаще всего — в Александровском дворце Царского Села, в старом рабочем кабинете. Несколько аудиенций, состоявшихся в Петергофе, скорее, являлись исключением из привычного сценария встреч.

Сложно говорить о регулярности аудиенций. Были годы (1899, 1900, 1901, 1902), когда они были частыми, почти ежемесячными. И совсем редко аудиенции происходили в военное время — по вполне понятным объективным причинам.

Политика активно и резко вторгалась в частные беседы. Первым пробным шаром в этом смысле — причем шаром, умышленно брошенным Шереметевым, — стало выражение графом недовольства курсом министра внутренних дел И.Л. Горемыкина по поводу так называемого дела П.Д. Ахлестешева, тверского губернатора, у которого произошел конфликт с местным земством, и в связи с

⁷ РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 5051. Л. 43.

⁸ РГИА. Ф. 516. Оп. 1 (219/2728). Д. 1–41.

этим в столице стал циркулировать слух о его скорой отставке⁹. Зачинщиком скандала и конструктором интриги Шереметев считал исключительно министра. Дело Ахлестышева представлялось следствием и результатом неправильно выбранного направления в политике Горемыкина. Вот как Сергей Дмитриевич зафиксировал в дневнике высказанные тогда императору претензии: «От частного тверского — я перешел к общему положению: говорил о существовании лицемерных исполнителей в высших сферах — о сознательном движении в пользу того, чтобы сбить уверенность в непоколебимости царских слов — о негодности в прав[ительственных] сферах, о стремлении затушевать ц[арствование] Александра III и о подчеркивании возврата (к Александру II. — О.Б.), к тому направлению, которое нас привело к... тут я остановился. Говорил о систематическом сведении на нет ц[арствования] Александра III, об конституциях, будто и мнение государя по этому пункту — изменилось»¹⁰. Этот доверительный разговор закончился предложением государя «приходить во всякое время»: «Для вас у меня всегда будут двери настежь!»¹¹. Спустя некоторое время это предложение было подкреплено еще одним характерным замечанием: «И вообще по этому и по другим вопросам прошу всегда обращаться ко мне прямо, без всяких посредников!»¹².

На следующих аудиенциях дело Ахлестышева уже не поднималось, и политическая тема фактически сошла на нет. Но она неизбежно всякий раз всплывала, когда возникал тот или иной кадровый вопрос — отставки или назначения ключевых фигур высшей бюрократии, однако тогда собеседники обсуждали не столько настроения, связанные с конкретными личностями, сколько именно оценки и характеристики таких личностей. Так было в 1902 г., когда произошло убийство министра внутренних дел Сипягина, которое император воспринял как личную трагедию. Эмоциональное объяснение между Николаем и Шереметевым, казалось бы, должно было способствовать их сближению, тем более что убитый приходился графу родственником¹³. Вот как Шереметев изложил в дневнике со-

⁹ См.: Андреев Д.А. «Дело» П.Д. Ахлестышева и борьба в правительственных верхах в начале царствования Николая II // Российская история. 2020. № 1. С. 37–50; Он же. Тверской губернатор П.Д. Ахлестышев и министр внутренних дел И.Л. Горемыкин: противостояние по вопросу о земстве в 1896–1897 гг. // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2019. № 6. С. 60–75.

¹⁰ РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 5041. Л. 153.

¹¹ Там же.

¹² Там же. Д. 5042. Л. 54.

¹³ Белоусова О.В. «Вот где главное наше горе». Граф Сергей Шереметев и его высокопоставленные родственники // Родина. 2012. № 7. С. 109.

стоявшийся тогда между ним и государем разговор. «Никто мне его не заменит!» — сказал государь возбужденным голосом, и мы невольно переглянулись взволнованно. Тогда я заговорил о нем — о его значении, о его врагах — сказал, что не враги снизу — главные, а враги сверху — враги чиновные и сановные — и около него же, гов[орил] о силе давней известной мне интриги, во главе кот[орой] всегда стоял Муравьев, м[инистр] ю[стиции,] гов[орил] о его, то есть Муравьева, дружбе с герм[анским] и[мператором], что напрасно ему доверяют, что этот человек неверный и коварный — хотевший сам быть м[инистром] в[нутренних] д[ел]... «И не будет он ним никогда!» — воскликнул государь»¹⁴.

Как уже отмечалось, стремление Шереметева в начале царствования Николая II занять место его советника на правах соратника отца не было реализовано из-за разницы в подходах по многим вопросам внутривластной жизни. Остававшиеся регулярными аудиенции принимали всё более формальный характер с отсылками к событиям прошлого, которые могли бы прочитываться как аналогии текущего момента. Собеседники всё чаще обсуждали ход дел в различных научных обществах, находившихся под покровительством императора и курировавшихся Шереметевым. На последующих аудиенциях поднимались различные вопросы, в основном касавшиеся деятельности уже исторических обществ.

Например, Общество ревнителей русского исторического просвещения в память императора Александра III, издание сборника «Старина и новизна» — это значительный сюжет в аудиенциях. Шереметев докладывал о ходе формирования общества, его деятельности, публикациях. На страницах сборника печатались материалы из личных архивов Дома Романовых. Просьба или получение согласия на обнародование того или иного документа всегда испрашивались лично. Неоднократно Шереметев просил помочь ему ознакомиться с отдельными материалами из государственного архива, например, в связи с историей установления авторства «Гаврилиады».

Шереметев лично дарил вышедшие сборники «Старины и новизны» государю, тот обязательно просматривал каждую книгу, задавал вопросы, уточнял, интересовался авторами. Вообще, книжные подарки становились часто поводом для аудиенций, в которые вплетались и текущие дела: то граф обращался с просьбами помочь вдове историка К.Н. Бестужева-Рюмина, то ходатайствовал о пенсии педагогу и просветителю С.А. Рачинскому, то просил оказать поддержку в издании сочинений писателя и актера И.Ф. Горбунова

¹⁴ РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 5047. Л. 45.

или посодействовать в назначении в Государственный совет — как, например, было в случае с его приятелем помещиком А.К. Варженевским. Финансовая поддержка оказывалась из личных средств императора, ходатайства о должностях решались дольше. Иногда, используя свое высокое положение, Шереметев старался выступать проводником правды, истинного положения дел, пытался раскрывать глаза монарху на злоупотребления и интриги, как это было в истории с Придворной певческой капеллой и назначением ее руководителем музыковеда С.В. Смоленского¹⁵.

Русское историческое общество также находилось в центре внимания на аудиенциях и не раз становилось предметом разговора: сначала это было связано с возобновлением деятельности общества, а потом с обсуждением его заседаний, тем более что они могли сопровождаться резонансными скандалами, как, например, в феврале 1899 г., во время чтения доклада ректора Петербургского университета В.И. Сергеевича об Уложенной комиссии Екатерины II. Вот как об этом по свежим следам события записал в дневнике Шереметев: «...чтение Сергеевича по поводу екатер[ининской] ком[иссии,] но в сущности “лекция” поучительная царю — что понятие “Божиею милостию” устарело — глумление над Екатериною и комиссиею и невольное обвинение дворянства и сословного строя. Верх бесстыдства и неприличия. Государя, видимо, корбило: он переглядывался очень выразительно с в[еликими] к[нязьями] Владимиром и Конст[антином] К[онстантиновичем] — и со мною, почти все время, видимо, следя за впечатлением. Затем чтение Шильдера, медоточивое, но с ядом, глумление над Ник[олаем] П[авловичем] и Паскевичем под кажущуюся похвалой. Затем по предл[ожению] Вл[адимира] Алекс[андровича] прочтены письма и[мператрицы] Марии Фед[оровны] к Александру I перед поездкою в Эрфурт и ответ Александра. Это единственно интересное чтение, достойное прис[утствия] государя. Тяжкое впечатление всего. Пассивность прилипчива, и здесь она сказалась. Но убежден, что впечатление на гос[ударя] чтение Сергеевича произвело отрицательное. <...> Чувствуется во всем заседании опять работа сложной интриги антимонархической и антидворянской. Половцов играет подлую роль»¹⁶.

Столь резкие высказывание Шереметева в адрес председателя Русского исторического общества А.А. Половцова имели определенный подтекст, а отношения обоих — давнюю историю. Граф считал бывшего государственного секретаря выскочкой, человеком, который выгодно женился на воспитаннице барона А.Л. Штиглица, а

¹⁵ Там же. Д. 5042. Л. 103.

¹⁶ Там же. Д. 5045. Л. 41–41 об.

затем «очень благоразумно и умно пристроился к князю П.А. Вяземскому» при организации Русского исторического общества. Стоит ли удивляться тому, что Половцов в своем дневнике отреагировал на состоявшееся заседание противоположным образом: «На этот раз заседание не проходит без маленького столкновения — первого в тридцатитрехлетнее существование общества. <...> По окончании доклада (Сергеевича) Бартенев весьма громко и бесцеремонно сказал: “Это не история. Если это напечатать в газетах, то все это раскритикуют”. Я немедленно попросил государя предоставить Шильдеру порученное ему чтение»¹⁷.

Столь разнящиеся оценки — закономерный результат резко отличавшихся друг от друга политических взглядов Половцова и Шереметева. Для Шереметева Половцов — прежде всего «представитель либерального бюрократического новшества, человек без преданий, без идеалов, чуждый всему русскому, непонятным путем занял то положение, которым пользовался лишь отрицательно». По-разному они оценивали и царствование Александра III. Шереметеву оно представлялось временем расцвета народного самосознания, воплощением русского идеала, которому полностью соответствовал и сам император. «Царствование Александра III отошло далеко, — сетовал он 22 июля 1905 г. — Все сделано, чтобы его свести на нет. Если в чем есть последовательность, так это в вытравливании духа прошлого царствования, выбор людей особо Александру III не сочувственных, общая перемена его направления. Вот до чего дожили в это несчастное царствование, никакой уверенности в следующем дне. Самодержавие без самодержца»¹⁸. Половцов же в 1906 г., напротив, с горечью осуждал политику Александра III, который, «будучи человеком ограниченного ума и упрямого характера, стал коверкать законодательство Александра II, не понимая, что делает». Более того, «сына своего не воспитал, так что он, вступив на престол, под влиянием отцовских креатур продолжал действовать в их смысле, что не могло не привести нас к теперешнему положению»¹⁹.

Интересно посмотреть, как это нашумевшее выступление Сергеевича на заседании Русского исторического общества обсуждалось затем на аудиенции Шереметева у Николая, состоявшейся вскоре. Из дневника Сергея Дмитриевича вырисовывается следующая картина: «Затем я сам спросил его о впечатлении заседания Исторического общества. Гос[ударь]: “Да, а я именно хотел вас о том спросить?”

¹⁷ Половцов А.А. Дневник. 1893–1909 / Сост., коммент., вступ. ст. О.Ю. Голечковой. СПб., 2014. С. 230–231.

¹⁸ РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 5050. Л. 79.

¹⁹ Половцов А.А. Указ. соч. С. 532.

Я сказал, что меня удивила речь Сергеевича, что нашел ее неудобной, пристрастной, краски сгущенными — и освещ[ение] одностороннее. Гос[ударь] с этим согласился и упомянул о выходке Бартенева. Я сказал, что выходка была неуместна <...> что чувство неудовольствия было естественно, причем сослался на мнение Л.Н. Майкова, удивлявшегося тому, что Сергеевич читал, как будто вовсе не знакомый с предметом. Вообще, добавил я, ему как ректору не время было выступать. Гос[ударь]: “Да, он лучше бы молчал”, — и улыбнулся. Потом переспросил — он не ректор, т[ак] к[ак] ему сказали, что это его брат. Я подтвердил, что он ректор — а что брат у него есть ли в Москве. Странно, что государю не сказали, что Сергеевич — ректор. Потом я добавил, что хотя труды комиссии изданы Поленовым и затем Сергеевичем, но остались неизданными труды предварительных совещаний, предшествовавших — и затронувших нек[оторые] вопросы, кот[орые] в самую комиссию не проникли. Тут я лично заинтересован, прод[олжал] я, т[ак] к[ак] имею данные полагать, что прадед мой в одной из этих подкомиссий предложил освободить своих крестьян! Госуд[арь] этого не знал и сказал: “Та же мысль была и при Александре I”. Я продолжал, что для обобщения нужно полное освещение документов — а не односторонний и пристрастный взгляд. Гос[ударь] заметил, что в особенности по вопросу о “словах”, и продолжал перебирать эпизоды перебранки Половцова с Бартевым. — Тогда я сказал, что перебранка с двух сторон была неприлична, и добавил, что то, что происходило на глазах в[ашего] в[еличества], — только отголосок других побочных счетов между ними, проникнувших в печать, — и сообщил, что обвинение в пропаже док[ументов] Ус[пенского] собора отрицается Половцовым. Вообще, — сказал я, — это почти общее явление: те пререкания, кот[орые] иногда сквозят и перед в[ашим] в[еличеством и] имеют всегда другую личную основу, в большинстве случаев сокровенную, которая и не может дойти до государя, но кот[орая] и составляет причину побуждения к личным счетам, пробивающимся наружу, — и что это явление, к сожалению, встречается очень часто. Государь понял мой намек — и с этим согласился»²⁰.

Иконописный комитет, с инициативой создания которого выступил Шереметев, также был предметом разговоров на многих аудиенциях. В беседах очень подробно обсуждались детали устава, подчиненности, сферы деятельности учреждения, источники финансирования, положение иконописного промысла и связанных с ним иконописных мастерских. Шереметев устроил императору встречу

²⁰ РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 5045. Л. 47.

и знакомство с видным ученым-византинистом и специалистом в иконописи Н.П. Кондаковым, информировал о подготовке к изданию Лицевого свода. Вообще этот сюжет об Иконописном комитете представляет государя как знатока и ценителя икон. На одной из аудиенций (такого никогда не происходило ни с одним из представлявшихся или докладчиков) Николай пригласил графа в личные покои Зимнего дворца. «Я хочу вам показать иконы», — и вышел из кабинета во внутреннюю дверь. Я пошел за ним и впервые проникнул — за кабинет, — прошел две небольших комнаты, — мимо внутренней лестницы, и попал в узкую, угловую комнату, где на креслах лежали иконы. Он стал их показывать, как бы желая знать мое мнение. Тут были дерев[янные] изобр[ажения] Николы Можайского — и складень, кот[орый], по словам его, принадлежал кн[язю] Дадриану — и сост[авлял] его семейную святыню. Я недоумевал, почему она оказалась у государя... и сказал, что вообще не считаю себя тонким знатоком икон — но думаю, что нек[оторые] из них имеют интерес»²¹. В другой раз Николай поделился с Шереметевым, что собирает коллекцию нательных крестов. Граф был поражен и обескуражен вниманием и открытостью собеседника. «Пожалуйста, навещайте меня!» — (кажется, «почаще» — но, наверное, не помню). Эту фразу я уже слышал, и на нее можно было ответить только несколько недоуменным поклоном. <...> Для меня это натура загадочная»²².

Однако подобная «загадочность» явилась для контактов графа с императором фактором скорее не положительным, а отрицательным: в отличие от Шереметева, прямолинейного и всегда последовательно скептического в отношении современной ему эпохи — на фоне своего рода «золотого века», каким ему представлялось царствование Александра III, — Николай II был не менее предсказуемым, но уже именно как реалист, как человек нового века, вынужденный заниматься практической политикой, подбирать людей на разные должности, выстраивать те или иные шаткие ситуативные консенсусы. Это казалось Сергею Дмитриевичу вопиющим проявлением непоследовательности царя или подверженности его чужим влияниям. В этом смысле «консервативный романтизм» графа — как бы чистый, незамутненный, эталонный — сталкивался с иным изводом «консервативного романтизма», гораздо более привязанного к земным реалиям, но, вместе с тем, именно в своей идеальной составляющей сводившегося также к персоне покойного государя, — извода ничуть не менее эталонного, нежели у Шереметева.

²¹ Там же. Д. 5048. Л. 7.

²² Там же.

Список литературы

Андреев Д.А. «Дело» П.Д. Ахлёстышева и борьба в правительственных верхах в начале царствования Николая II // Российская история. 2020. № 1. С. 37–50.

Андреев Д.А. Тверской губернатор П.Д. Ахлёстышев и министр внутренних дел И.Л. Горемыкин: противостояние по вопросу о земстве в 1896–1897 гг. // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2019. № 6. С. 60–75.

Белоусова О.В. «Вот где главное наше горе». Граф Сергей Шереметев и его высокопоставленные родственники // Родина. 2012. № 7. С. 108–111.

Русин Д.О. «Пока не будет настоящего министра внутренних дел — не будет направления твердого. Это корень всего зла». Политика первых лет царствования Николая II на страницах дневника графа Шереметева // Государственное управление. Электронный вестник. 2021. № 84. С. 41–61.

Стогов Д.И. Человек, соединивший старую Святую Русь с современной Россией. Граф Сергей Дмитриевич Шереметев (1844–1918) // Правая Россия. Жизнеописания монархистов начала XX века / Сост. А.А. Иванов, А.Д. Степанов. СПб.: Царское дело; Русская народная линия, 2015. С. 536–547.

Поступила в редакцию
10 февраля 2022 г.

П.Н. Гордеев

**«ХОЧЕТСЯ ИДТИ К ВАМ И СВОИМИ РУКАМИ
ОЧИСТИТЬ ДОРОГОЙ ТЕАТР ОТ СКВЕРНЫ,
ЗАНЕСЕННОЙ СТИХИЙНЫМ БЕЗУМИЕМ»:
РАЗГРОМ МАЛОГО ТЕАТРА В НАЧАЛЕ НОЯБРЯ 1917 г.**

P.N. Gordeev

**“MY FERVENT WISH IS TO JOIN YOU AND WITH MY
OWN HANDS CLEAN THE DEAR THEATER FROM THE
FILTH BROUGHT BY DELIRIOUS MADNESS”: THE PILLAGE
OF THE MALY THEATER IN EARLY NOVEMBER 1917**

Аннотация. На рубеже октября и ноября 1917 г. Москва стала ареной ожесточенных боев между сторонниками большевиков и силами, верными Временному правительству. Активные боевые действия велись и на Театральной площади, вследствие чего пострадали оба государственных театра, Большой и Малый. Если Большому театру еще относительно повезло, то Малый подвергся настоящему разгрому, виновником которого был отряд красногвардейцев, сформированный на Кольчугинском заводе во Владимирской губернии, прибывший в Москву 1 ноября и занявший театр в ночь на 2 ноября. Как только этот отряд удалось 4 ноября выпроводить из Малого театра, руководители последнего (артисты А.И. Сумбатов-Южин и О.А. Правдин) инициировали скрупулезный подсчет потерь. Ущерб, нанесенный казенному имуществу, был в течение нескольких месяцев в целом компенсирован, в отличие от значительных утрат личного имущества артистов и служащих. Переписка о возмещении личного ущерба велась не менее года, в то время как прогрессирующая инфляция обесценивала заявленные первоначально материальные требования. Политические последствия разгрома Малого театра выразились в резком всплеске антибольшевистских настроений не только среди членов труппы, но и во всей театральной Москве. Пресса, подробно описывавшая детали «надругательства» над «домом Щепкина», не жалела резких слов для характеристики красногвардейцев, а сами актеры Малого театра на общем собрании 7 ноября приняли предложенную А.И. Сумбатовым-Южиным резолюцию,

Гордеев Пётр Николаевич, доктор исторических наук, старший научный сотрудник кафедры русской истории (XIX–XXI вв.) Института истории и социальных наук Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена

Gordeev Petr Nickolaevich, Doctor in History, Senior Research Fellow, Department of Russian History (19th–21st centuries), Institute of History and Social Sciences, Herzen State Pedagogical University of Russia

+7-911-280-39-04; petergordeev@mail.ru

в которой решительно потребовали невмешательства в свою деятельность любых учреждений или лиц, не принадлежавших к составу труппы. Это был очевидный выпад в адрес Московского военно-революционного комитета и назначенной им «комиссаром театров» Е.К. Малиновской. Разгром Малого театра привел к усилению в театральном ведомстве позиций непримиримых противников новой власти, в частности, главноуполномоченного по государственным театрам Ф.Д. Батюшкова, которого А.И. Сумбатов-Южин подробно информировал о событиях в Москве.

Ключевые слова: Октябрьская революция 1917 г., бои в Москве в ноябре 1917 г., большевики, Малый театр, А.И. Сумбатов-Южин, О.А. Правдин, Ф.Д. Батюшков.

Abstract. Between October and November 1917, Moscow became the scene of the fierce fighting between the supporters of the Bolsheviks and the forces loyal to the Provisional Government. Active hostilities took place in Theater Square, and as a result, both state theaters, the Bolshoi and Maly, were damaged. The Bolshoi Theater was relatively lucky, but the Maly was pillaged at the hands of a Red Guard detachment, which was formed at the Kolchuginsky plant in the Vladimir province. It arrived in Moscow on 1 November and occupied the theater on the night of 2 November. As soon as the Red Guards were induced to leave the Maly Theater on 4 November, the heads of the latter (artists A.I. Sumbatov-Yuzhin and O.A. Pravdin) initiated a scrupulous calculation of the losses. The damage caused to the state property was generally compensated within a few months, unlike the significant losses of the personal property of the artists and employees. Correspondence about the compensation for the latter lasted for at least a year, while progressing inflation was depreciating the originally claimed compensation. The plunder of the Maly Theater had such political consequences as a sharp surge of anti-Bolshevik sentiments not only among the members of its troupe, but in Moscow theatrical circles as a whole. The press described the “pillage” of the “Shchepkin’s Home” in minute detail, the journalists did not spare harsh words to characterize the Red Guards, and the actors of the Maly Theater themselves at a general meeting on 7 November accepted the resolution proposed by A.I. Sumbatov-Yuzhin in which they sharply demanded non-interference in their activities by any institutions or persons that did not belong to the troupe. That was an obvious attack on the Moscow Military Revolutionary Committee and its appointee “commissar for theatre” E.K. Malinovskaya. The plunder of the Maly Theater contributed to the strengthening of the positions of irreconcilable opponents of the new government in the theater department, in particular, F.D. Batyushkov, whom A.I. Sumbatov-Yuzhin gave a detailed report about the events in Moscow.

Keywords: Russian October revolution of 1917, fighting in Moscow in November 1917, Bolsheviks, Maly Theatre, A.I. Sumbatov-Yuzhin, O.A. Pravdin, F.D. Batyushkov.

* * *

Октябрьское вооруженное восстание в Москве, вылившееся в несколько дней кровопролитных боев, не только обернулось многочисленными жертвами в противоборствующих лагерях, но и

принесло немалые разрушения городу. В памяти современников запечатлелся обстрел Кремля — национальной святыни России; при этом пострадали и прилегающие к нему кварталы, в том числе архитектурный ансамбль Театральной площади. Здесь находились оба императорских театра, Большой и Малый, а неподалеку, на Большой Дмитровке, располагалась в отдельном здании Московская контора государственных театров, в сентябре 1917 г. преобразованная в две канцелярии — уполномоченного по Большому театру (этот пост занимал знаменитый тенор Л.В. Собинов) и уполномоченного по Малому театру (во главе «дома Щепкина» стоял актер и драматург А.И. Сумбатов-Южин)¹.

Разгром Малого театра во время революционных боев в Москве, упоминаемый во многих артистических мемуарах и посвященных «дому Щепкина» монографиях, никогда ранее не становился предметом специального исследования. Между тем именно концентрация исследовательских усилий на определенном, на первый взгляд локальном событии порой позволяет лучше понять развитие революционного процесса, разобраться в сложном переплетении различных сил, сложившемся к концу 1917 г. в России в целом и в Комиссариате Временного правительства над бывшим Министерством двора (к ведению которого относились и государственные театры) в частности. Источниковая база предлагаемой вниманию читателя работы достаточно обширна. Частично она состоит из документов Московского военно-революционного комитета (МВРК), воинских частей, партийных и общественных организаций, опубликованных в советское время в ряде сборников, объединенных темой Октябрьского вооруженного восстания в Москве (отметим, что эти документальные публикации практически не использовались историками театра). Определенную роль в установлении судьбы Малого театра и его погромщиков в начале ноября 1917 г. играют и публикации в прессе.

Важнейшими источниками являются материалы пяти архивов и рукописных отделов научных организаций, большая часть которых впервые вводится в научный оборот. Наибольший интерес представляют материалы, выявленные в фондах Большого (ф. 648) и Малого театров (ф. 649), а также в личных фондах Л.В. Собинова (ф. 864), А.И. Сумбатова-Южина (ф. 878) и Е.К. Малиновской (ф. 1933) в Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ). В фондах Дирекции императорских театров (ф. 497) в Российском государственном историческом архиве (РГИА) и Народ-

¹ Гордеев П.Н. Государственные театры России в 1917 году. СПб., 2020. С. 302–306.

ного комиссариата имуществ Республики (ф. Р-410) в Государственном архиве Российской Федерации (ГА РФ) обнаружена служебная переписка о ликвидации ущерба, нанесенного Малому театру в начале ноября 1917 г. В Государственном центральном театральном музее имени А.А. Бахрушина (ГЦТМ) представляют определенный интерес материалы личного фонда артиста О.А. Правдина (ф. 217), одного из руководителей Малого театра. Наконец, в Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинского Дома, ИРЛИ) в Петербурге выявлены письма уполномоченного по Малому театру А.И. Сумбатова-Южина к главноуполномоченному по государственным театрам Ф.Д. Батюшкову (архив последнего полностью не систематизирован), в которых Южин делился подробностями московских событий.

Осматривая 8 ноября 1917 г. бывшую контору, заведующий зданиями Малого театра и конторы подполковник Н.П. Штер (в прошлом полицеймейстер московских императорских театров) отметил в протоколе, что «во время Октябрьских — Ноябрьских событий в здании Конторы были выбиты разорвавшимся вблизи здания снарядом стекла в количестве 287 штук»². Незначительные повреждения получило величественное здание Большого театра. Назначенная МВРК 3 ноября «комиссаром театров»³ Е.К. Малиновская вспоминала, что «в тот же день» она «с группой работников» Большого театра обошла здание: «Снаружи оказались побитыми оконные стекла, внутри здания был полный порядок, только из запертого ящика стола оказалась похищенной небольшая сумма общественных денег»⁴. Персонал Большого, впрочем, готовился к худшему. В декабре 1917 г. председатель Совета старост оркестра Я.К. Королев уведомил Л.В. Собинова о поступке одного из служащих: «30-го октября, во время вооруженного восстания, капельдинер оркестра Петр Яковлевич Степанов явился в театр, по собственной инициативе перенес все находившиеся в оркестре инструменты, не исключая контрабасов и литавр, в отдельную комнату, где запер их и ключ отнес Х. Шмукловскому»⁵. Артист Д.А. Смирнов в интервью «Петро-

² РГАЛИ. Ф. 649. Оп. 1. Д. 9. Л. 10.

³ Московский военно-революционный комитет. Октябрь — ноябрь 1917 г. / Сост. В.А. Кондратьев. М., 1968. С. 277.

⁴ РГАЛИ. Ф. 1933. Оп. 1. Д. 12. Л. 7. Побитые стекла повлекли за собой и другие потери в театральном имуществе. Главный машинист Большого театра К.Ф. Вальц доносил 18 ноября в постановочную часть, что со сцены похищены «половики из разных опер и балетов», а также некоторые декорации, причем куски половиков обнаружены у дворников и пожарных, которые забивали ими разбитые окна (Там же. Ф. 648. Оп. 2. Д. 4. Л. 242–243).

⁵ Там же. Ф. 648. Оп. 2. Д. 21. Л. 1.

градской газете» рассказал, что в Большом были обворованы артистические уборные, в которых хранились костюмы, а из его уборной украли ящик с гримировальными принадлежностями⁶. Костюмы украли и из уборной певца И.С. Дыгаса⁷. В прессе отмечалось, что «из уборных и помещений канцелярии театра была унесена вся мелочь до чернилниц и перьев включительно»⁸. Но ущерб в виде разбитых стекол, похищенных «общественных денег», грима и перьев мерк в сравнении с тем, что пришлось пережить в эти дни занятому солдатами и красногвардейцами Малому театру.

В увидевших свет в советское время актерских мемуарах тема разгрома Малого театра в дни восстания либо вообще замалчивалась, либо подавалась в значительно смягченном виде, как, например, в воспоминаниях А.А. Яблочкиной, описывавшей свое посещение театра в начале ноября: «На самой сцене ночевали вооруженные люди. Повсюду валялись папиросные окурки, бумажки, пустые коробки из-под консервов. Никаких серьезных повреждений я не заметила. Все было легко поправимо, и я успокоилась»⁹. Источники, современные событиям, рисуют гораздо более драматичную картину. 10 ноября 1917 г. А.И. Сумбатов-Южин писал Л.В. Собинову: «Рад, что Вы целы... и что нас застали целыми, впрочем, едва на ½ в Малом театре! Нас разгромили»¹⁰. 12 ноября тот же Южин писал в Петроград руководителю театрального ведомства, главноуполномоченному по государственным театрам Ф.Д. Батюшкову: «Избавьте меня от подробного описания того разгрома и общей картины, которую я застал в Малом театре, как только, наконец, мог пробиться к нему после четырех неудачных попыток пройти сквозь огненное кольцо обстрелов и пожаров, отделявшее район Бронной, где я живу, от театра в течение 28 окт[ября] — 2 н[оя]бря. Все четыре раза меня задерживали патрули, стоявшие на углах переулков, выходящих на Тверскую, и возвращали вспять. Да и если бы мне хотя раз удалось проникнуть, сделать нельзя было ничего, судя по той встрече, которая была мне сделана со стороны банды, занимавшей Малый театр в числе до 200 человек, точно сорвавшихся с картин Гойи... При личном свидании если оно суждено, расскажу Вам все подробно. <...> Душа болит невыносимо»¹¹. В прессе помещали адресованное

⁶ *Бинокль*. Беседа с Д.А. Смирновым (московские впечатления) // Петроградская газета. 1917. 18 ноября.

⁷ Пострадавшие артисты // Театр. 1917. 9–11 ноября.

⁸ Хроника // Новости сезона. 1917. 18–19 ноября.

⁹ Яблочкина А.А. 75 лет в театре. М., 1960. С. 250.

¹⁰ РГАЛИ. Ф. 864. Оп. 1. Д. 804. Л. 9.

¹¹ ИРЛИ. № 15227. Л. 5–5 об.

Южину письмо К.С. Станиславского, написанное основателем МХТ вскоре после личного посещения Малого театра: «Я испытывал тоску и злобу, точно изнасиловали мою мать, точно оскорбили священную память дорогого Михаила Семеновича. Хочется идти к вам и своими руками очистить дорогой театр от скверны, занесенной стихийным безумием. <...> Дай Бог вам сил поскорее забыть ужасный кошмар»¹².

Обширный материал о разгроме «дома Щепкина» содержится в отложившемся в архивном фонде театра в РГАЛИ «Деле о восстановлении повреждений и расхищенного имущества в Малом театре». 8 ноября писец Канцелярии уполномоченного по Малому театру и по совместительству кандидат в экстерны этого театра В.А. Быковский¹³ записывал показания свидетелей. Управляющий театром, заслуженный артист О.А. Правдин рассказал о событиях, предшествовавших вторжению вооруженных людей на историческую сцену. «27 октября в Малом театре была премьера: шла др[ама] “Саломея” и “Флорентийская трагедия”. К концу спектакля по театру разошелся слух, что началось движение, и на улицах Москвы здесь и там раздавались выстрелы. В 12 часу я пошел домой, отдав вахтеру и служащим приказ все тщательно осмотреть и расставить сторожей. На улице было тихо, а так как я живу в доме “Метрополь”, напротив Малого театра, то совершенно спокойно дошел до дому. 28-го часов в 12 дня я снова пошел в Малый театр и нашел ворота на запоре и все служащие¹⁴ на своих местах. Отдав приказ вахтеру иметь строгое наблюдение, никого не пропускать, я вернулся домой. 29-го я опять отправился в Малый театр и опять был обрадован тем же порядком: меня встретили вахтер Оленев и машинист Степан Лобанов, которые рассказали мне, что красногвардейцы сделали уже попытку пробраться в Малый театр, но, сломав ворота бывшего Царского подъезда, они попали в новую столярную мастерскую, совершенно отрезанную от сцены и театра. Их заметили наши рабочие и сторожа, которые во главе с Лобановым и Оленевым их и выпроводили. Бомбардировка в это время была уже настолько сильна, что у сторожа Васильева на лестнице и в мастерской пулями уже были пробиты стекла. Я покинул Малый театр и на другой день выйти из “Метрополя” уже не мог. Стреляли и в “Метрополь” и в Малый театр и площадь была покрыта мертвыми и ранеными. Так продолжалось 31-го и 1-го»¹⁵. На площади действительно развернулось настоящее сражение: еще в

¹² Маленькая хроника // Театр и искусство. 1917. № 47. С. 791.

¹³ См.: Гордеев П.Н. Указ. соч. С. 548.

¹⁴ Так в тексте.

¹⁵ РГАЛИ. Ф. 649. Оп. 1. Д. 9. ЛЛ. 135 об.–136.

седьмом часу утра 2 ноября в штаб МВРК поступали сводки: «Сейчас гостиница “Метрополь” обстреливается нашими орудиями. Оттуда отвечают пулеметным огнем: очень сильно, широко». Лишь в половине двенадцатого дня поступила сводка о занятии «Метрополя» (ранее оборонявшегося юнкерами) силами МВРК¹⁶.

О том, какие именно большевистские силы занимали район государственных театров на рубеже октября и ноября, можно узнать из документов МВРК. В 5 часов утра 31 октября МВРК отправил на Театральную площадь отряд из 150 человек под командой Чикколини [С.В. Чикколини], из которых 50 должны были занять Большой театр, 50 — Малый и 50 — гостиницу «Метрополь»¹⁷. Этот план, очевидно, был составлен наспех: «Метрополь» представлял собой один из важных центров обороны юнкеров, на взятие которого были нужны значительно большие силы, а здание Большого театра особой стратегической ценности не имело. Личность начальника большевистского отряда не сулила театрам ничего хорошего: во время Гражданской войны С.В. Чикколини будет судим однопартийцами за жестокость, производимые им без всякого суда и следствия расстрелы неугодных лиц и изнасилования своих сотрудниц¹⁸.

В первые дни разгрома в театре присутствовали, судя по сохранившимся документам, лишь несколько представителей технического персонала: сторожа при уборных П. Богданов и Д. Васильев, фельдшер П.В. Захаров, пожарный И. Калашников и вахтер А.Ф. Оленев. Из их рассказов вырисовывалась следующая картина: до 31 октября включительно никаких посторонних людей в театре не было (не считая описанного Правдиным инцидента, произошедшего 29 октября, на основании которого в «Бюллетене ВРК» несколько преждевременно отметили, что в этот день Малый театр был занят «нашими войсками»¹⁹); первые группы солдат появились в Малом в ночь на 1 ноября (скорее всего, это были части принимавшего активное участие в боевых действиях на стороне МВРК 56-го пехотного запасного полка; по крайней мере, удостоверение солдата этого полка было позднее найдено в театре среди других обороненных «захватчиками» бумаг²⁰; кроме того, 1 ноября «в карауле» у Малого театра числи-

¹⁶ Подготовка и победа Октябрьской революции в Москве. Документы и материалы / Под общ. ред. Г.Д. Костомарова. М., 1957. С. 437, 439.

¹⁷ Документы Великой пролетарской революции / Под ред. И.И. Минца, И.М. Разгона. Т. II. М., 1948. С. 133.

¹⁸ Войтиков С.С. Советские спецслужбы и Красная армия. 1917–1921 гг. М., 2017. С. 19, 20, 507.

¹⁹ Московский военно-революционный комитет. С. 78.

²⁰ РГАЛИ. Ф. 649. Оп. 1. Д. 9. Л. 22.

лось 20, а «при Большом театре» — 10 так называемых «двинцев»²¹). Служащие расходились в оценках точного времени. Так, П.В. Захаров утром в 8 часов 1 ноября слышал шум от разбиваемого окна в кабинете врача, А.Ф. Оленев вспоминал, что его в 8-м часу утра вызвал в театр Захаров; придя в театр, Оленев увидел «на дворе Малого театра несколько солдат», потребовавших открыть ворота, ведущие на Театральную площадь. Оленев «под угрозой расстрела» был вынужден это сделать²². Сторож Д. Васильев (показания которого подтвердил и пожарный Калашников) слышал шум в театре, а затем увидел и солдат, проникших со двора, еще в 4-м часу утра (возможно, речь шла о разных группах солдат, либо же некоторые из давших показания свидетелей не следили за временем). Вошедшие солдаты искали «юнкеров и белогвардейцев» (П.В. Захаров вспоминал, что они потребовали провести осмотр, «так как будто бы из театра стреляли»), а затем попросили отвести их в помещения, выходящие в сторону гостиницы «Метрополь». При этом в течение всего дня 1 ноября солдаты вели себя «спокойно и ничего на сцене и в уборных не трогали» (показания Д. Васильева, подтверждаемые и другими очевидцами). Ситуация резко изменилась, когда в ночь с 1 на 2 ноября (около 1 часа ночи, по словам Васильева) солдат сменили красногвардейцы — рабочие с Кольчугинской фабрики. Они начали «громить уборные и растаскивать имущество». Когда Васильев попытался отговорить их от этого, ему пригрозили оружием и приступили к разгрому гардероба. Кроме того, 2 и 3 ноября «на сцену приходили сестры милосердия и посторонние женщины, якобы с той же Кольчугинской фабрики»; они, вспоминал Васильев, «ходили по

²¹ Документы Великой пролетарской революции. Т. II. С. 165. «Двинцами» в 1917 г. именовались солдаты 5-й армии, арестованные летом 1917 г. за дезертирство и пораженческую агитацию и незадолго до Октябрьской революции переведенные из тюрьмы в г. Двинске в Москву. Они сыграли видную роль в боях конца октября — начала ноября. Некоторые «двинцы» вспоминали об участии в перестрелках на Театральной площади и во взятии гостиницы «Метрополь» ([Предисловие] // Двинцы. Сборник воспоминаний участников октябрьских боев 1917 г. в Москве и документы. М., 1957. С. 4; Федотов П. Солдаты-двинцы // Там же. С. 18–22, 30; Ростовцев В. За власть Советов // Там же. С. 101, 102).

²² 18 лет спустя, в условиях советской цензуры А.Ф. Оленев (отец заслуженного артиста РСФСР П.А. Оленева) совсем в других словах вспоминал об этих событиях: «И хотя сзади меня шли красногвардейцы, держа револьверы с взведенными курками, я знал, что никто из них не выстрелит в меня. Они держали наготове оружие для отражения внезапного нападения, так как ходили слухи, что театр занят белыми». Через несколько дней, когда красногвардейцы покидали театр, «начальник отряда кольчугинцев» сказал Оленеву: «Мы победили. Понимаешь?... Мы победили. И никто нас больше не осилит никогда!». «Мы с ним распрощались, как родные братья. Он меня благодарил за содействие и долго жал мне руку», — вспоминал бывший вахтер. «Тогда я в первый раз за 4 дня пришел домой спокойным и сказал жене: Мы победили!...» (Оленев А.Ф. Красная гвардия в Малом театре // Малый театр. 1935. 19 ноября).

уборным с красногвардейцами и брали различные вещи» (фельдшер Захаров показал, что появление сестер милосердия было связано с желанием красногвардейцев устроить импровизированный лазарет для раненых)²³.

Стоит несколько слов сказать о запятнавшем себя вандализмом красногвардейском отряде, прибывшем из Владимирской губернии. Крупный московский предприниматель, купец I гильдии А.Г. Кольчугин в 1871 г. основал в Юрьевском уезде «Товарищество медеплавильных заводов А.Г. Кольчугина», вскоре разросшееся в целый город, получивший в честь завода название Кольчутино (сам основатель, испытывая финансовые трудности, еще в 1886 г. продал свои паи Товариществу, основным владельцем которого перед революцией был торговый дом «Воган и К°»)²⁴. В 1917 г. на заводе был сформирован боевой отряд, и 1 ноября Кольчугинская красная гвардия²⁵ численностью 180 человек прибыла в древнюю столицу. В ее рядах было и несколько фельдшерниц, которых видели в театре Д. Васильев и П.В. Захаров. Кольчугинцы первоначально расположились в Сокольнических трамвайных мастерских, ставших базой для целого ряда большевистских частей²⁶. Возможно, в отряде кольчугинцев были и отдельные представители других фабрик: при разборе завалов в театре после погрома были обнаружены документы нескольких человек, из которых двое были военные (один — 56-го полка и один без указания части), остальные — рабочие (большинство с заводов А.Г. Кольчугина во Владимирской губернии и один, мастерской Ф.И. Бобров, работавший на Русской фабрике приводных ремней «Леша», располагавшейся в Москве)²⁷.

Беспрепятственный погром продолжался более суток. Вечером 2 ноября Комитет общественной безопасности²⁸ капитулировал, и бои на улицах прекратились²⁹. На следующий день, 3 ноября, в здание Малого театра смогло, наконец, попасть его руководство в лице

²³ РГАЛИ. Ф. 649. Оп. 1. Д. 9. Л. 134–135.

²⁴ Валеева Н.М., Ситко В.П. «Свой век украсил он делами». Жизнь и деятельность купца Александра Григорьевича Кольчугина. М., 2005. С. 4, 79, 88, 95.

²⁵ В тексте телефонограммы об их прибытии название указано ошибочно — Кальчуковская (Документы Великой пролетарской революции. Т. II. С. 151).

²⁶ Бродская С. Из воспоминаний // Октябрьские дни в Москве и районах (по воспоминаниям участников). М., 1922. С. 136; Владимирский М. Октябрьские дни в Москве // Очерки по истории Октябрьской революции в Москве. М.; Л., 1927. С. 296.

²⁷ РГАЛИ. Ф. 649. Оп. 1. Д. 9. Л. 22–22 об.

²⁸ Комитет общественной безопасности во главе с городским головой Москвы эсером В.В. Рудневым был создан Московской городской думой 25 октября; координировал вооруженное сопротивление большевикам в Москве вплоть до 2 ноября 1917 г.

²⁹ Грунт А.Я. Москва 1917-й: Революция и контрреволюция. М., 1976. С. 347.

уполномоченного А.И. Сумбатова-Южина и управляющего театром О.А. Правдина. Южин рассказал В.А. Быковскому: «3-го ноября в 11 ½ часов утра, как только возможно было проникнуть в район Малого театра, я явился туда и нашел театр занятым вооруженными людьми, человек до 200. Заявив о себе, что я Уполномоченный по театру, я хотел пройти на сцену и был остановлен. Тем не менее я прошел, заявив, что я обязан быть во вверенном мне помещении. Насилия против меня употреблено не было, ввиду заявления вахтера и других служащих, подтвердивших мое заявление. Я нашел картину полного разгрома кассы, комнат Управления, уборных и некоторых складов, взломанные двери и замки, повсюду осколки разбитых бутылок, людские экскременты, сорванные чехлы с мебели, окурки, остатки пищи, обрывки разных костюмов и т. п. После полуторачасового осмотра всего помещения я вышел из театра, вызвал Управляющего театром О.А. Правдина из занимаемого им в доме гостиницы “Метрополь” помещения и вместе с ним вернулся в театр. При вторичном осмотре мы оба были арестованы, затем О.А. Правдин был отпущен, а я отправился в сопровождении красногвардейца в Военно-Революционный комитет, где был освобожден».

Показания Правдина, в целом рисующие ту же картину, отличались большей подробностью. Около 13:00 Южин зашел за ним в «Метрополь», они вместе отправились в Малый, где увидели «громчайшую толпу Кольчугинских красногвардейцев, человек около 200. Все фойе, коридоры, трюм, проходы к сцене, уборные для публики были в таком ужасном, разгромленном виде, что описанию не поддается. Все эти “гвардейцы” были большей частью люди очень молодые и между ними немало женщин вида очень сомнительного. Пройдя на сцену, я попал сначала в курительную артистов, здесь тоже царил хаос, пол весь усыпан разным хламом, мебель сломана и перевернута, все чехлы с пьянино, рояля и фисгармонии пропали и инструменты стояли открытыми, но, слава Богу, существенно не пострадали. Суконная занавесь была сорвана с карниза и бесследно пропала. В курьерской на лестнице тоже все было переброшено, разорвано и исковеркано. Поднявшись в Канцелярию, я прямо оторопел от представившейся картины: два письменных стола были вскрыты, замки сломаны и вырваны; три шкафа с бумагами были взломаны, бумаги все изорваны, вещи исковерканы, на полу лежали обломки вещей, принесенных из гардероба и бутафорской. Масса бумаг, гримировальных принадлежностей, грязного белья, видимо, брошенного “гвардейцами” и т. п. Рядом, в ватерклозете, вода и экскременты наполняли чашу выше краев и разлились по полу, висели тряпки, женские грязные кальсоны и т. п.».

Войдя в собственный кабинет-уборную, Правдин «остановился на пороге. Так меня ошеломила представившаяся картина: вся комната была полна, тут было человек 10, все были с винтовками, т.е. винтовки стояли у стен, а гвардейцы сидели кто на диване, кто на креслах. С ними были и женщины. На круглом столе стояла фаланга бутылок из-под коньяка, ликеров, вина и водки, объедки еды, консервов, варенья и всякой всячины. Письменный стол стоял со всеми вскрытыми ящиками, причем все было приведено в хаотический вид — все, что было ценного, из ящиков исчезло. Было столько бумажного и другого мусора на полу, что ноги утопали в этой грязи. Комод и ящики, в нем и на нем, были взломаны и почти все выкрадено: ценная бутафория, белье, туалетные вещи, много пар разных сапог, шелковые фуляры, галстуки, шапки и много других разных вещей. <...> Заглянув в шкаф, где хранился мой ценный характерный театральный гардероб, я чуть не заплакал: все было выкрадено, а что осталось, исковеркано штыковыми дырками, а то просто разорвано на клочки — но более всего украдено. Со стены украдены образцы старых денег (настоящих), имеющих цену только для нас. <...> Присутствующие красногвардейцы были с фабрики Кольчугина и когда я осмотрел шкаф, то ясно помню, что некоторые вещи были еще налицо, но на другой день утром и эти остатки уже исчезли. На заявление мое о бесцельности и святотатстве разрушать художественные ценности, красногвардейцы стали так вызывающе держать себя, что я поспешил уйти и, встретив в курительной А.И. Южина, хотел пройти с ним к его разгромленной уборной». Но как только оба артиста дошли до уборной Южина, «мы были остановлены двумя настоящими солдатами с винтовками, которые, спросив у нас, кто мы и зачем мы и, узнав все, стали так кричать на нас, что мы было хотели удалиться, но они заблагорассудили арестовать нас и отправить куда следует и это было бы исполнено, если б только не отказы красногвардейцев, из которых никто не пошел нас конвоировать. Я был отпущен домой, а Южин с гвардейцем отправился в Совет Солдатских депутатов»³⁰.

Е.К. Малиновская, ставшая в Москве главным театральным представителем победившей большевистской партии, вспоминала о том, что Южин сам решительно требовал привести его в Совет «хотя бы арестованного». Признав, что занимавшие Малый театр «дружинники» «позволили себе ряд хулиганских выходок и А.И. Южин вынужден был прибегнуть к требованию ареста ради спасения театра», большевистский комиссар отметила, что «сейчас же» после визита Южина «по моему настоянию» «дружинники» были выведены

³⁰ РГАЛИ. Ф. 649. Оп. 1. Д. 9. Л. 135–136 об.

из театра³¹. Действительно, 4 ноября руководители Малого театра смогли добиться ухода из театра посторонних лиц. О.А. Правдин в своих показаниях В.А. Быковскому сообщил, что утром этого дня он застал в театре Южина и несколько артистов, ожидавших Малиновскую. «Красногвардейцев было 180 человек под командой какого-то Лучкова. Когда г-жа Малиновская пришла, мы с Южиным показали ей весь погром, причем поднялись и в гардероб. Он был ограблен не целиком, а частью, были выбраны: сюртуки, штаны, женские юбки и платки и много обуви. Все остальное составляло одну хаотическую массу. Прежде всего мы просили г-жу Малиновскую избавить нас от красной гвардии и действительно, не прошло и получаса, как явился их начальник штаба Пшенистов и снял все 180 человек. Только тогда мы могли вздохнуть несколько легче и тотчас же принялись приводить в порядок Малый театр»³². Тогда же, 4 ноября, Е.К. Малиновская сделала доклад в МВРК о положении московских театров. Комитет постановил понесенные театрами во время «событий» убытки «предложить покрыть ведомствам, в ведении которых находятся театры», а также «продолжить расследование о хищениях», произведенных в Малом театре³³.

А.И. Сумбатов-Южин 12 ноября писал Ф.Д. Батюшкову: «Когда в Малый театр 4-го явилась комиссар Малиновская, я потребовал прежде всего — вывода из здания всех вторгшихся в него лиц. Это было исполнено немедленно и театр был очищен от завоевателей в 4 часа дня 4-го ноября. Я организовал его охрану нашими служащими и приступил к возможному приведению его в порядок. Во 2-х, 5-го числа я заявил Малиновской, что я и Правдин являемся выборными лицами автономной труппы, а я сверх того Уполномоченный Временного правительства, перед которым и нес ответственность за дело. Что 7-го я собираю общее собрание, по директивам коего и буду действовать впредь до получения инструкций из Петрограда, от учреждений б[ывшего] Министерства [двора]. Она рассыпалась в уверениях, что никакого вмешательства в жизнь театра она не внесет. И действительно, до минуты, когда я пишу эти строки, ни я, ни Малый театр ее больше видом не видали»³⁴. В глазах Южина в этот момент Е.К. Малиновская была представительницей той силы, которая растерзала родную для него сцену — и которую он смог более-менее «укротить», заставить отступить. В действительности большевичка с

³¹ Там же. Ф. 1933. Оп. 2. Д. 3. Л. 8 об.

³² Там же. Ф. 649. Оп. 1. Д. 9. Л. 137.

³³ Октябрь в Москве. Материалы и документы / Сост. Г. Костомаров. М.; Л., 1932. С. 161.

³⁴ ИРЛИ. № 15227. ЛЛ. 5 об.—6.

дореволюционным партийным стажем Малиновская с юности была театралкой, замиравшей от восторга в Нижнем Новгороде во время выступлений М.Н. Ермоловой, а позднее стала одной из основательниц нижегородского общедоступного театра (здание Народного дома, где разместился театр, было возведено ее мужем, архитектором П.П. Малиновским)³⁵. Скорее всего она не меньше Южина и Правдина была шокирована увиденным, хотя по политическим причинам ни тогда, в 1917 г., ни позднее, в мемуарах, не могла особенно акцентировать внимание на бесчинствах красногвардейцев.

Как только артистам удалось восстановить контроль над зданием (Южин и Л.В. Собинов 5 ноября даже получили от МВРК мандат, в которых комитет поручал им «впредь до особого распоряжения выполнять все обязанности, которые были на Вас возложены» как на уполномоченных по Большому и Малому театрам³⁶), в Малом театре начали скрупулезно фиксировать убытки. 6 и 7 ноября назначенная по распоряжению Южина комиссия в составе заведующего хозяйственной частью Канцелярии уполномоченного по Малому театру Н.И. Пенько, заведующего зданием Н.П. Штера, вахтера А.Ф. Оленева, сторожа Г. Тихонова и нескольких пожарных служителей осматривали театр, после чего был составлен протокол. Результаты осмотра, изложенные на трех страницах машинописного текста, были неутешительными: двери помещения кассы «открыты пододбанными ключами, из несгораемого шкафа вынуты все шкатулки с деньгами»; «в телефонной будке оторвана трубка со шнуром, самая же будка превращена в клозет»; «в буфете разгромлено все имущество <...> всюду валяются бутылки из-под вина, коробки от консервов и проч.»; в бывшей библиотеке «отбита часть носа от бюста поэта Пушкина, а на лбу имеется след от пули»; в фойе «разбиты: мраморный столик, два стула, порваны 5 диванов»; в нижней уборной «разбиты два унитаза»; «в ложе комиссара Временного правительства оставлены порванные штаны»; в артистической уборной А.И. Сумбатова-Южина «разбит бюст В. Пюго, из стола вынуты деловые бумаги и в беспорядке разбросаны по полу»; «почти все оконные стекла (около 210) во всех помещениях со стороны гостиницы “Метрополь” разбиты» и др. В заключительной части протокола Н.И. Пенько и его товарищи отметили: «Во всех вышепоименованных помещениях кроме взлома замков, шкафов, столов и проч. все содержимое из них выброшено и в хаотическом виде разбросано по полу. Что именно похищено или уничтожено, установить в настоящее время положительно невозможно. Это можно будет определить впослед-

³⁵ РГАЛИ. Ф. 1933. Оп. 2. Д. 4. ЛЛ. 1–4.

³⁶ Московский военно-революционный комитет. С. 205.

ствии, по получении заявлений от гг. артистов, хранивших в своих уборных принадлежащие им городские костюмы пьес текущего репертуара и по приведении в порядок сохранившейся части казенного имущества»³⁷.

В течение ноября был проведен ряд дополнительных осмотров отдельных частей здания, зафиксировавших разгром приемного покоя, похищение денег из несгораемого шкафа в кассе, 7 проколов штыком в портрете М.С. Щепкина, украшавшем фойе театра³⁸. Одновременно в адрес театрального руководства начали поступать заявления от артистов и служащих об утрате их находившегося в театре личного (в некоторых случаях и казенного) имущества во время захвата театра солдатами и красногвардейцами. Так, вахтер А.Ф. Оленев, который, судя по приведенным выше воспоминаниям, чуть ли не брался с кольчугинцами, лишился значительного имущества (по его собственной оценке — на крупную сумму в 1 264 руб.), в том числе двух костюмов «триковых», двух суконных пальто, каракулевой шапки, фетровой шляпы и четырех медалей «За усердие» (золотой, серебряной и двух бронзовых). А.А. Яблочкина, в мемуарах не заметившая «серьезных повреждений», в ноябре 1917 г. оценила понесенный ущерб в 215 руб. (в том числе пропали «украшения с подаренными бриллиантами», грим, зеркало и другие вещи). Наибольшие убытки понесла артистка О.В. Гзовская (у нее украли только две вещи, но дорогие — бархатную шубку за 1 200 руб. и китайский шелковый халат за 900), а также А.И. Сумбатов-Южин и О.А. Правдин (оценившие свои потери в 2 500 и 2 547 руб. соответственно). Из наиболее ценных вещей у Южина были похищены две «пиджачных пары» работы портного Дюшара, стоимостью не менее 2 000 руб., которые артист надевал в пьесе «Ночной туман», а Правдин лишился «ценной шкатулки» и шкафчика с бутафорскими вещами (орденами, звездами, золотыми и серебряными цепочками и «разной подобной ценной для артиста мелочью» общей стоимостью в 500 руб.), а также множества предметов одежды и реквизита (эполет, «шпаги городничего» и пр.). Общая сумма претензий артистов и представителей технического персонала, а также нескольких служащих оркестра Большого театра (хранивших инструменты в «музыкальной комнате» Малого) к январю 1918 г. составила 15 194 руб. 55 коп.³⁹

Поскольку шанс получить компенсацию от красногвардейцев или МВРК был, откровенно говоря, невелик, руководству театра необходимо было срочно изыскать хоть какую-то сумму на покрытие

³⁷ РГАЛИ. Ф. 649. Оп. 1. Д. 9. Л. 7–8.

³⁸ Там же. Л. 12–13, 17.

³⁹ Там же. Л. 32, 49–51, 64, 71–75, 91, 100.

первоочередных расходов. 12 ноября Южин, «не имея никакой возможности точно исчислить в настоящее время требуемые суммы на восстановление произведенных разрушений и расхищенного имущества», отправил запрос в бывший Кабинет Его Величества о переводе в его распоряжение 30 000 рублей (временно исполнявший обязанности комиссара над бывшим Министерством двора и по совместительству управляющий бывшим Кабинетом Н.Э. Рюдман 16 ноября разрешил открыть тридцатитысячный кредит по смете). Однако получить эти деньги ввиду контроля большевиков над банками было непросто. 17 ноября Южину телеграфировал Батюшков, сообщивший, что «вследствие закрытия Банков раньше субботы невозможны переводы», зато в «Московском казначействе имеется около 300 000, из которых могут производиться выдачи по Вашим ассигновкам. [В] субботу выяснится, сколько удастся перевести [на] будущей неделе»⁴⁰.

Бессилие главноуполномоченного оказать экстренную помощь Малому театру вызвало у Южина подобие нервного срыва, в состоянии которого он написал 18 ноября ответ Ф.Д. Батюшкову. «Наши Банки в том же положении. Если будут переведены деньги на них или через них, получить их, без специального обращения в Военно-Революционный К[омите]т, будет невозможно. А мыслимо ли это?»⁴¹ Те 300 т., о которых Вы пишете, Моск[овское] Отд[еление] Кассы б. М[инистерст]ва не может выцарапать — и ассигновки остаются без оплаты», — писал Южин, подчеркивая отчаянное положение театра: «разбитые окна зияют, значит отопления нельзя производить, а вставить их невозможно: нет денег на покупку стекол, подрядчик ходит с ассигновкою в Кассу М[инистерст]ва — с нею же и возвращается, значит платить рабочим нечем и рабочие, которые получают где угодно 25 руб. в день за вставку стекол, у него разбегаются. <...> 21-го решено открыть спектакли. На них открыта продажа, а между тем вернуть деньги за проданные и несостоявшиеся спектакли 28 окт. — 5 нояб. нельзя, ибо не могу получить из Кассы М[инистерст]ва денег за них. И так далее, и так далее». Южина страшила и перспектива выплаты жалованья за ноябрь, которая должна была начаться 20 числа («я с ужасом гляжу на эти десять дней и на то, что они могут вырвать в кадрах служащих, артистов, рабочих, всех!!»). Глава Малого театра настаивал на немедленном командировании в Москву из Петрограда «верного человека с потребною суммою на ближайшие ноябрьские и декабрьские расходы», угрожая в противном случае послать «телеграмму о сложении полномочий». В конце

⁴⁰ Там же. Л. 26–28.

⁴¹ Фраза дописана Южиным сверху основного текста.

письма, осознавая, что Батюшков, в сущности, мало может повлиять на сложившуюся ситуацию, Южин приписал: «Я понимаю, что Вы не при чем, что Вы сами мучаетесь. Надо, чтобы Кабинет и Н.Э. Рюдман изменили формальное отношение к этим вопросам ввиду исключительных, небывалых условий»⁴². Отметим, что Батюшков понимал все это не хуже Южина, и уже 14 ноября, пересылая Н.Э. Рюдману предыдущее письмо Южина и копии документов о разгроме театра, просил «зависящих распоряжений о переводе в кратчайший по возможности срок соответствующих сумм денег на текущие расходы по Управлению Малым театром в Москве»⁴³.

Руководители Комиссариата Временного правительства над бывшим Министерством двора, которым оставалось занимать должности всего несколько недель, до разгона и увольнения большевиками, имели немного возможностей для помощи Малому театру. Тем не менее тридцатитысячный кредит все же был переведен, причем из-за сложностей с подсчетом убытков он оказался не таким уж экстренно нужным — еще и в июне 1918 г. 20 337 р. 90 к. из него оставались неизрасходованными⁴⁴. Причина была в том, что представители Контроля (бывшего Министерства двора, затем — Народного комиссариата имуществ Республики) возражали против использования кредита для выплат пострадавшим частным лицам, настаивая на приоритетном возмещении казенных убытков, которые и к концу 1918 г. не были полностью подсчитаны⁴⁵. Одновременно администрация «дома Щепкина» форсировала восстановительные работы в театре, стараясь по мере возможности мотивировать привлекаемый к ним технический персонал. Так, рабочим и портным, участвовавшим в ноябре в разборке гардероба, О.А. Правдин разрешил пользоваться бесплатными обедами (за счет театра) в Московском театральном училище, рабочим было также обещано добавочное вознаграждение⁴⁶.

В феврале 1918 г. помимо комиссии по восстановлению поврежденных и расхищенного имущества в Малом театре была создана отдельная подкомиссия (под председательством О.А. Правдина) для рассмотрения заявленных претензий артистов, экстернов и служащих. Собравшись 19 февраля (н. ст.), подкомиссия произвела переоценку претензий 48 пострадавших, причем многие из них были

⁴² РГАЛИ. Ф. 649. Оп. 1. Д. 9. Л. 29–29 об. Цитируется по черновому варианту письма.

⁴³ РГИА. Ф. 497. Оп. 18. Д. 441. Л. 2.

⁴⁴ РГАЛИ. Ф. 649. Оп. 1. Д. 9. Л. 130.

⁴⁵ Там же. Л. 96–97, 127–127 об.

⁴⁶ Там же. Л. 39–41, 43.

уменьшены (с мотивировками «дорого ценят», «табак держат дома», «за духи М[алый] т[еатр] не отвечает»). Общую сумму ущерба, понесенного частными лицами, снизили до 12 417 руб. 45 коп. (по другим данным, до 12 882 руб. 45 коп.)⁴⁷. Отдельно рассматривалось заявление арендатора кафе и буфета при Малом театре И.В. Антошина, оценившего свои убытки в сумму не менее, чем 9 431 р. 04 к. — в переписке о том, кто должен возмещать этот ущерб, которую театр вел с коллективом служащих бывшего Кабинета Его Величества и Московским отделением Контроля Народного комиссариата имуществ Республики, еще и в апреле 1918 г. не было принято окончательного решения⁴⁸. Впрочем, артисты и служащие и в октябре 1918 г. не получили возмещение ущерба (за исключением ряда предметов одежды, возвращенных в Малый театр председателем следственной комиссии Кольчугинской фабрики Нулановым, взявшимся за дело после того, как среди рабочих этого предприятия «появилась масса лиц, одетых заново в костюмы, которые очевидно похищены из какого-либо театрального гардероба»). Ссылаясь на то, что цены с начала 1918 г. поднялись «в двадцать и более раз», подкомиссия Правдина в переписке с Финансово-счетным отделом Народного комиссариата имуществ Республики предлагала в октябре «удовлетворить потерпевших по крайней мере в двойном размере»⁴⁹. Колоссальная инфляция вкупе с нежеланием комиссариата имуществ заниматься компенсацией ущерба (представители Правового отдела комиссариата на заседании 29 июля 1918 г. заявили артистам, что отдел «не находит оснований к возмещению убытков пострадавших, т. к. данный случай им приравнивается к народному бедствию»⁵⁰), а также затянувшаяся переписка с другими народными комиссариатами (внутренних дел, по военным делам), ссылавшимися на отсутствие у них должных сведений⁵¹, фактически обрекали потерпевших свое имущество в театре на то, чтобы просто смириться с этим.

Таковы были хозяйственные итоги разгрома Малого театра. Большое значение для всего московского театрального мира имели и его общественно-политические последствия.

⁴⁷ Там же. Л. 102–102 об., 125.

⁴⁸ Там же. Л. 117–120 об.

⁴⁹ Там же. Л. 124–125; ГЦТМ. Ф. 217. № 4975. Л. 1; № 4977. Л. 1–4.

⁵⁰ РГАЛИ. Ф. 649. Оп. 1. Д. 9. Л. 126. На это О.А. Правдин тут же возразил, что артисты «пострадали не от народного бедствия, а от правительственных агентов (красно-гвардейская армия), посланных правительством охранять имущество театра и артистов и занявшихся разгромом этого имущества, ибо следственная комиссия Кольчугинской фабрики, из рабочих которой состоял последний отряд, приезжала неоднократно в Москву и возвращала похищенные вещи театра и артистов» (Там же).

⁵¹ ГА РФ. Ф. Р–410. Оп. 1. Д. 63. Л. 15, 24–26.

7 ноября 1917 г. в Малом театре состоялось общее собрание всех артистов, рабочих и служащих. В принятой ими единогласно резолюции подчеркивалось, что деятельность Малого театра «как учреждения, служащего вечным задачам всенародного просвещения и художественной культуры, должна продолжаться без зависимости от переворотов политического характера и смен государственной власти» (в черновике, испещренном пометами А.И. Сумбатова-Южина, бывшего одним из авторов (если не единственным автором) резолюции, эта мысль поначалу была проведена более резко: «ввиду постоянной смены властей и течений его существование является совершенно беззащитным от разнообразных и часто разрушительных влияний») и должна быть «возобновлена в кратчайший срок, как только будет восстановлена полная гарантия свободы деятельности всех культурных учреждений и печати и как только позволит возможное восстановление разгромленного помещения и расхищенного имущества театра». Впредь до выработки Статута Малого театра, над которым труппа работала уже несколько месяцев, он, согласно резолюции, должен был работать «на началах полного самоуправления выборными его органами, без всякого вмешательства в дело его управления каких бы то ни было учреждений или лиц, не входящих в его состав»⁵². Последняя фраза, конечно, была намеком, адресованным МВРК и комиссару Е.К. Малиновской. На следующий день, 8 ноября, схожую по смыслу резолюцию приняло и собрание артистов Большого театра под руководством певца Ф.В. Павловского, требовавшее, чтобы «театр, как автономная единица» не зависел «ни от каких директив»⁵³.

12 ноября Южин, довольный принятыми резолюциями, писал Ф.Д. Батюшкову: «Единственным исходом из положения было установление независимости Малого театра от захватившей власть партии, которое Вы усмотрите в прилагаемом протоколе нашего заседания 7-го ноября. Оно было единственным средством оберечь от посягательства на нас их органов. <...> 7-го, после собрания, вернувшись домой, я узнал, что в мое отсутствие у меня дома был Ф. А-ч⁵⁴. В тот же вечер я зашел к нему, передал ему все, что произошло, прочел протокол О[бщего] С[обрания], выяснил основную почву, на

⁵² РГАЛИ. Ф. 878. Оп. 1. Д. 114. Л. 115.

⁵³ Собрание артистов Большого театра // Театр. 1917. 9–11 ноября. В черновом варианте совместного служебного письма Ф.Д. Батюшкову Южин и Павловский, очевидно, координировавшие свои действия, подчеркивали, что Большой и Малый театр вынесли «однородные» постановления (РГАЛИ. Ф. 649. Оп. 1. Д. 9. Л. 25).

⁵⁴ Ф.А. Головин, член кадетской партии, в 1917 г. — комиссар Временного правительства над бывшим Министерством двора, которому подчинялись и государственные театры.

которую мы стали, ее причины и ожидаемые последствия и встретил полное его сочувствие и одобрение всего сделанного. С 8-го по сегодняшний день, послав Вам телеграмму вместе с Павловским, и “с оказией”, через Е.Н. Рошину⁵⁵, резолютивную выписку из протокола, занялся подготовкой прилагаемых документов, а также организацией восстановления местной деятельности. Откроем, если ничего не изменится к худшему, по-моему, не раньше начала 20-х чисел». В тексте письма Южин несколько раз подчеркнул политическое значение принятой артистами и служащими резолюции: «Обратите внимание на все, отмеченное в протоколе 7-го ноября синим карандашом, устанавливающее то общее положение, по которому мы не сносимся ни с каким учреждением, кроме учреждений б[ывшего] М[инистер]ва Двора. Это ответ на многое, что здесь происходило для установления связи с органами одержавшей верх партии, и Ваши телеграммы должны, так сказать, утвердить это положение»⁵⁶.

Пресса тем временем не скупилась на резкие слова в адрес разгромивших Малый театр красногвардейцев, которых именovali «вандалами»⁵⁷, «темными людьми»⁵⁸, «варварами», «гуннами XX века»⁵⁹, «громилами» и «надругателями»⁶⁰. Обсуждались и потери в коллективе Большого театра, один из сторожей которого был убит, возвращаясь с дежурства⁶¹, а ученик Московского театрального училища Сергеев, который на следующий год должен был пополнить балетную труппу Большого, получил тяжелое ранение в ногу⁶². Совет Русского театрального общества просил московские театры высылать ему материалы, касающиеся «повреждений театральных зданий, расхищения и уничтожения театрального имущества, произвола и насилия над отдельными деятелями театра»; подобный же материал (но уже только касательно Большого и Малого театров) планировала собрать и опубликовать Центральная театральная библиотека в Петрограде⁶³. Всё это способствовало формированию в интеллигентных кругах атмосферы сочувствия к пережившим погром театрам, наравне с резким осуждением действий погромщиков. Когда 21 ноября Малый театр всё же открылся (спектаклем «Горе от ума»), публика то и дело прерывала игру актеров шумными оваци-

⁵⁵ Е.Н. Рошина-Инсарова — актриса Александринского театра.

⁵⁶ ИРЛИ. № 15227. Л. 5 об.—7.

⁵⁷ *Родя. Арабески* // Театр. 1917. 9–11 ноября.

⁵⁸ *Театрал. Уважение к театру* // Там же. 15–17 ноября.

⁵⁹ *Р. М. Привет вам!* // Там же. 21–22 ноября.

⁶⁰ *Вильде Н. Надругатели* // Там же.

⁶¹ *Собрание артистов Большого театра* // Там же. 9–11 ноября.

⁶² *Ш. Трагедия танцовщика* // Новости сезона. 1917. 23–25 ноября.

⁶³ РГАЛИ. Ф. 649. Оп. 1. Д. 9. Л. 109, 111.

ями. Критик, отметивший «трогательную» атмосферу на этом спектакле, писал: «“овацировали” не Фамусову, не Чацкому и не Софье <...> Это была, можно сказать, овация-протест. Протест против оскорбления, нанесенного “дому Щепкина”»⁶⁴.

Разгром Малого театра потряс не только его прославленную драматическую труппу. По мере того как, благодаря прессе, выяснялись подробности действий кольчугинского отряда, росло возмущение среди всех ценителей театра и в Москве, и за ее пределами. Сочувствие к «мученикам»-актерам было в этом случае неотделимо от презрения к «громилам». «Сорвавшиеся с картин Гойи» красногвардейцы тем самым способствовали укреплению среди артистов и публики определенно антибольшевистского настроения. Это усилило позиции сторонников бойкота новой власти, к которым относилось практически всё руководство театрального ведомства во главе с Ф.Д. Батюшковым.

Список литературы

Валеева Н.М., Ситько В.П. «Свой век украсил он делами». Жизнь и деятельность купца Александра Григорьевича Кольчугина. М.: ООО «АМА-Пресс», 2005. 176 с.

Войтиков С.С. Советские спецслужбы и Красная армия. 1917–1921 гг. М.: Центрполиграф, 2017. 575 с.

Гордеев П.Н. Государственные театры России в 1917 году. СПб.: Издательство РГПУ им. А.И. Герцена, 2020. 856 с.

Грунт А.Я. Москва 1917-й: Революция и контрреволюция. М.: Наука, 1976. 387 с.

[Предисловие] // Двинцы. Сборник воспоминаний участников октябрьских боев 1917 г. в Москве и документы. М.: Московский рабочий, 1957. С. 3–6.

Поступила в редакцию
18 февраля 2022 г.

⁶⁴ Театр и музыка // Русские ведомости. 1917. 23 ноября; Родя. Арабески // Театр. 1917. 26–27 ноября.

А.Н. Рухлин, И.А. Чуканов

**СОЗДАНИЕ «ОБРАЗА ВРАГА» В НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД
ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В РОССИЙСКОЙ ПРЕССЕ:
ПО МАТЕРИАЛАМ СИМБИРСКОЙ И САМАРСКОЙ
ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ**

A.N. Rukhlin, I.A. Chukanov

**THE CREATION OF THE “ENEMY IMAGE” IN THE EARLY
PERIOD OF THE FIRST WORLD WAR IN THE RUSSIAN PRESS:
ACCORDING TO THE MATERIALS OF THE SIMBIRSK AND
SAMARA PERIODICALS**

Аннотация. Статья посвящена проблеме формирования «образа врага» — немца и австрийца — во время Первой мировой войны в периодической печати Российской империи. В начале XX в. периодическая печать стала играть важную роль в обществе. Во время войны газеты, журналы и листовки превратились в основное средство формирования «образа врага» и использовались властью, в том числе, как своеобразный «предохранитель» от возможных социальных волнений и потрясений. Российские властные структуры и аффилированные с ними средства массовой информации старались как можно более нелицеприятно представить противника. В 1914–1918 гг. в российской провинции выпускалось огромное количество периодических изданий, публиковавших материалы, направленные на демонизацию и дегуманизацию противника. В настоящей статье анализируются приемы создания «образа врага» в периодической печати, раскрывается роль симбирских и самарских газет и журналов в

Рухлин Алексей Николаевич, аспирант кафедры истории, Ульяновский государственный педагогический университет имени И.Н. Ульянова; преподаватель гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Ульяновский социально-педагогический колледж

Rukhlin Alexey Nikolayevich, Postgraduate Student, Department of History, Ulyanovsk State Pedagogical University Ilya Ulyanov; Teacher of Humanitarian and Socio-Economic Disciplines, Ulyanovsk Social Pedagogical College

Ruhlenko15@mail.ru

Чуканов Иван Альбертович, доктор исторических наук, профессор кафедры истории Ульяновского государственного педагогического университета имени И.Н. Ульянова

Chukanov Ivan Albertovich, Doctor in History, Professor, Department of History, Ulyanovsk State Pedagogical University Ilya Ulyanov

Chia58@rambler.ru

формировании в народной среде негативного восприятия немцев (в том числе и российских). Были использованы периодические издания, выходявшие в начальный период войны — в 1914–1915 гг. Авторы показывают на конкретных примерах информационные возможности периодической печати в условиях международных потрясений. В период доминирования у широких слоев населения ура-патриотических настроений, который продлился с августа 1914 г. по весну 1915 г., пресса сосредоточилась на обосновании участия России в Первой мировой войне, справедливости войны со стороны России против стран Четверного союза, а также представления о том, что Германия и ее союзники не имеют необходимых ресурсов для длительного военного противостояния. Если в 1914 г. при создании «образа врага» главным объектом разоблачений был «германский милитаризм», а критика правительства Австро-Венгрии была несколько приглушена, то начиная с зимы–весны 1915 г. критика «австро-венгерских оккупантов» и политики австро-венгерского правительства в целом вышла на первый план.

Ключевые слова: Первая мировая война, периодическая печать, «образ врага», ура-патриотизм, национализм, Симбирск, Самара.

Abstract. The article discusses the problem of the formation of the “image of the enemy”, the German and the Austrian, during the First World War in the periodical press of the Russian Empire. In the early 20th century periodicals began to play an important role in social life. During the war, newspapers, magazines and leaflets became the main means of forming the “enemy image” and were used by the establishment, among other things, as a kind of a “fuse” against possible social unrest and upheavals. The Russian authorities and the mass media affiliated with them tried to represent the enemy as adversely as possible. In 1914–1918 a huge number of periodicals in the Russian provinces published materials aimed at demonizing and dehumanizing the enemy. This article analyzes the methods of creating the “enemy image” in the periodical press, and reveals the role of Simbirsk and Samara newspapers and magazines in the formation of a negative perception of Germans (including those from Russia) among the common folk. The article investigates periodicals which were published in the initial period of the war, in 1914–1915. The authors show the concrete examples of the information outreach of the periodical press in the conditions of international upheavals. During the period of jingoism which swept the general public, lasting from August 1914 to the spring of 1915, the press focused on justifying Russia’s participation in the First World War, the righteousness of Russia’s war against the countries of the Quadruple Alliance, as well as the idea of the fact that the Germany and its allies did not have the necessary resources for a long military confrontation. In 1914, when creating the “enemy image”, the main object of debunking was “German militarism”, while the criticism of the government of Austria-Hungary was somewhat muffled. However, starting from the winter–spring of 1915, criticism of the “Austro-Hungarian invaders” and the policy of the Austro-Hungarian government as a whole came to the fore.

Keywords: World War I, periodicals, “enemy image”, jingoism, nationalism, Simbirsk, Samara.

После 1905 г. в провинции происходил значительный рост количества периодических изданий, но при этом сохранялся цензурный контроль. В преддверии войны, в июле 1914 г., была введена военная цензура, что резко ограничило публикации, в которых ранее могла звучать критика власти и армии, в то же время поощрялись печатные материалы, разоблачавшие агрессивность Германии и ее союзников. Однако до конца осени 1914 г. критика российских немцев запрещалась. Об этом свидетельствует, в частности, закрытие властями № 204 «Сызранского курьера», в котором подданного Российской империи немца Карла Кезлера обвинили в избиении русского мальчика¹. Кезлера оправдали, а корреспондента данного материала наказали. Антинемецкая враждебность начинает нарастать с поражениями русской армии в конце 1914 — начале 1915 гг., когда санкции властей даже в защиту «внутренних» немцев уже не работали.

В условиях военного времени печатные издания стали главным источником, формирующим мировоззрение общества в целом и отдельных его представителей в частности. Прекрасно осознавая это, российское правительство на протяжении 1914–1917 гг. постоянно следило за печатью, пытаясь направить ее содержание в правильное, с точки зрения власти, русло, формировать у российского общества патриотические настроения и ненависть к врагу, вплоть до ненависти к представителям народов, ассоциирующихся с враждебными государствами.

Во время Первой мировой войны в российском обществе широко распространились «шовинизм и панславизм». Они откровенно насаждались печатными изданиями, которые представляли немцев, австрийцев, венгров, турок в качестве «зверей и варваров», что вело к созданию стереотипов у российского населения: «немец и “австрияк” — враги», «француз — друг». Следует подчеркнуть, что в средствах массовой информации война практически сразу стала трактоваться не как очередной конфликт между великими державами, а как принципиальное противостояние цивилизации и варварства, добра и зла.

В основу данной статьи был положен анализ провинциальных — симбирских и самарских — периодических изданий. Эти издания, в основном правительственной ориентации, были рассчитаны на подготовленного, относительно образованного читателя.

В период войны в Симбирске самой читаемой газетой были «Симбирские губернские ведомости». «Симбирские епархиальные

¹ Государственный архив Ульяновской области (далее — ГАУО). Ф. 855. Оп. 1. Д. 1279. Л. 69–72.

ведомости», журнал местной епархии Русской Православной церкви, выходил 24 раза в год с 1 января 1876 по 1917 г. С августа 1914 г. православная печать сразу выступила с патриотических позиций, помещала пространные комментарии, посвященные тем или иным военным событиям.

Еще одним заметным изданием был «Симбирянин», ежедневная политическая газета, издававшаяся на частные средства в Симбирске с 1906 по 1917 г., она придерживалась право-монархического направления, поддерживая партии октябристов и националистов. Во время войны нередко размещала всевозможные политические обзоры, посвященные событиям как на фронте, так и в тылу. Влиятельной была ежедневная газета «Волжские вести», делившаяся между местными организациями кадетов и эсеров. Во время Первой мировой войны газета сохраняла левые позиции и по взглядам была ближе к тем гражданам, которые выступали за «защиту Отечества».

В Сызрани, крупном городе Симбирской губернии, во время войны освещением политических событий активно занимался «Сызранский Курьер», ежедневная газета кадетско-октябристского направления, выходившая в под руководством Н.И. Батракова и Б.Ю. Дяткова с 1912 по июнь 1917 г. В 1915 г. выходила «Сызранская молва», общественно-политическая газета под редакцией А.С. Дяткова. Также в 1915–1916 гг. издавалась газета «Сызранские вести». Уже во время войны появились «Сызранское слово» и «Эхо Сызрани». Все они помещали на своих страницах пространные политические комментарии.

В Самаре во время войны одной из самых крупных газет можно назвать «Волжский день», ежедневный общественно-политический орган печати кадетского направления, который уделял значительное внимание военным действиям и вопросам, связанным с организацией тыла. Газета выступала за «войну до победного конца» и в поддержку правительства. Серьезные политические обзоры помещались в таких изданиях, как «Волжский край» и «Волжское слово». Обе газеты также безоговорочно поддерживали правительство. Как неоднократно заявляла редколлегия, газета «Голос Самары» стремилась способствовать мирному всестороннему развитию края и Родины, бороться со всеми проявлениями анархии, отстаивать перед правительством нужды самарского края, давать правдивую и оперативную информацию о событиях в России и за границей. Во время войны она регулярно освящала события на фронте.

Имелся и ряд оппозиционных газет. В их числе можно назвать издаваемый в Самаре «Городской вестник», газету эсеровского направления, выходившую с 1907 по 1918 г. Она выражала позиции

Самарской городской думы и освещала проблемы фронта, городского самоуправления, местной жизни, зарубежные и общероссийские вопросы.

В статье были использованы фонды государственных архивов Ульяновской области (до 1924 г. — Симбирской губернии) и государственных архивов Самарской губернии.

Можно утверждать, что редакционную политику периодической печати в годы Первой мировой войны определяла не только сама ситуация военного времени, но общественно-политическая обстановка в центре и в провинции. Авторы многих исследований, изданных в России и отражающих состояние общества и прессы периода 1914–1918 гг., обращаются преимущественно к жизни в обеих столицах Российской империи — Санкт-Петербурге (с 1914 г. — Петрограде) и Москве². Положение дел в Российской провинции, на наш взгляд, освещено недостаточно, хотя и здесь также можно привести некоторые отечественные исследования³. Нельзя не выделить особо книгу Т. Филипповой и П. Баратова, близко соприкасающуюся с темой нашего исследования. В ней не только воссоздан процесс формирования и изменения «образа врага» в рассматриваемый период, но содержится ряд важнейших обобщений и принципиальных подходов⁴.

Развертывание антинемецкой и антиавстрийской пропаганды с началом Первой мировой войны представлялось совершенно не-

² Бережной А. Ф. Русская легальная печать в годы первой мировой войны. Л., 1975; Война и общество в XX веке: в 3 кн. Кн. 1. Война и общество накануне и в период Первой мировой войны / Под ред. О. А. Ржешевского. М., 2008; Ахмадулин Е. В. Правительственная печать России (конец XIX века — февраль 1917 г.). Ростов-на-Дону, 2000; Белоусов С. В. Первая мировая война через призму военной цензуры // Исторические записки: межвуз. сб. науч. трудов. Пенза, 2004. С. 151–166; Ковалева А. С. О взаимоотношениях между русской либеральной буржуазной оппозицией и правительством в ходе Первой мировой войны // Первая мировая война: история и психология: материалы Российской науч. конф. / Под ред. В. И. Старцева, С. Н. Полторака, Л. Б. Борисковской и др. СПб.: Нестор, 1999. С. 101–108.

³ Алехин Д. В. Городское население Тамбовской губернии и Первая мировая война (июль 1914 — февраль 1917 гг.). Дис. ... канд. ист. наук. Тамбов, 2003; Белова И. Б. Первая мировая война в российской провинции. 1914 — февраль 1917. М., 2011; Гатауллиной Л. Р. Татарская пресса 1914–1915 гг. об отношении российских мусульман к Первой мировой войне // Ученые записки Казанского государственного университета. Сер. Гуманитарные науки. 2008. Т. 150, кн. 1. С. 133–139; Дёнингахаус В. Русские немцы: общественные настроения в Поволжье в период Первой мировой войны // Военно-исторические исследования в Поволжье: сб. науч. трудов. Вып. 7 / Отв. ред. А. А. Герман. Саратов, 2006. С. 176–186; Ефимов Ю. Д. Симбирск в годы Первой мировой войны (1914–1918) / Ульяновский областной краеведческий музей им. И. А. Гончарова. Самара: Самарское книжное изд-во; Ульяновск: Артишок, 2006; Кабытова Н. Н. Власть и общество в российской провинции в революции 1917 г. Самара, 2002.

⁴ Филиппова Т., Баратов П. «Враги России». Образы и риторика вражды в русской журнальной сатире Первой мировой войны. М., 2014.

обходимым для мобилизации общественного сознания. Тем не менее со временем ее характер и «язык» претерпели существенные изменения. Так, по мнению А.С. Ковалевой, в ходе войны социальное и материальное положение населения страны значительно ухудшилось, а «патриотические чувства народа» были «задушены» социальным фактором, к концу 1916 г. патриотические настроения стали эволюционировать в сторону пацифизма, стремления к миру и даже в «революционное пораженчество»⁵. Эту точку зрения поддерживает и тамбовский исследователь Д.В. Алехин⁶. Для нас эти подходы являются значимыми в связи с тем, что Тамбовская губерния географически расположена недалеко от Самарской и Симбирской губерний и тамошние настроения во многом схожи с настроениями симбирцев и самарцев. Названный автор в своем исследовании объяснял причины негативного отношения населения к власти, с одной стороны, апатией, а с другой — ростом оппозиционных, антиправительственных настроений. Он также полагал, что произошел разрыв между пониманием патриотизма в правительственных кругах и у простых обывателей.

Правительство видело и понимало всю опасность этих настроений и стремилось их побороть при помощи антинемецкой и антиавстрийской пропаганды, в том числе и на страницах лояльных газет и журналов. Исследовательница Е.Д. Борщукова отмечала, что правительство, понимая причины недовольства, роста оппозиционности, направляло усилия средств массовой информации на воздействие на население⁷.

Одни газеты работали на те слои населения, которые самодержавное правительство считало своей опорой. Среди них были мелкие предприниматели, часть крупного и среднего грюндерства, богатые крестьяне, городская и сельская интеллигенция. Газеты стремились формировать и поддерживать у них верноподданические чувства, лояльность по отношению к государству, императору и членам его семьи. Именно эти, материально обеспеченные слои населения, извлекавшие выгоду из продолжающейся войны, были носителями патриотизма, что подтверждает исследование Е.Д. Борщуковой⁸.

Другим немаловажным фактором, определявшим информационную политику правительства, было постоянное ухудшение ма-

⁵ Ковалева А.С. Указ. соч. С. 108.

⁶ Алехин Д.В. Указ. соч.

⁷ Борщукова Е.Д. Патриотические настроения россиян в годы Первой мировой войны. Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2002. С. 13, 24.

⁸ Там же. С. 25.

териального положения большинства представителей сельского и городского населения, на которых пришлись основные трудности военного времени.

Так, в Симбирской губернии губернское жандармское управление в рапорте № 551 от 28 октября 1915 г., поданном на имя губернатора, проинформировало его, что дороговизна продуктов для населения — самая большая проблема, вызывающая повсеместное недовольство⁹. Да и сам губернатор А.А. Ключарев понимал это, когда на одном из совещаний подчеркнул, что недовольство народа из-за отсутствия в должном объеме продовольствия и высокие цены на него — «дело чрезвычайно опасное и возбудимое». Не полагаясь на свои возможности миром уладить будущие социальные конфликты, он открыто говорил о том, что всегда нужно иметь под рукой «достаточную военную силу для подавления возможных протестов»¹⁰. Буинский (Буинск — город в Симбирской губернии) жандармейстер В.В. Петров в рапорте за январь 1917 г. сообщал, что население крайне недовольно дороговизной продуктов и «удивляется, почему правительство не может решить эту проблему»¹¹.

Похожая ситуация сложилась и в Самарской губернии. К осени 1915 г. начальник Самарского губернского жандармского управления характеризовал ее так: «...Повышение цен на предметы первой необходимости... является главным фактором неудовольствия среди населения, доходящим чуть ли не до повсеместного ропота и до обвинения местной администрации в попустительстве всем этим... антипатриотам»¹². Причем, в Самарской губернии, в г. Покровске население неоднократно шло на противостояние с силовиками из-за повышения розничных цен на сахар. Силовые акции по отношению к властям имели место в таких городах Самарской губернии, как Сергиевск¹³, Николаевск, Балаково¹⁴.

Крайнее недовольство у населения вызывало отсутствие печеного хлеба, муки, перебои с поставками мясных продуктов. Именно эти причины были названы Сызранским полицмейстером И. Григорьевым как повод для массовых погромов продовольственных лавок и магазинов в этом городе¹⁵.

⁹ ГАУО. Ф. 855. Оп. 1. Д. 1279. Л. 69–72.

¹⁰ ГАУО. Ф. 76. Оп. 7. Д. 1495. Л. 1–13.

¹¹ ГАУО. Ф. 855. Оп. 1. Д. 1386. Л. 5.

¹² Центральный государственный архив Самарской области (далее — ЦГАСО). Ф. 468. Оп. 1. Д. 2127. Л. 42об.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же. Ф. 56. Оп. 1. Д. 293. Л. 6.

¹⁵ Там же. Ф. 468. Оп. 1. Д. 2222. Л. 1.

Таким образом, не только военные неудачи, но и тяжелое социальное положение населения в приволжских губерниях, вызывавшее все большее недовольство населения, способствовали нагнетанию в местной прессе ужаса и отвращения по отношению к «зверствам» германских и австро-венгерских оккупантов.

Сразу после начала войны симбирские и самарские газеты были заняты обоснованием участия России и ее союзников в вооруженном конфликте, доказательством справедливости их «дела». Журналисты всячески обыгрывали тот факт, что формально именно Германия выступила в качестве агрессора, и это делало несомненным легитимность войны в глазах общественного мнения страны.

Тем не менее в первые дни войны по отношению к германцам и австро-венграм преобладал сравнительно спокойный тон. Многие газетчики восприняли войну как «досадное недоразумение», полагая, что «все разберутся» и братоубийственная война быстро закончится. Так, в Симбирске «Волжские вести» в статье «К воссоединению Галиции» сообщают: «...австрийская власть при всех ее недостатках проявляла полное уважение к национальному языку галицийских украинцев». В «Рассказе немецкого улана» повествуется, как пленный германский кавалерист, сочувствующий рабочим, выражает убеждение, что вина лежит лишь на его правительстве. «Я не знаю, кто первый объявил войну — Россия или Германия, но я глубоко убежден, что в европейской войне виновен Вильгельм и его приспешники»¹⁶.

Работа по формированию общественного мнения первоначально строилась на утверждениях, что Германия и ее союзники, Австро-Венгрия и Османская империя не имеют необходимых ресурсов, чтобы вести длительную войну против Антанты. В «Волжских вестях» изо дня в день в августе–сентябре 1914 г. публиковались статьи о том, что германские и австро-венгерские войска на фронте «постоянно отступают», «несут огромные потери». Наиболее типичные материалы подобного ряда вышли, например, в газете «Волжские вести» 31 августа 1914 г.¹⁷ Еще 5 августа 1914 г. «Волжские вести», цитируя слова английского лорда Берендмдорфа, назвали статью «Война закончится в Берлине». А 4 сентября в тех же «Волжских вестях» появилась тенденциозная статья «Поражение Австрии», где авторы убеждали своих читателей в неминуемом разгроме Австро-Венгрии, предрекая срок от нескольких недель до нескольких месяцев¹⁸. Эти статьи конца августа — начала сентября отражали ура-патриоти-

¹⁶ Волжские вести. 1914. № 1576. 4 сен. С. 2.

¹⁷ Там же. № 1573. 31 авг. С. 2.

¹⁸ Там же. № 1576. 4 сен. С. 1.

ческие настроения большинства граждан страны, которые ждали разгрома Германии и ее союзников со дня на день¹⁹. Интересно, что многие авторы при этом ссылались на мнение германского канцлера О. Бисмарка, который считал войну с Россией «чистым безумием»²⁰.

В качестве зловредных врагов, «варварских королей, готовых растерзать беззащитную Россию», фигурировали пока лишь руководители Германии и Австро-Венгрии. Образцом подобного материала может служить статья «Лживость австрийских извещений»²¹. Эта статья рассказывает «о мнимых австрийских победах, которая австро-венгерский генеральный штаб рассылает через посредство “агентства Вольфа”». Более того, некто С. Петр в статье «Настроение в Германии» повествует про германского кайзера «уверенного в “правоте” германского дела и “культурной миссии” Пруссии на Восток, сообщаемый о “зверствах”, совершаемых всем миром, кроме германцев: русскими, французами, бельгийцами, англичанами». «Кайзер стукнув кулаком по пюпитру, завопил на весь зал: “Und nur werden wir sie drescssen” (А теперь мы их будем молотить) ... положив руку на рукоятку своего меча, Вильгельм заявил: “25 лет я держал этот меч в ножнах. Ныне я его вынимаю!” И, вынув меч и потрясая им над исступленной толпой, кайзер поклялся, что не вложит меча своего в ножны, прежде чем не сокрушит “варваров”, т.е. Россию и ее союзников»²².

Объектом осуждения является пока не немецкий народ, но «пруссский и австрийский милитаризм». Так, некто Р. Чубин в газете «Симбирянин» в статье «Пруссак и немец», полностью возлагая вину за развязывание мировой войны на Пруссию и Австро-Венгрию, делит Германию на «Германию Гейне и Бёрне» — и «пруссскую феодальную Германию», в которой «видели... очаг средневековья, место, где сохранились идеалы старонемецкого феодализма»²³.

В другой статье тот же автор ассоциирует средневековый немецкий романтизм с чем-то темным, невежественным и грубым. В ход идут легендарные образы Фридриха Барбароссы и немецкого рыцарства, которые, как «путеводная звезда для всех пруссаков, стремившихся перевести в эпоху дух немецкого рыцарства», немцы представляются грубой силой. «Пруссак и Пруссия» превращаются в болезнь «гангренозную, пропитанную прусской заразой», распространившуюся по всей Германии, «создав одну Германскую

¹⁹ Там же. № 1573. 31 авг. С. 2.

²⁰ Там же. № 1576. 4 сен. С. 3.

²¹ Там же. № 1573. 31 авг. С. 3.

²² Там же. № 1576. 4 сен. С. 1.

²³ Симбирянин. 1914. № 2182. 9 ноя. С. 2.

империю»²⁴. Но появляются здесь и новые мотивы — образы немецких обывателей, «Фрица» и «штопальщицы-немки», которые восхищаются немецкой воинственностью и могуществом германского флота: «В душе такого обывателя тевтонского давно сложилось состояние умиленности перед немецким кулаком... а кулак — это источник его экзальтированного вдохновения». Про немецкий патриотизм автор пишет, что это не просто любовь к родине, а «жажда перенести в современность психологию средневековой кольчуги, разумеется, на какой-нибудь модернизированный лад». И эта жажда не столько результат, навеянный историей, легендарными сказками, «сколько происхождения биологического, расового»²⁵.

Играя на патриотизме, национальных чувствах, традициях и предрассудках, объявляя свои цели благородными и справедливыми, а цели потенциальных противников низменными и корыстными, российская пропаганда закладывала в сознание народа «образ врага», воскрешая старые обиды и выискивая новые, на которые можно опереться в современной ситуации. Психологическая установка «свой–чужой» в кризисный период обостряется до предела. Надо сказать, что поначалу антинемецкие массовые настроения даже «обгоняли» в своем радикализме установки массовой пропаганды. Пресса вслед за разразившимися немецкими погромами стала обвинять австро-венгерских и немецких подданных, проживавших в России, в «антигосударственной деятельности» и шпионаже, требовать их выселения и применения к ним репрессивных мер.

В течение 1915 г., когда на место «ура-патриотизма» у значительной части населения страны стала приходиться усталость, разочарование, недовольство тяготами продолжающейся войны, пресса сменила тактику воздействия на население. К тому же появились реальные факты военных преступлений противника, которые и стали — вместо абстрактных, безликих обвинений «австро-венгерского и германского милитаризма» — основой для конструирования «образа врага».

Самарский «Волжский день» помещает гневную публикацию по поводу потопления немцами английского пассажирского лайнера «Лузитания». Она представляет собой перепечатку статьи Ф. Кокошкина в «Русских Ведомостях» под заглавием «Холодное чудовище», где давалась такая оценка воинствующему германизму: «...воинствующий германизм похож на пушку. Это — чудовищная, бездушная и в своей бездушии более чем человек, свирепая машина, сорвавшаяся с правовых и моральных креплений. Собака — “сорвавшаяся с цепи”».

²⁴ Там же. С. 3.

²⁵ Там же. С. 4.

Это — то самое холодное из всех холодных чудовищ, о котором с ужасом и отвращением говорил Ницше. Пусть же сомкнутся еще плотнее против “холодного чудовища” человеческие силы и человеческое мужество с твердой верой, что в борьбе людей со страшной машиной победить должны, в конце концов, настоящие люди. <...> Когда пишутся эти строки, еще не имеется достаточно полных сведений о том, как встретили сообщение о потоплении “Лузитании” другие нейтральные страны. Но нельзя сомневаться, что ни одна из них не останется равнодушной к новому варварству Германии, на это, Бог даст, откроет им глаза и он с мечом в руках присоединится к союзным странам, в кровавой борьбе с немцами, отстаивая интересы права, культуры и человечности»²⁶.

Периодическая печать в 1915 г., когда Россия потерпела несколько серьезных поражений на фронте, стремится представить максимально «чудовищный образ» неприятеля. Немцы, австро-венгры, а также турки-османы изображались как варвары, чудовища, дикари, отрицалась сама принадлежность их к «культурному миру», и здесь, используя подлинные или мнимые факты, преуспевали обе воюющие стороны. Обращение к образу варвара было присуще всей колониальной эпохе, с ее открытием новых земель и покорением туземцев, тем более это ярко проявилось в Первой мировой войне. Воюющие блоки обвиняли друг друга во взаимной «варваризации». Статья автора Петра Ф. в газете «Симбирянин» под названием «Варварство немцев» сообщает, что немцы не пощадили знаменитую скульптурную группу «Путь на Голгофу», находившуюся в церкви «Сердце Иисуса» в Тюрну (Бельгия). «Немцы отослали эту группу в Германию, и медь, из которой она сделана, в скором времени пойдет на изготовление немецких снарядов»²⁷. В статье «Обычные немецкие гадости» сообщается, что, «... естественно, вся клевета принадлежит немцам». «Неизвестными раздается по домам памфлет, содержащий гнусные надругательства над главой государства и правительства, также возмутительнейшие клеветнические наветы и антипатриотические инсинуации. Правительство сообщает, что открыто следствие для обнаружения виновных соучастников преступления, являющегося, несомненно, делом германских рук. Виновные будут наказаны по всей строгости закона...»²⁸.

В периодической печати Симбирской губернии встречаются материалы, в которых рассказывалось о «зверствах» австро-венгерских и германских войск. Подобные статьи публиковались ча-

²⁶ Волжский день. 1915. № 1689. 29 апр. С. 3.

²⁷ Симбирянин. 1915. № 2831. 13 апр. С. 2.

²⁸ Там же.

сто. Материалы, опубликованные в газете «Симбирянин» 15 апреля 1915 г. под названием «К немецким и австрийским зверствам», сообщают, что германцы часто добивали русских раненных на полях сражений. Гнусный характер этих преступлений осложняется во многих случаях ужасным надругательством. Авторами приводится пример, когда 16 августа во Фридланде были найдены тела двух кирасирских офицеров с выколотыми глазами. Германские санитары также проявили в нескольких случаях подобную жестокость, расстреливая русских раненых. Иногда русские пленные расстреливались германскими и австрийскими войсками. Сообщается о фактах расправ с особой жестокостью над пленными казаками. Авторы статьи приводят в качестве примера приказ командира эскадрона кирасирского полка фон-Модеатского, приказавшего вешать всех пленных казаков²⁹.

Приводится рассказ польских крестьян о том, как один казак был сожжен живьем 13 сентября в д. Саянки Сувалкской губернии. Перечисляются различные другие случаи расстрелов и повешения казаков. Говорится о том, что жители германских городов нападали на русские войска, стреляя по ним из окон и с крыш. Авторы убеждают своих читателей в том, что поведение германцев и австрийцев в занятой ими местности по отношению к гражданскому русскому населению противоречит Гаагской конвенции 1907 г. (Конвенция о законах и обычаях сухопутной войны). Говорится о том, что прусский комендант Калиша Прейскер 22 июля расстрелял нескольких жителей из «побуждения самого гнусного характера». Рассказывается о том, что 27 июля пруссаки убили стражника Абакумова, сломали ему руку, распорол живот. Констатировано неоднократное применение австрийцами разрывных пуль³⁰.

Протест против варварского нарушения австро-венграми международного соглашения опубликован в «Волжских вестях» в виде статьи «Австрийцы применяют разрывные пули»³¹. Рассказы о замученных священниках, разрушенных и разграбленных церквях особенно подчеркивают «бесчеловечность» германцев во время войны. Приводится пример, когда «...31 июля два прусских драгуна убили католического священника в деревне Словики, сувалкской губ., предварительно жестоко измучив и надругавшись». Рассказывается о том, что в середине августа австрийцы в д. Маково и д. Шатава Подольской губернии, изнасиловали множество женщин и девушек,

²⁹ Там же. № 2833. 15 апр. С. 3.

³⁰ Там же. С. 2.

³¹ Волжские вести. 1914. № 1573. 31 авг. С. 3.

угрожали и мучили население, в особенности священников. В ноте говорится о православных и католических церквях в городах Граево, Красная Тополяе, Конске, Кельце, «оскверненных и ограбленных германскими и австрийскими войсками». Писалось о том, что германские и австрийские войска не считаются с Женевской конвенцией³².

Похожая ситуация описывается в Самарской газете «Волжский день» в статье «Зверства германцев». По сообщению двух голландских журналистов, баварские полки принца Рупрехта получили приказание «не брать англичан в плен; солдаты, нарушающие приказ, подвергаются строгим наказаниям. Взятые в плен англичане не отсылались в Германию, но со связанными руками и с завязанными глазами приводились в штаб, где под наблюдением расстреливались. Пленным не говорилось, что их расстреливают. Большинство были раненные»³³. Другая Самарская газета, «Волжское слово», в статье «Насилие австрийцев в Сербии» пишет, что «австриец — дикий завоеватель» — уничтожает имущество и убивает людей. Австрийцы вновь позволили себе всевозможные насилия над мирными жителями, часть которых либо увезли, либо убили. Всюду на своем пути неприятель оставил следы самых невероятных насилий³⁴.

Были случаи, когда реальная ситуация буквально переворачивалась с ног на голову. Газета «Волжский день» повествует, что в Германии, из-за венерических заболеваний в армии, доктор Нессер предлагает решительно всех женщин, подозреваемых в проституции, подвергнуть специальному энергичному лечению ртутью или новым препаратом Пауля Эрлиха (сальварсан) «606». Венерические болезни были общей для всех воюющих стран серьезной проблемой. Русская армия испытывала те же недуги, но периодическая печать, выходявшая в тылу, убеждала массового читателя в том, что лишь немцы сталкиваются с данной проблемой.

Автор статьи «Смесь. Военно-научный радикализм» делает акцент на типичной особенности германского характера: «полное игнорирование личности и пренебрежение, в видах достижения цели, какими бы то ни было соображениями, кроме чисто утилитарных». В статье личность доктора Нейссера, как в «микрокосмосе», отражается «вся психология Германии как государства, и большинства ее граждан»³⁵.

³² Симбирянин. 1915. № 2833. 15 апр. С. 3.

³³ Волжский день. 1915. № 1715. 27 май. С. 2.

³⁴ Волжское слово. 1915. № 1894. 4 дек. С. 2.

³⁵ Волжский день. 1915. № 1890. 1 дек. С. 2.

Таким образом, объектом критики становятся именно «немец», «австрияк», особенности их национального характера, которые и расцениваются как подоплека австро-германской агрессии, жестокого и аморального поведения противника³⁶.

Следует отметить, что о зверствах врага писали как официальные губернские газеты, так и газеты партий кадетов, октябристов и социал-демократов. Здесь предпочтения как проправительственных, так и оппозиционных партий были одинаковы.

Так, октябристский «Голос Самары» в статье «Самара, 1 октября» сообщала, что Лейпцигский профессор Вильгельм Вундт, отражающий мнение «большого интеллигентного общества», в своей лекции о войне, предлагал передел Британских колоний и французских и русских территорий в Европе, взывая к «более справедливому распределению». Профессор опирался на «немецкую шовинистскую печать» и он будто не осведомлен об ужасах войны. И что он, якобы, оправдывает «немецких сестер милосердия, приканчивающих раненных “варваров”» (т.е. союзников). Говоря о разрушении немецкими войсками Лувена и Реймского собора, профессор подчеркивает «торжество «немецкой культуры» над «русским варварством», что также представляется лейпцигскому профессору совершенно «нормальным», равно как и прочный мир в Европе под благодетельной гегемонией Австро-Германии»³⁷.

Какой посыл можно вынести из материалов этой статьи? Во-первых, читателя подводят к мысли о том, что идеология германского милитаризма охватила не только политиков и военных, но даже профессоров в вузах. Во-вторых, проводится мысль о том, что Австро-Венгрии отведена роль «европейского контролера» над европейскими делами под «эгидой» ее старшего партнера — Германии. В-третьих, подразумевается, что российские земли в случае проигрыша Российской империи в войне будут немедленно поделены между германскими и австро-венгерскими союзниками.

Безусловно, как и в любой воюющей стране, периодическая печать противопоставляла российскую нацию, как носителя самых лучших качеств, и враждебные — носительницы «грязного варварства», «тевтонского бахвальства» и жестокости. «Безжалостные варвары», «дикари», «невежды», «агрессоры» и «враги самой цивилизации» немцы противопоставлялись русской доброй, праведной душе.

Так, в газете «Симбирянин» мы видим прямую антитезу: «великодушные русских — бесчеловечность немцев». Статья «Наш край»

³⁶ См.: Филиппова Т., Баратов П. Указ. соч. С. 178.

³⁷ Голос Самары. 1914. № 210. 1 окт. С. 2.

повествовала об отношении к пленным австрийцам: «Пленные в деревне... Как-бы вы думали, читатель, — принимает ли их наше крестьянство? Как “врагов”? Отнюдь нет. Принимает с распростертыми объятиями?! Так, ...11 января в с. Паньшино, Сызранского уезда Симбирской губернии появилась партия пленных австрийцев около 300 человек. Обыватели села добровольно принимали по одному, а некоторые по два человека к себе по домам. Тем селянам, которым не досталось пленных австрийцев, — сильно сокрушались и просили друг у друга об уступках их, но получившие австрийца ни за что не хотели расставаться с ним. Вот она, незлобивость русской души! Вот оно русское добросердечие!...»³⁸.

Симбирская и Самарская церковная печать также писала о доблестных русских воинах, сражающихся со «змеем» — тевтонским милитаризмом. Однако большинство ее сюжетов посвящены отношению священников к войне или говорят о случаях надругательства германских и австро-венгерских «оккупантов» над священнослужителями и их «паствой». Так, «Епархиальные ведомости» Симбирска передают доблесть русской армии, бойцы которой спасли польского священника. Сообщается о том, что «... ксендза австрийцы избили. Они к нему обратились за хлебом, а он хлеба им не дал, очевидно, не сочувствуя “мядьярам”. Священник, якобы, проникшись воззванием главнокомандующего русскими войскам в Польше, свою польскую паству настроил против немцев и австро-венгров. За это его жестоко избили и бросили в подвал, где он просидел до освобождения нашими войсками»³⁹.

Епархиальные ведомости рассматривали немцев как исконных врагов славян еще со времен Александра Невского и Германариха: «воюющие со Славянами с незапамятных времен, соперничающие с ними даже в мирное время»⁴⁰. В статье «Какое отношение настоящая война имеет к Церкви Божией?» говорится, что война «есть натиск вражеских сил против нашего Святого Православия»⁴¹, т.е. это сражение за Веру, за Церковь Божию. Немцы выступали как еретики (лютеране, штундеры, баптисты), смущающие русский народ. Безапелляционно говорилось о том, что «...лютеровая ересь... как сорная трава, проросла уже между чистою пшеницею Православия»⁴². То есть можно сказать, что помимо «патриотических» задач по мобилизацию на «священную войну до победно-

³⁸ Симбирянин. 1915. № 2833. 15 апр. С. 2.

³⁹ Симбирские Епархиальные ведомости. 1914. № 17. 1 сен. С. 3.

⁴⁰ Там же. № 18. 15 сен. С. 860.

⁴¹ Там же. № 19. 1 окт. С. 765.

⁴² Там же. С. 760.

го конца», священники Русской Православной церкви пытались решать и свои конфессиональные задачи, стремясь предостеречь свою паству от «лютеранской ереси». «Образ врага» дополняла такая черта, как присущая ему вредоносная ересь.

Не во всей прессе шла «атака» на немецкий народ, в печатном органе Самарской управы «Городской вестник» в статье «Обзор печати» утверждалось, что «германский народ непричастен» к военной агрессии в Европе, в данном случае его роль — глубоко страдальческая: «народ промышленников и фабрикантов, ремесленников и рабочих, торговцев и коммивояжеров никогда не может стремиться к войне, даже победоносной. Но тут немцы вызывали на бой почти всю Европу, и как раз те страны, которые являются лучшими рынками для германской промышленности. Такая политика была бы безумием даже в случае военного успеха».

Нельзя не сказать, что помимо газет и журналов проправительственной ориентации, каковых было подавляющее большинство, были и периодические издания, которые выступили с критикой действий правительства России по вступлению в Первую мировую войну. Для социал-демократов, как известно, главный враг был не немец, а собственное правительство. Так, социал-демократическая редакция «Зари Поволжья» призывала к недопущению войны «под дружественным натиском рабочего класса всей Европы». Пораженчество, пропагандируемое самарскими и симбирскими большевиками, крайне негативно воспринималось местным населением, потому их идеи не имели влияния в рассматриваемый период. На страницах журнала «Заря Поволжья» большевики провозглашали, что в будущей общеевропейской войне русские рабочие могут рассчитывать на то, что «по ту сторону немецкой границы они имеют многомиллионную армию социал-демократических рабочих». 26 июля 1914 г. в статье «Рабочий класс и текущие события» утверждалось, что националисты и либералы всей Европы выступают за войну, с «духом национализма и шовинизма», вовлекая в нее рабочий класс⁴³. Сразу же после выхода этой публикации газета была закрыта.

На основе проведенного научного исследования можно сделать следующие выводы.

Во-первых, правительственная политика в отношении прессы в период войны (на примере двух российских губерний) заключалась в том, публикации в официозных газетах и журналах находились под контролем, им рекомендовались определенные темы и сюжеты.

⁴³ Заря Поволжья. 1914. № 27. 26 июля, С. 2–4.

Цензура, со своей стороны, зорко следила за направленностью публикаций. Те издания, которые пытались выступать с антивоенных (пацифистских) позиций, немедленно закрывались.

Во-вторых, редакционные коллегии местных газет чутко улавливали настроения масс. В период доминирования у широких слоев населения идей «ура-патриотизма», который продлился с августа 1914 г. по весну 1915 г., внимание читающей публики было сосредоточено в основном на обосновании участия России в Первой мировой войне, разоблачении агрессивных целей противника, а также создании четкого понимания того, что страны Четверного союза не имеют необходимых ресурсов для длительного военного противостояния с войсками Антанты.

В-третьих, анализ публикаций показал, что их тональность начинает меняться по мере затягивания военных действий, поражений русской армии, ухудшения социально-экономического положения местного населения. В этих условиях публицистическая деятельность от общеполитических рассуждений стала переориентироваться на создание в лице немцев и австро-венгров «образа врага».

В-третьих, мы обнаружили следующую тенденцию: если в 1914 г. главным объектом разоблачений был «германский милитаризм», политика кайзера, а критика правительства Австро-Венгрии была несколько приглушена, то начиная с зимы–весны 1915 г. критика «австро-венгерских оккупантов» и политики австро-венгерского правительства в целом вышла на первый план, в чем-то даже заслонила образ «германского врага». Это мы также связываем с неудачами российских войск в противоборстве с армией Австро-Венгрии в 1915 г.

В-четвертых, особой тональностью отличались публикации в церковной прессе, в которой акцентировалась такая особенность врага, как его приверженность тлетворной ереси.

В-пятых, играя на патриотизме, национальных чувствах, традициях и предрассудках, объявляя свои цели благородными и справедливыми, а цели противников низменными и корыстными, российская пропаганда закладывала в массовое сознание народа «образ врага», воскрешая старые обиды и выискивая новые, на которые можно опереться в современной ситуации. Периодическая печать противопоставляла российскую нацию, как носителя «самых лучших качеств», и враждующую, как носительницу «грязного варварства», бесчеловечности и жестокости. Немцы и их союзники выступали не просто как агрессоры, а как «безжалостные дикари» и «враги самой цивилизации».

Список литературы

Алехин Д.В. Городское население Тамбовской губернии и Первая мировая война (июль 1914 — февраль 1917 гг.). Дис. ... канд. ист. наук. Тамбов: Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина, 2003. 266 с.

Ахмадулин Е.В. Правительственная печать России (конец XIX века — февраль 1917 г.). Ростов-на-Дону: Книга, 2000. 77 с.

Белова И.Б. Первая мировая война в российской провинции. 1914 — февраль 1917. М.: АИРО-XXI, 2011. 283 с.

Белусов С.В. Первая мировая война через призму военной цензуры // Исторические записки: межвузовский сборник научных трудов. Пенза: Пензенский государственный педагогический университет имени В. Г. Белинского, 2004. С. 151–166.

Бережной А.Ф. Русская легальная печать в годы Первой мировой войны. Ленинград: Издательство ЛГУ, 1975. 152 с.

Борищукова Е.Д. Патриотические настроения россиян в годы Первой мировой войны. Дис. ... канд. ист. наук. СПб.: Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена, 2002. 165 с.

Война и общество в XX веке: в 3 кн. Кн. 1. Война и общество накануне и в период Первой мировой войны / Под ред. О.А. Ржешевского. М.: Наука, 2008. 673 с.

Гатауллина Л.Р. Татарская пресса 1914–1915 гг. об отношении российских мусульман к Первой мировой войне // Ученые записки Казанского государственного университета. Сер. Гуманитарные науки. 2008. Т. 150, кн. 1. С. 133–139.

Дёнингхаус В. Русские немцы: общественные настроения в Поволжье в период Первой мировой войны // Военно-исторические исследования в Поволжье: сборник научных трудов. Вып. 7 / Отв. ред. А.А. Герман. Саратов: Научная книга, 2006. С. 176–186.

Ефимов Ю.Д. Симбирск в годы Первой мировой войны (1914–1918) / Ульяновский областной краеведческий музей имени И.А. Гончарова. Самара: Самарское книжное издательство; Ульяновск: Артишок, 2006. 368 с.

Кабытова Н.Н. Власть и общество в российской провинции в революции 1917 г. Самара: Издательство Самарского университета, 2002. 324 с.

Китанина Т.М. К вопросу о проблемах изучения экономического положения России в период Первой мировой войны (мобилизация промышленной экономики) // Вестник Самарской государственной экономической академии. Специальный выпуск: Проблемы экономической истории России и ее регионов: современный взгляд / Отв. ред. Н.Ф. Тагирова. Самара, 2003. С. 89–96.

Ковалева А.С. О взаимоотношениях между русской либеральной буржуазной оппозицией и правительством в ходе Первой мировой войны //

Первая мировая война: история и психология: материалы Российской научной конференции / Под ред. В.И. Старцева, С.Н. Полторака, Л.Б. Борисковской и др. СПб.: Нестор, 1999. С. 101–108.

Филиппова Т., Баратов П. «Враги России»: образы и риторики вражды в русской журнальной сатире Первой мировой войны. М.: АИРО-XXI, 2014. 271 с.

Поступила в редакцию
13 февраля 2022 г.

Д.В. Перевощиков

**ВЫЖИТЬ В БУХЕНВАЛЬДЕ: НЕИЗВЕСТНЫЕ ФАКТЫ
ИЗ СУДЕБ УЗНИКОВ КОНЦЛАГЕРЯ**

D.V. Perevoshchikov

**SURVIVE IN BUCHENWALD: UNKNOWN FACTS FROM
LIFE PATHS OF THE CONCENTRATION CAMP PRISONERS**

Аннотация. В статье на основе архивных материалов, впервые введенных в научный оборот, рассматривается вопрос о советских воинах из Удмуртской АССР, которые после попадания в плен содержались в гитлеровском концентрационном лагере Бухенвальд. Небольшое число таких военнопленных уцелело за колючей проволокой, и после освобождения они вновь вступили в ряды Красной армии. Некоторые из этих солдат и офицеров были «похоронены» дважды: сначала их считали погибшими в бою, затем — в плену. Однако, несмотря на все невзгоды, они остались в живых, встретили Победу в Великой Отечественной войне и вернулись на родину. Актуальность темы обусловлена недостаточной ее проработанностью в отечественной историографии, а также малой степенью изученности многих сторон фронтовых биографий воинов из республики, содержащихся в нацистских пунктах заключения или пропавших без вести. Автором предпринята попытка обобщить и проанализировать известные и вновь выявленные факты. В статье содержится информация об участии одного из уроженцев Удмуртии в восстании узников, которое началось 11 апреля 1945 г. и еще до прихода американских войск привело к освобождению всех заключенных Бухенвальда. В качестве введения к работе на основе опубликованных материалов Нюрнбергского процесса и воспоминаний очевидцев охарактеризован режим в концентрационном лагере, который был специально организован для истребления различными методами военнопленных и других категорий заключенных, признанных противниками гитлеровской диктатуры. Представлены основные вехи биографий солдат и офицеров из Удмуртии, которые смогли перенести все тяготы пребывания в этом

Перевощиков Дмитрий Викторович, кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела исторических исследований, Удмуртский институт истории, языка и литературы Удмуртского федерального исследовательского центра Уральского отделения РАН, Ижевск

Perevoshchikov Dmitry Victorovich, PhD Candidate in History, Research Fellow, Department of Historical Research, Udmurt Institute of History, Language and Literature, Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Izhevsk

dmitryizh76@mail.ru

концентрационном лагере и выжить. При анализе архивных документов вскрыты некоторые причины, определявшие попадание советских военнопленных в Бухенвальд. Многие факты, упоминаемые в статье, впервые представлены в научной литературе. Исследование проливает свет на одно из «белых пятен» истории Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: Удмуртия, Великая Отечественная война, советские военнопленные, концентрационный лагерь Бухенвальд, персональные карты узников, восстание в Бухенвальде 11 апреля 1945 г.

Abstract. Based on archival materials, first introduced into scientific circulation, the article deals with the topic of Soviet soldiers from the Udmurt ASSR, who, after being captured, were kept in the Nazi concentration camp Buchenwald. A small number of such prisoners of war held behind barbed wire, survived, and after their liberation they re-joined the ranks of the Red Army. Some of these soldiers and officers were “buried” twice: first they were considered killed in action, then as those who died in captivity. However, despite all the hardships, they survived, celebrated the Victory in the Great Patriotic War and returned to their homeland. The topic is relevant as it has not been sufficiently discussed in Russian historiography, and scholars have not paid enough attention to many aspects of the front-line biographies of soldiers from the Udmurt republic, held in Nazi detention centres or missing in action. The author made an attempt to generalize and analyse previously known and newly revealed facts. The article provides information about the participation of one of the natives of Udmurtia in the uprising of prisoners, which began on 11 April 1945 and, even before the arrival of American troops, led to the liberation of all Buchenwald prisoners. As an introduction to the work, the author describes the regime in the concentration camp, which was specially organized for the extermination of prisoners of war and other categories of prisoners recognized as opponents of the Nazi dictatorship and the Third Reich, and uses the published materials of the Nuremberg Trials and the recollections of eyewitnesses. The author looks at the main milestones in the biographies of soldiers and officers from Udmurtia who were able to endure all the hardships of life in this concentration camp. The analysis of the archival documents has revealed some of the reasons that determined the incarceration of Soviet prisoners of war in Buchenwald. Many of the facts mentioned in the article are presented in the scholarly literature for the first time. The study sheds light on one of the “blank spots” in the history of the Great Patriotic War.

Keywords: Udmurtia, the Great Patriotic War, Soviet prisoners of war, Buchenwald concentration camp, prisoners registration cards, uprising in Buchenwald on 11 April 1945.

* * *

Один из крупнейших гитлеровских концлагерей Бухенвальд (Konzentrationslager Buchenwald) был образован в июле 1937 г. Расположенный на горе Эттерсберг близ г. Веймар в Тюрингии, он был оснащен всеми средствами для массового уничтожения людей — крематориями, газовыми камерами, а также специальными средствами для казней. Первоначально этот пункт заключения носил

наименование Эттерсберг (по названию горы, на которой находился). Концлагерь имел 66 филиалов и рабочих команд. Наиболее крупными из них являлись «Дора-Миттельбау», расположенный около г. Нордхаузен, «Лаура» (неподалеку от г. Заальфельд) и «Ордруф» в Тюрингии, где было организовано производство самолетов-снарядов ФАУ-1 и ФАУ-2.

История Бухенвальда достаточно широко освещена в научной литературе¹, поскольку богатый материал для исследований содержат опубликованные воспоминания бывших заключенных, материалы Нюрнбергского процесса, а также архивные документы. Автор данной работы обратился к теме пребывания в концлагере солдат и офицеров из Удмуртской АССР, попавших в плен в годы Великой Отечественной войны. Некоторые авторы затрагивали в своих работах судьбы советских военнопленных, связанных с республикой². Существует, однако, определенный пробел в изучении вопроса об узниках Бухенвальда, которым удалось преодолеть все испытания и вернуться на родину. До сих пор родственники таких военнопленных не имеют информации обо всех подробностях их незаурядной судьбы. Дальнейшее изучение вопроса будет способствовать решению этой проблемы.

В период Великой Отечественной войны на передовую из Удмуртии было мобилизовано свыше 360 тысяч человек. Не вернулись с фронта более 140 тысяч³.

¹ Красноперов В.М. Подпольщики Бухенвальда. М.: Воениздат, 1960; Бухенвальд: Документы и сообщения / Пер. с нем. И. Д. Гутмана и др. М., 1962; Семиряга М.И. Тюремная империя нацизма и ее крах. М., 1991; Мешалкина К.А. Нацистские концлагеря как часть пенитенциарной системы в Германии. 1933–1945 гг. // Вестник молодых ученых и специалистов Самарского государственного университета. 2013. № 3. С. 40–44; Малышева Е.М., Аристов С.В. Концентрационные лагеря Третьего рейха: центры хранения документов и источниковая база исследования проблемы // Военно-исторический журнал. 2017. № 9. С. 80–88; Викторова Т.Н. Этапы деятельности антифашистского подполья в лагере Бухенвальд // Вестник научных конференций. 2019. № 1–3 (41). С. 12–13; Авхаидеева А.И., Камалова Р.Ш. Концлагеря в годы Великой Отечественной войны // В мире научных открытий: материалы IV Международной студенческой научной конференции. Ульяновск, 2020. С. 88–90; Якеменко Б. Г. «Концентрационный мир» нацистской Германии: проблема генезиса и особенности системы // Вопросы истории. 2020. № 6. С. 32–42; Отто Р., Келлер Р. Советские военнопленные в системе концлагерей Германии. М., 2020; Чернобай О.Л. Антифашистское подполье в концлагере Бухенвальд в показаниях Н.С. Симакова (1946–1947 годы) // Исторический курьер. 2021. № 3 (17). С. 191–199; Шнеер А. Плен. Солдаты и офицеры Красной Армии в немецком плену. М., 2022; Rousset D. L' univers concentrationnaire. Paris, 1946; Weinmann M. Das nationalsozialistische Lagersystem. Frankfurt am Main, 1990; Sofsky W. The Order of Terror: The Concentration Camp. Princeton University Press, 1997; Buchenwald. Ostracism and violence. 1937 to 1945. Gottingen, 2017.

² Куликов К.И. Грани победы: очерки. Ижевск, 2005; Родионов Н. А. Удмуртская республика. Путь к Победе 1945 года. Ижевск, 2015.

³ Удмуртская республика: Энциклопедия. Ижевск, 2008. С. 229–230.

В 1990-х гг. проводилась работа над составлением «Книги памяти» Удмуртской Республики. По итогам исследований авторский коллектив пришел к выводу, что в 1941–1945 гг. во вражеском плену погибли 1004⁴ военнослужащих, призванных на фронты Великой Отечественной войны из Удмуртии. Однако эта цифра далеко не окончательная. Дело в том, что ко времени публикации «Книги памяти» осталось неучтенным хранящееся в центральных и региональных архивах значительное количество немецких персональных карточек на советских военнопленных.

Источниковая база данного исследования достаточно объемна. Немало материалов, где можно найти информацию по теме, находится в Центральном архиве Министерства обороны РФ (ЦАМО РФ). Документы, имеющиеся в Национальном архиве США (NARA – National Archives and Records Administration), содержат персональные карты узников Бухенвальда с их основными биографическими данными, составленные администрацией концлагеря или оформленные американцами после его освобождения. Доступ к некоторым материалам Национального архива США можно осуществить через сайт Министерства обороны РФ «Память народа». Об условиях содержания заключенных дают достаточно подробную информацию опубликованные материалы Нюрнбергского процесса, основанные в значительной степени на воспоминаниях и свидетельских показаниях заключенных, выживших в этом концлагере.

Первыми узниками Бухенвальда были немецкие антифашисты. Первую партию советских военнопленных сюда доставили 16 сентября 1941 г. Нередко красноармейцы или офицеры попадали в Бухенвальд через гестапо (государственная тайная полиция). Так, уроженец г. Бирска Башкирской АССР П.П. Корепанов, находившийся в шталаге (Stalag, концлагерь для военнопленных рядового состава) III Д, расположенном в районе Берлина, отказался вступить в армию Власова (РОА), за что 8 марта 1945 г. был арестован и отправлен на гору Этtersберг. Ленинградца И. Полякова гестаповцы доставили туда за попытку побега из другого концлагеря⁵.

Судя по документации администрации Бухенвальда, через него в общей сложности прошли около 240 тысяч человек из 33 стран. 56 тысяч представителей 18 государств погибли. Из них около 19 тысяч человек — советские граждане⁶. Надо отметить, что эти данные явно занижены. Хозяева Бухенвальда не были заинтересованы в фиксации подлинного количества погибших.

⁴ Книга памяти. Т. 7. Ижевск, 1994. С. 389.

⁵ Национальный архив США (NARA, National Archives and Records Administration). RG 242. Оп. A3355. М-ф 29. Персональная карта И. Полякова.

⁶ Великая Отечественная война 1941–1945: Энциклопедия. М., 1985. С. 118.

В этом концлагере гитлеровцы содержали секретных узников, в том числе руководителей различных оппозиционных партий Германии и оккупированных стран. В августе 1944 г. именно в Бухенвальде были убиты руководитель немецких коммунистов Э. Тельман и один из лидеров социал-демократической партии Германии Р. Брейтшейд. В специальном блоке концлагеря находились бывшие премьер-министры Франции Л. Блюм и Э. Даладье, а также участники покушения на А. Гитлера в июле 1944 г.

Над узниками Бухенвальда нацисты проводили медицинские «эксперименты». Например, на организмах заключенных испытывалось действие производимой тут же, в концлагере, вакцины против тифа. В частности, в 1944 г. проводились «опыты» по определению эффективности таких инъекций, во время этого вакцинирования погибло 150 человек. По свидетельству бывшего заключенного Бухенвальда Балаховского, большинство различных медицинских «экспериментов» проводилось над советскими военнопленными. В частности, их специально обжигали веществами, содержащими фосфор, а потом «лечили». Все подобные «опыты» заканчивались гибелью узников⁷. Труд заключенных использовался в каменоломне, на шахтах, заводах, включая крупные военные предприятия «Густлов-Верке» и «Мюльбах». Заключенные работали от рассвета до заката за миску баланды и кусок хлеба. За убитых узников, якобы пытавшихся совершить побег или какой-нибудь другой выходивший за рамки режима проступок, охранники-эсэсовцы получали денежные премии и отпуска. Поэтому они всячески глумились над заключенными, провоцируя людей к выражению недовольства и активному сопротивлению, что часто заканчивалось их гибелью⁸. Допросы узников в Бухенвальде велись бесчеловечными методами. Их избивали, опускали в ванну с холодной водой, зажимали в тиски, подвешивали и применяли другие виды истязаний. Одним из изощренных видов казни приговоренных были уколы в область сердца. Пепел из крематория служил для удобрения сельскохозяйственных полей, находившихся неподалеку от Бухенвальда⁹.

На территории лагеря в одном из блоков находилась «фабрика по переработке». Здесь обрабатывалась человеческая кожа (особенно ценилась татуированная), которая потом шла на изготовление женских сумочек, абажуров. Из костей погибших узников изготавливались броши, пряжки, предметы дамского туалета. На этой же «фа-

⁷ Нюрнбергский процесс. Сборник материалов: в 8 т. Т. 5. М., 1991. С. 547–550.

⁸ Майоров Л.К. Бегающие мишени // Люди, победившие смерть. Воспоминания бывших узников фашистских лагерей. Ленинград, 1968. С. 110.

⁹ Нюрнбергский процесс. Т. 5. С. 613, 615, 617.

брике» закладывали мертвецов в специальный котел, а потом собирали скелеты и рассылали по всей Германии. Во дворе крематория эсэсовцы вырывали изо рта трупов золотые протезы.

Несмотря на жесточайший террор, осуществлявшийся в Бухенвальде, первые подпольные группы среди советских военнопленных появились уже в 1941 г. Их организаторами были М. Левшенков, И. Ногаец, Н. Симаков. В более поздний период активными подпольщиками проявили себя И. Смирнов, С. Бакланов, С. Котов, В. Азаров, С. Бердников, С. Ярагин, Н. Кюнг, А. Крохин и многие другие.

11 апреля 1945 г. узники Бухенвальда организовали успешное восстание, решающую роль в котором сыграли советские военнопленные. Заключенные с применением заранее припрятанного огнестрельного и холодного оружия, а также камней, кусков железа и палок бросились с криком «ура!» на колючую проволоку и прорвали ее в нескольких местах. Охранники на вышках и в казармах от неожиданности растерялись и, не оказав значительного сопротивления, начали сдаваться. Свыше 150 эсэсовцев попали в плен к восставшим. Таким образом, концлагерь Бухенвальд еще до прихода войск США был освобожден самими заключенными.

Вечером 11 апреля мимо лагеря проехал первый американский танк. Но бронемашина даже не остановилась и направилась в сторону г. Веймар. Посланный узниками Бухенвальда еще до восстания через тайно собранный ими радиопередатчик сигнал «SOS» был принят американским командованием. Однако оно не спешило после этого отдать приказ войскам о помощи заключенным. Поэтому узники сами организовали круговую оборону на случай, если отступавшие немецкие войска атакуют освобожденный Бухенвальд. Только через трое суток, когда уже стало окончательно ясно, что боеспособных частей вермахта в этом районе Тюрингии нет, американцы появились в бывшем концлагере. Офицеры армии США приказали повстанцам сдать оружие, а на вышках вместо эсэсовцев поставили своих солдат. Бывшие заключенные были глубоко возмущены этим. Часть из них не подчинилась приказу и не разоружилась¹⁰.

После успешного восстания на свободу вышли не менее 20 тысяч человек, среди которых находилось около 900 детей. В ходе репатриации большинство выживших в концлагере узников вернулось на родину.

Среди советских военнопленных, заключенных в Бухенвальде, находились военнослужащие, призванные в Красную Армию в Удмуртской АССР, — И.Ф. Акимов, М.А. Бурков, Н.П. Деев, М. Дудров,

¹⁰ Юринов И.Я. Путь к свободе // Люди, победившие смерть. Воспоминания бывших узников фашистских лагерей. Ленинград, 1968. С. 95–98.

К.П. Ломаев, Н.А. Мерзляков, М.М. Нафиков, В.Н. Орлов, И.Г. Останин, А.Г. Пантюхин, Г. Широбоков, Н.В. Шкляев, Г.И. Шляпников, В.К. Шушаков.

Архивные данные о судьбах некоторых из вышеперечисленных военнослужащих противоречивы. Так, в одном из документов об уроженце г. Ижевска Иване Федоровиче Акимове содержится информация о его гибели в концлагере Бухенвальд¹¹. Из другого можно почерпнуть информацию о том, что он остался жив¹² и уже после окончания войны проходил специальную проверку в запасной армейской части на предмет выявления среди бывших военнопленных дезертиров, изменников, карателей, агентов спецслужб гитлеровской Германии.

Аналогичным образом зафиксированы в архивных материалах данные о фронтовой судьбе военнослужащего из Кизнерского района Удмуртии Ивана Григорьевича Останина. Он служил в 98-й стрелковой дивизии 22-й армии. Одни документы упоминают о его гибели в Бухенвальде¹³, другие противоречат данной информации и свидетельствуют о том, что он дожил до Победы¹⁴. По данным «Книги памяти» Удмуртской Республики И.Г. Останин пропал без вести в январе 1942 г.¹⁵

Уроженцу д. Крысово Красногорского района Андрею Григорьевичу Пантюхину пришлось пройти через двойное испытание. После попадания в плен он был отправлен в Бухенвальд, а в конце октября — в его филиал «Дора-Миттельбау»¹⁶. Несмотря на все невзгоды, Андрею Григорьевичу удалось выжить и дожидаться освобождения. Он прошел проверку в 18-м армейском запасном стрелковом полку и через некоторое время вернулся в Удмуртию¹⁷. В 1985 г. был награжден орденом Отечественной войны II степени.

Еще более сложной оказалась судьба Виктора Кузьмича Шушакова, который был призван на передовую Сюмсинским райвоенкоматом. Он содержался поочередно в трех крупных и широко известных нацистских концлагерях — Флоссенбурге, Дахау и Бухенвальде¹⁸.

¹¹ Центральный архив министерства обороны РФ (ЦАМО РФ). Ф. 58. Оп. 18003. Д. 1597. Л. 31 об.

¹² Центральный государственный архив Удмуртской Республики (ЦГА УР). Ф. Р-461. Оп. 2. Д. 5061.

¹³ ЦАМО РФ. Ф. 58. Оп. 18003. Д. 1597. Л. 78.

¹⁴ ЦГА УР. Ф. Р-461. Оп. 2. Д. 5045.

¹⁵ Книга памяти. Т. 1. Ижевск, 1993. С. 263.

¹⁶ Национальный архив США. RG 242. Оп. А3355. М-ф 42. Персональная карта А.Г. Пантюхина.

¹⁷ ЦАМО РФ. Ф. 8297. Оп. 126498с. Д. 3. Л. 191.

¹⁸ Национальный архив США. RG 242. Оп. А3355. М-ф 51, 144. Персональная карта В.К. Шушакова.

Проявив мужество и стойкость, В.К. Шушаков не был сломлен, не пошел на сотрудничество с гитлеровцами. Ему удалось выдержать все испытания и дожить до дня освобождения. Пребывание за колючей проволокой не прошло бесследно для В.К. Шушакова, поэтому он был отправлен в госпиталь, а в конце 1945 г. демобилизован из армии и награжден медалью «За Победу над Германией».

Другой бывший узник Бухенвальда, уроженец д. Черная Воткинского района Киприан Петрович Ломаев¹⁹ после освобождения из концлагеря служил в Красной Армии и вышел в отставку в мае 1948 г. Он был кадровым офицером, находился в вооруженных силах с 1939 г. До попадания в плен К.П. Ломаев в звании капитана служил на Карельском фронте. В 1985 г. был удостоен ордена Отечественной войны II степени.

Эту же награду к 40-летию Победы получил Григорий Иванович Шляпников. Он родился в 1924 г. в д. Максимово Каракулинского района. На фронте лейтенант Шляпников попал в плен. Содержался в шталаге IV Е, который находился в немецком Альтенбурге. В начале марта 1945 г. гитлеровцы арестовали Г.И. Шляпникова за саботаж и отправили в Бухенвальд²⁰. После освобождения из плена он служил в Красной Армии, затем возвратился на родину. В 1985 г. был награжден орденом Отечественной войны II степени.

Не менее драматично сложилась судьба призывника из г. Ижевска Михаила Михайловича Нафикова. На фронте он воевал в составе 316-й стрелковой дивизии 1-го Украинского фронта. 20 августа 1944 г. был удостоен медали «За отвагу». В приказе о награждении говорится, что 31 июля 1944 г. под селом Сусидовичи Дрогобычской области красноармеец Нафиков участвовал в отражении двух контратак противника и при этом уничтожил четырех немецких солдат²¹. Однако 5 августа молодой боец пропал без вести. Позднее выяснилось, что он был захвачен в плен. С середины января 1945 г. М.М. Нафиков находился в Бухенвальде, куда его отправили из гестапо г. Айзельдорфа²². В результате поднятого узниками восстания военнопленному удалось добиться освобождения, позднее он вернулся на родину.

Отдельно надо остановиться на судьбе Николая Васильевича Шкляева. Он родился в 1922 г. в Пудемском районе республики.

¹⁹ Национальный архив США. RG 242. Оп. А3355. М-ф 34. Персональная карта К.П. Ломаева.

²⁰ Национальный архив США. RG 242. Оп. А3355. М-ф 50. Персональная карта Г.И. Шляпникова.

²¹ ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 690155. Д. 7278. Л. 209.

²² Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-7021. Оп. 115. Д. 26. Л. 402.

В годы Великой Отечественной войны в звании младшего лейтенанта служил в 779-м бомбардировочном авиаполку 16-й воздушной армии Центрального фронта. 9 августа 1943 г. после успешного поражения наземных целей самолет, где находился Н.В. Шкляев, был сбит вражеской зенитной артиллерией. Летчик на парашюте спустился в расположение противника и попал в плен. Гитлеровцы сначала отправили пилота в концлагерь «Дулаг-142» (приемно-пересылочный лагерь для военнопленных), располагавшийся в Брянске, затем в «Дулаг-126» в Смоленске. Впоследствии ему пришлось поработать в Чехословакии в одном из лесных массивов на корчевке пней. Там вместе с товарищами он планировал побег. Но немцы через провокатора узнали об этом и отправили Н.В. Шкляева в концлагерь «Гросс-Розен» в Нижней Силезии (ныне южная часть Польши). Затем пленный летчик попал в Бухенвальд. Его глазам предстала лагерная площадь, где стояло несколько виселиц с повешенными узниками. По свидетельству Шкляева, в Бухенвальде нередко можно было видеть заключенных, которые вместо лошадей тянули огромные телеги с камнями. Циничное глумление дополнялось тем, что таких узников нацисты заставляли петь.

Н.В. Шкляев был активным участником восстания в Бухенвальде 11 апреля 1945 г. Ему не досталось огнестрельного оружия, заранее припрятанного заключенными, но он взял в руки кусок железа и бросился вместе с другими узниками на колючую проволоку, отделявшую их от казарм эсэсовцев. Несмотря на плотный пулеметный огонь, восставшим удалось прорваться, схватиться врукопашную с охранниками концлагеря и завладеть винтовками и автоматами. По свидетельству Н.В. Шкляева, узники захватили в плен 170 эсэсовцев и посадили их в камеры, где ранее сидели сами. Всего в концлагере уцелело и дождалось освобождения около 21 тысячи²³ заключенных, включая больных, инвалидов и детей. Н.В. Шкляев, пройдя проверку в запасной армейской части, вернулся в ряды Советских вооруженных сил, служил в 8-й авиабригаде Уральского военного округа. К 40-летию Победы был награжден орденом Отечественной войны II степени.

Данные о воинах из Удмуртии, находившихся после попадания в плен в Бухенвальде, указывают на то, что туда в качестве карательной меры нередко доставлялись лица, арестованные за неподчинение приказам или за нарушение установленных нацистами порядков в других пунктах заключения. Как правило, такие узники попадали в этот концлагерь из гестапо различных немецких городов или других

²³ Куликов К.И. Указ. соч. С. 394–408.

населенных пунктов, находившихся на оккупированных гитлеровцами территориях.

Выявленные в ходе исследования факты в целом подтверждают информацию об условиях содержания заключенных в Бухенвальде, о целенаправленном их уничтожении различными методами.

Нередко случалось так, что солдат или офицер, оказавшийся в данном немецком концлагере, считался по документам пропавшим без вести или погибшим, а на деле выяснялось, что он остался жив. Это же относится и к некоторым советским военнопленным, призванным на фронт в Удмуртии, которые выдержали все испытания Бухенвальда и, несмотря на информацию об их кончине, вернулись на родину.

Вышеупомянутые воины из Удмуртии, оказавшись в концлагере, психологически не сломались, не пошли на службу врагу, мужественно перенесли все тяжелые испытания и невзгоды, поскольку твердо верили в свою родную страну, в Советские вооруженные силы, в окончательную победу над фашизмом.

Список литературы

Авахдеева А.И., Камалова Р.Ш. Концлагеря в годы Великой Отечественной войны // В мире научных открытий: материалы IV Международной студенческой научной конференции. Ульяновск: Ульяновский государственный аграрный университет, 2020. С. 88–90.

Викторова Т.Н. Этапы деятельности антифашистского подполья в лагере Бухенвальд // Вестник научных конференций. 2019. № 1–3 (41). С. 12–13.

Красноперов В.М. Подпольщики Бухенвальда. М.: Воениздат, 1960. 96 с.

Куликов К.И. Грани победы: очерки. Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 2005. 437 с.

Малышева Е.М., Аристов С.В. Концентрационные лагеря Третьего рейха: центры хранения документов и источниковая база исследования проблемы // Военно-исторический журнал. 2017. № 9. С. 80–88.

Мешалкина К.А. Нацистские концлагеря как часть пенитенциарной системы в Германии. 1933–1945 гг. // Вестник молодых ученых и специалистов Самарского государственного университета. 2013. № 3. С. 40–44.

Отто Р., Келлер Р. Советские военнопленные в системе концлагерей Германии. М.: Аспект Пресс, 2020. 400 с.

Родионов Н. А. Удмуртская республика. Путь к Победе 1945 года. Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 2015. 320 с.

Семиряга М. И. Тюремная империя нацизма и ее крах. М.: Юридическая литература, 1991. 384 с.

Чернобай О.Л. Антифашистское подполье в концлагере Бухенвальд в показаниях Н.С. Симакова (1946–1947 годы) // Исторический курьер. 2021. № 3 (17). С. 191–199.

Шнеер А. Плен. Солдаты и офицеры Красной Армии в немецком плену. М.: Пятый Рим, 2022. 608 с.

Якеменко Б. Г. «Концентрационный мир» нацистской Германии: проблема генезиса и особенности системы // Вопросы истории. 2020. № 6. С. 32–42.

Buchenwald. Ostracism and violence. 1937 to 1945. Gottingen: Wallstein Verlag, 2017. 296 p.

Rousset D. L'univers concentrationnaire. Paris: Editions du Pavois, 1946. 157 p.

Sofsky W. The Order of Terror: The Concentration Camp. Princeton University Press, 1997. 356 p.

Weinmann M. Das nationalsozialistische Lagersystem. Frankfurt am Main: Zweitausendeins, 1990. 1167 s.

Поступила в редакцию
2 августа 2021 г.

А.Н. Воскресенская

**ПОЗИЦИЯ ФРАНЦУЗСКОГО МИД ПО ОТНОШЕНИЮ
К ПЕРВОМУ ПРАВИТЕЛЬСТВУ НЕЗАВИСИМОГО АЛЖИРА
в 1962 г.**

A.N. Voskresenskaia

**THE POSITION OF THE FRENCH FOREIGN MINISTRY
TOWARDS THE FIRST GOVERNMENT OF INDEPENDENT
ALGERIA IN 1962**

Аннотация. Дискуссия по проблеме деколонизации стран Африки продолжается и в наши дни, данное направление является одним из перспективных в современной историографии. В настоящей статье представлен анализ складывания нового формата франко-алжирских отношений после обретения Алжиром независимости в контексте политического, социально-экономического, культурного и языкового взаимодействия двух стран. Тема исследования представляется актуальной на фоне празднования 60-й годовщины подписания Эвианских соглашений, провозгласивших окончание войны за национальное освобождение Алжира (1954–1962 гг.). После того, как соглашения были подписаны, встала задача реализации их на практике. Оба государства столкнулись с необходимостью выстраивать отношения на основе принципов относительного равноправия, политического, экономического и культурного сотрудничества. Трудности, неизбежно возникавшие в процессе становления молодого алжирского государства (острая нехватка финансовых средств, ограниченные технические возможности, отсутствие квалифицированных кадров), позволяли Франции укрепить свои позиции в Алжире путем предоставления экономической и гуманитарной помощи бывшему колониальному владению. Алжир, находясь долгое время под прямым управлением Французской Республики, был не способен конкурировать с сильной в политическом и экономическом отношении экс-метрополией. В статье рассматриваются основные направления и результаты политики французского правительства в отношении независимой Алжирской Республики за небольшой, но критически важный период — март–декабрь 1962 г. Делается вывод о том, что Эвианские соглашения стали основой для формирования франко-алжирских отношений, обозначили основные векторы и критерии для межгосударственного со-

Воскресенская Анна Николаевна, аспирант кафедры новой и новейшей истории исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

*Voskresenskaia Anna Nikolaevna, Postgraduate Student, Department of Modern and Contemporary History, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University
+7-985-475-56-99; annavoskr2597@mail.ru*

трудничества. Тем не менее практика выполнения этих соглашений показала, что намеченные Францией планы потерпели неудачу. НеокOLONиалистский характер французской политики стал причиной осложнения сотрудничества с Алжиром. В связи с этим руководство Пятой Республики было вынуждено оперативно реагировать и пересматривать свою политику на данном направлении, вырабатывать новые способы выстраивания отношений с Алжиром на ближайшее будущее и на перспективу.

Ключевые слова: деколонизация, Эвианские соглашения 1962 г., война за независимость Алжира (1954–1962), отношения Франции с независимым Алжиром, Шарль де Голль, Ахмед Бен Белла.

Abstract. The problem of the decolonization of African countries continues to be a subject of an ongoing discussion, and this direction is one of the most promising in modern historiography. This article analyzes the development of a new format of Franco-Algerian relations after Algeria had gained independence, putting it in the context of political, socio-economic, cultural and linguistic interaction between the two countries. The research topic seems relevant in connection with the sixtieth anniversary of the signing of the Évian Accords, which proclaimed the end of the war for the national liberation of Algeria (1954–1962). Once the agreements had been signed, the parties had to deal with the task of putting them into practice. Both states were faced with the challenge to build relations based on the principles of relative equality, political, economic and cultural cooperation. The difficulties that inevitably arose during the formation of the young Algerian state (acute lack of financial resources, limited technical capacities, lack of qualified personnel) allowed France to strengthen its position in Algeria by providing economic and humanitarian assistance to the former colonial possession. Algeria, having been for a long time under the direct control of the French Republic, was not able to compete with the former metropolis, which was politically and economically strong. The article discusses the main directions and results of the policy of the French government towards the independent Algerian Republic within a short but critical period – March–December 1962. It is concluded that the Évian Accords became the basis for the formation of Franco-Algerian relations, and outlined the main vectors and criteria for interstate cooperation. Nevertheless, the practical implementing of these agreements showed that the plans outlined by France had failed. The neo-colonialist nature of French policy caused complications in cooperation with Algeria. In this regard, the leadership of the Fifth Republic was forced to respond quickly and revise its policy in this area, to develop new ways of building relations with Algeria for nearest future and in the long haul.

Keywords: decolonization, 1962 Évian Accords, Algerian War of Independence 1954–1962, French relations with independent Algeria, Charles de Gaulle, Ahmed Ben Bella

* * *

На протяжении более чем 130 лет, с 1830 г., Алжир являлся колониальным владением Франции. Политика колониальной администрации во многом сдерживала его социально-экономическое

развитие. Внешний контроль осуществлялся через французские политические институты¹. Такой режим «прямого управления» фактически означал поражение в политических и личных правах большинства коренных жителей (арабов и берберов)². Вместе с тем велась активная европейская переселенческая колонизация, которая сопровождалась отторжением под различными предлогами земель у местного населения. Как следствие, в руках европейских компаний были сконцентрированы огромные земельные ресурсы Алжира. Такие действия предсказуемо негативно сказывались на экономике страны. Алжир по сути оставался аграрной страной с монокультурным сельским хозяйством. Лица, имеющие французское гражданство, занимали преобладающее место в политической жизни. Европейцы, численность которых оценивалось в миллион человек, и мусульмане, которых насчитывалось от 8 до 9 миллионов, имели одинаковое число представителей в Алжирской ассамблее и в Национальном собрании Франции. Такая политика вела к назреванию конфликта и активизации мощного движения за независимость Алжира, которое в итоге вылилось в кровопролитную франко-алжирскую войну 1954–1962 гг. Итогом боевых действий между двумя государствами стало подписание Эвианских соглашений³. Это был сложный и многогранный компромисс, практическое значение и толкование которого в большой мере зависело от перспектив развития ситуации в этом регионе.

В соответствии с Эвианскими соглашениями предусматривалось: немедленное прекращение огня в Алжире; организация власти на переходный период: образование временного исполнительного органа, состоящего из французов и алжирцев на паритетных началах; подготовка и проведение референдума по самоопределению алжирского народа в течение трех–шести месяцев со дня подписания договора. Деятельность Фронта национального освобождения Алжира объявлялась легальной. Вместе с тем Временное правительство Алжирской Республики (ВПАР) было вынуждено принять ряд французских требований: признание де-факто частичного французско-

¹ Mezerik A.G. The Algerian-French conflict. International impacts, UN action. New York, 1958. P. 3.

² Кирей Н.И. Алжир и Франция. 1962–1971. (Проблемы экономических и политических отношений). М., 1973. С. 10.

³ Ряд соглашений, заключенных между правительствами Франции и Алжирской Республикой 18 марта 1962 г., об условиях прекращения военных действий и послевоенном сотрудничестве. Текст документа состоит из двух частей: первая — Соглашение «О прекращении огня в Алжире», вторая — семь правительственных деклараций от 19 марта 1962 г., касающихся условий самоопределения Алжира и выстраивания последующих взаимоотношений с Францией.

го суверенитета над Алжиром в течение переходного периода; обеспечение гарантий сохранения экономических интересов Франции на территории Алжира, а также право на сохранение Францией нескольких военных баз. Французское правительство, в свою очередь, брало на себя обязательство предоставлять независимому Алжиру экономическую, техническую и культурную помощь⁴. Однако интерпретация этих положений, так же как и подходы к их реализации, у двух сторон существенно различались, что показали уже первые месяцы взаимодействия Франции с независимым Алжиром.

В данной работе рассматриваются первые шаги французского МИД по отношению к независимому Алжиру, анализируется развитие отношений, складывавшихся между метрополией и ее бывшим колониальным владением после подписания Эвианских соглашений. Хронологические рамки исследования ограничиваются мартом–сентябрем 1962 г. Нижний хронологический рубеж связан с назначением на пост первого посла Франции в Алжире Жана-Марселя Жаннени и поиском новых способов выстраивания двусторонних отношений. Верхний хронологический рубеж обусловлен отставкой посла и началом пересмотра французской политики в отношении Алжирской Республики.

Тема североафриканской политики Франции на протяжении многих лет вызывает острый интерес у зарубежных и отечественных авторов. Среди ключевых работ следует выделить монографии Н.И. Кирея, Р.Г. Ланды, А.М. Васильева, П.П. Черкасова. Из работ по внешней политике Франции применительно к североафриканскому региону стоит отметить исследования Е.О. Обичкиной, Т.Г. Пархалиной и Н.П. Подгорновой. Из зарубежных трудов наибольший интерес представляют работы следующих авторов: М. Вайса, Ф. Бюи, Ж. Дюкло, Л. Терренуара, П.-М. Горса. Однако проблема постколониальных взаимоотношений Франции и Алжира изучена значительно слабее. В частности, следует отметить работу американского исследователя Ф. Нейлора «Франция и Алжир: история деколонизации и трансформации»⁵. Автор проводит подробный анализ формирования двусторонних отношений между Францией и Алжиром, начиная с 1830 г. и заканчивая 1998 г. В перечисленных работах лишь фрагментарно рассматриваются вопросы, связанные с темой настоящего исследования, что подтверждает необходимость в ее дальнейшей разработке.

⁴ См. подробнее: Les Accords d'Évian. — URL: https://www.axl.cefan.ulaval.ca/afrique/algerie-accords_d'Evian.htm (дата обращения: 10.04.2022).

⁵ Naylor Ph. C. France and Algeria. A History of Decolonization and Transformation. Gainesville, 2000.

После событий 1962 г. в североафриканском регионе стали происходить явные изменения, обусловленные формированием нового политического порядка. Существенная роль в запуске этого процесса вполне предсказуемо принадлежала Франции. В Париже отдавали отчет в том, что ситуация в мире стремительно меняется. Не имея возможности препятствовать освобождению своих бывших колоний, Франция была вынуждена играть на опережение и обозначить свои приоритеты и интересы в новой системе международных координат. Скорректированный внешнеполитический курс Франции по отношению к бывшим африканским владениям был напрямую связан с именем президента Пятой Республики Шарля де Голля⁶. В основе французской политики применительно к странам Северо-Западной Африки лежала разработанная им система взаимоотношений с африканскими государствами, которая впоследствии получила название «арабская политика»⁷. Идея деколонизации как ответственности Франции за «отпущенные на свободу» африканские территории постепенно трансформировалась в официальную концепцию, которой в дальнейшем руководствовались многие его последователи⁸.

После обретения Алжиром независимости африканская политика первого президента Пятой Республики приобрела ярко выраженный патерналистский характер. Она предусматривала установление тесных двусторонних связей. Для такого подхода существовал ряд веских причин, первая из которых — стремление политического руководства Франции восстановить пошатнувшийся статус великой державы. Укрепить политическое влияние оно рассчитывало посредством установления прочных добрососедских отношений со странами «третьего мира»⁹. Статус страны-мироотворца, активного участника разрешения внешнеполитических споров и конфликтов, наконец, государства, активно поддерживающего демократические

⁶ Шарль де Голль занимал пост президента Франции с 8 января 1959 г. по 28 апреля 1969 г.

⁷ По утверждению французского политолога Х. Шеригю, этим термином обозначались отношения Франции с бывшими колониями, в первую очередь с Алжиром, после заключения Эвианских соглашений 1962 г. В последующем под ним стали подразумевать отношения Франции с арабским миром в целом в условиях биполярности. См. подробнее: *Карева Д. О. Средиземноморская политика Франции в конце XX — начале XXI вв. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2015. С. 29.*

⁸ *Высоцкая Н. И. Африканская политика Франции (конец XX — начало XXI века): очерки. М., 2006. С. 11.*

⁹ *Афоньшина А. И., Корнилов А. А. Развитие политики Франции на Ближнем востоке и в Южном Средиземноморье: опыт президента Ш. де Голля и президентов-неоголлистов // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2018. № 5. С. 11.*

режимы, должен был способствовать распространению французского влияния в североафриканском регионе.

Итоги франко-алжирского военного конфликта пагубно сказывались на репутации Франции в глазах мировой общественности. Для де Голля в первые годы его президентства приоритетом стало решение алжирского вопроса мирным путем. Это дало бы главе Пятой Республики значительно большую свободу действий во внешней политике. В своем выступлении 26 марта 1962 г. генерал Ш. Де Голль отметил: «Представляя законопроект о референдуме французскому народу, я предлагаю ему торжественно принять меры, предусмотренные в правительственных декларациях от 19 марта, в том, что касается, с одной стороны, прекращения огня и самоопределения в Алжире, с другой стороны, связи Франции с этой страной <...>. Эвианские соглашения и декларации, на основании которых правительство сформулировало их, представляют собой гораздо больше, чем конец боевых действий. Для вечной Франции и для завтрашнего Алжира речь идет о том, чтобы вместе продвигать общее дело цивилизации, поскольку сотрудничество, к которому приступают две нации, на самом деле состоит именно в этом. Для молодой страны, которая должна только появиться, есть только одна альтернатива: развитие или хаос. Однако сильную, постоянную и последовательную помощь она сможет получить только от нас»¹⁰.

Это выступление наглядно демонстрирует готовность Французской Республики выстраивать отношения с ее бывшим колониальным владением на основе «взаимовыгодных» условий. Однако эта взаимовыгодность трактовалась весьма своеобразно. Оказывая политическую и финансовую поддержку Алжиру, руководство Пятой Республики на деле стремилось вновь поставить его под свой контроль, но уже новыми средствами, для чего в тексте Эвианских соглашений были заложены достаточные возможности. Политика Франции в отношении североафриканской страны, ориентированная преимущественно на защиту своих привилегированных политических и экономических интересов, осуществлялась путем установления тесных двусторонних экономических и военно-политических связей¹¹. Это должно было позволить Франции занять прочные позиции на территории молодого суверенного государства и надежно

¹⁰ Discours de Charles de Gaulle. Paris. 26 mars.1962. Archives historiques des Communautés européennes. Florence. — URL: https://www.cvce.eu/en/obj/address_given_by_charles_de_gaulle_paris_26_march_1962-en-9450eb9e-215a-4577-96d3-57535399a804.html (дата обращения: 23.03.2022).

¹¹ Подгорнова Н.П. Политика Франции в странах Северо-Западной Африки. М., 2015. С. 32.

контролировать процессы его становления в том ключе, который был выгоден Парижу. Начало реализации этих задач было поручено французскому дипломатическому представительству, созданному в Алжире вскоре после заключения Эвианских соглашений. Так как со стороны Республики делался больший упор на социально-экономическую сферу во франко-алжирских отношениях, на пост первого посла был назначен бывший министр промышленности и торговли Жан-Марсель Жаннени. Это событие нашло отклик в прессе. Издание "Le Monde" в частности писало: «Опытный экономист, ... он станет главным проводником идеи сотрудничества между Францией и независимым Алжиром...»¹².

О задачах, поставленных перед первым послом, красноречиво свидетельствуют инструкции, полученные им во французском МИД. Послу поручался контроль за практической реализацией положений Эвианских соглашений в выгодном для французской стороны ключе. Одновременно с этим делался акцент на развитие дружественного диалога между двумя государствами, что исключало бы любые поводы для упреков в восстановлении прежней политики «колониализма»¹³. Французские власти отчетливо понимали, что малейший непродуманный жест со стороны Франции мог быть рассмотрен, как вмешательство во внутренние дела Алжира. В дальнейшем это могло привести к осложнению ситуации в целом и стать серьезным поводом для ответных мер со стороны алжирского правительства¹⁴.

Вопрос о статусе французского меньшинства в Алжире

Одной из проблем, волновавших правительство Пятой Республики, являлся статус французов в Алжире. С момента обретения Алжиром независимости многие европейцы стали жертвами преследований, похищений, убийств и жестокого обращения. Среди мусульманского населения прошел слух, будто радикально настроенные французы намерены истреблять арабов. Под этим предлогом началась самая настоящая охота на бывших колонистов и их потомков¹⁵. По данным французского МИД за 1962 г., около 2800 европей-

¹² Le Monde. 1964. 4 juillet.

¹³ Documents diplomatiques français (далее — DDF). 1962. Т. II. Paris, 1999. № 162. M. Jeanneney, Ambassadeur, Haut Représentant de la France en Algérie, a M. Couve de Murville, Ministre des Affaires Étrangères. P. 138.

¹⁴ DDF. 1962. Т. II. № 42. Instruction pour l'ambassadeur de France à Alger. 09/08 1962. P. 124.

¹⁵ 5 июля 1962 г. в Оране, одном из североафриканских городов, начались массовые убийства европейского населения. Под различными предлогами французов выманивали из собственных домов, издевались и убивали, не щадя

цев пропали без вести, около 200 человек были убиты¹⁶. В качестве меры по решению этого вопроса французские власти предлагали создать смешанные следственные комиссии. В их обязанности входил контроль за расследованием преступлений в отношении пропавших без вести французов на территории алжирского государства¹⁷.

В целом можно сказать, что эти меры оказались неэффективными. В записках посла не раз фигурировали фразы о том, что Франция не может добиться от алжирских властей каких-либо действий по разрешению данной проблемы. Вскоре под угрозой массового истребления большая часть европейского населения страны была вынуждена эмигрировать на историческую родину, во Францию. Однако среди франкоалжирцев¹⁸ были и те, кто изъявил желание остаться. В этой ситуации приоритетным направлением деятельности французского посольства стало оказание помощи «европейскому сообществу, которое только что потеряло монополию на власть, адаптироваться к новым политическим реалиям. Одновременно с этим, не усложняя отношений с правительством Алжирской Народной Демократической Республики (АНДР)», необходимо было «обеспечить нормальный уровень жизни для граждан Франции, всё еще проживающих в Алжире»¹⁹.

Однако были обстоятельства, которые существенно осложняли ситуацию. Согласно одному из пунктов Эвианских соглашений, франкоалжирцы не могли пользоваться правом на двойное гражданство. Это означало, что «по истечении трехлетнего срока они обязуются подать заявку на получение алжирского гражданства»²⁰. Из документов видно, что французские дипломаты прилагали максимум усилий для того, чтобы заинтересовать франкоязычное население страны в получении алжирского гражданства, предоставляя взамен гарантии на защиту его интересов²¹. Важно подчеркнуть, что

даже женщин и детей. После этого большая часть франкоалжирцев покинула Алжир, спасаясь бегством. Этот кровопролитный эпизод позже получил название «Оранская резня».

¹⁶ DDF. 1962. T. II. № 155. Note du Ministère d'état chargé des Affaires Algériennes. De la protection des personnes en Algérie. P. 423.

¹⁷ Ibid. P. 424.

¹⁸ Франкоалжирцы, также *пье-нуар* (в переводе означает «черноногие») — термин для обозначения европейского населения, проживавшего на территории Алжира в колониальный период (1830–1962 гг.).

¹⁹ DDF. 1962. T. II. № 181. L. Joxe, Ministre d'État chargé des Affaires Algériennes à M. Jeanneney, Ambassadeur, Haut Représent de la France en Algérie. P. 475.

²⁰ Les accords d'Évian. Déclarations Gouvernementales du 19 mars 1961 Relatives à l'Algérie. De la Coopération entre la France et l'Algérie. Chapitre II. Art. 2. — URL: http://www.axl.cefan.ulaval.ca/afrique/algerie-accords_d%27Evian.htm (дата обращения: 10.04.2021)

²¹ DDF. 1962. T. II. № 42. Instruction pour l'ambassadeur de France à Alger. P. 128.

лоббирование интересов французской диаспоры осуществлялось последовательно и настойчиво, однако, выполняя эти задачи, правительство Франции считалось с непростой внутривнутриполитической ситуацией в Алжире и старалось не спровоцировать своей деятельностью какого-либо негативного общественного резонанса в столь щепетильном вопросе.

Внутриполитические вопросы

Обретя независимость, политическое руководство АНДР провозгласило социалистический путь развития страны как во внутриполитической, так и во внешнеполитической областях. После продолжительного заседания в ночь с 28 на 29 сентября 1962 г. главой алжирского правительства был назначен Ахмед Бен Белла²². В своем публичном выступлении он обозначил основные направления будущей политической программы, согласно которой провозглашался курс на построение социализма, национализацию ключевых отраслей экономики, перевод под контроль государства минеральных и энергетических ресурсов, проведение аграрной реформы, проведение независимой внешней политики²³. «Мы намерены построить алжирский социализм, который основывается на нашем национальном опыте, а также использует опыт других социалистических государств», — указывал Бен Белла в интервью²⁴. Французское руководство с большим опасением отнеслось к некоторым пунктам новой политической программы, поскольку реализация отдельных ее положений могла негативно сказаться на интересах Франции²⁵.

В октябре 1962 г. между французским послом и премьер-министром АНДР состоялась встреча, на которой обсуждались актуальные вопросы двустороннего сотрудничества²⁶. После долгих переговоров французские дипломаты пришли к выводу, что новоизбранный руководитель Алжирской Республики решительно настроен пересмотреть некоторые положения Эвианских соглашений, которые, по его мнению, ущемляют национальные интересы Алжира. В частности, упоминалось интервью Бен Беллы канадскому радио,

²² Ахмед бен Белла — алжирский деятель национально освободительного движения. Занимал пост премьер-министра Алжира с сентября 1962 по июнь 1965 г. В сентябре 1963 г. был избран на пост президента АНДР. Занимал эту должность до июля 1965 г.

²³ DDF. 1962. T. II. № 92. M. Jeanneney, Ambassadeur, Haut Représentant de la France en Algérie a M. Couve de Murville, Ministre des Affaires Étrangères. P. 261–262.

²⁴ Le Monde. 1962. 29 septembre.

²⁵ DDF. 1962. T. II. № 162. M. Jeanneney, Ambassadeur, Haut Représentant de la France en Algérie a M. Couve de Murville, Ministre des Affaires Étrangères. P. 141.

²⁶ Le Monde. 1962. 2 octobre.

в котором глава Алжира заявил: «Хотя правительство дало обещание Франции соблюдать условия соглашений, тем не менее их принципы представляют собой компромисс, в некотором смысле несовместимый с социалистическими перспективами страны»²⁷. Кроме того, французские власти были серьезно встревожены заявлением Бен Беллы о намерениях выступить против сохранения французского ядерного арсенала на территории алжирской Сахары. Подобные высказывания не только негативно сказывались на политическом климате в отношениях двух государств, но и усиливали напряженность между ними. В качестве ответных мер МИД Франции дал указания посольству обратить внимание местных властей на то, насколько французская сторона обеспокоена происходящими в регионе событиями. В случае нарушения условий соглашения она была намерена ограничить предоставление финансовой и технической помощи Алжиру, в которой он так нуждается²⁸.

Вопросы внешней политики

Еще один важный вопрос, волновавший французские дипломатические круги, состоял в том, какое направление получит вектор развития будущих внешнеполитических отношений Алжирской Республики. Франция предпринимала всевозможные попытки, чтобы удержать в орбите своего влияния важный в стратегическом плане регион. В виду этого французские власти с большой настороженностью отнеслись к тому факту, что Алжир стал активно сотрудничать с Кубой. В ноте Государственного секретаря по делам Алжира от 19 октября 1962 г. указывалось, что между главой Алжирской Республики Бен Беллой и кубинским революционным лидером Фиделем Кастро состоялось деловая встреча²⁹. Французская дипломатия полагала, что это был не просто визит вежливости. Бен Белла находился с официальным визитом в Гаване 16–17 октября. В совместном коммюнике, опубликованном после встречи, главы двух государств заявили: «Отмена колониализма, империалистического угнетения и неоколониализма является необходимым предварительным условием для устранения опасности термоядерной войны», и подтвердили свою приверженность любому предложению по запрету использования ядерного оружия и хранения его на территории Северной Африки³⁰.

²⁷ DDF. 1962. T. II. № 106. Note du Ministère d'état chargé des Affaires Algériennes. Orientations du gouvernement algérien. P. 305.

²⁸ Ibid. P. 306.

²⁹ DDF. 1962. T. II. № 106. Note du Ministère d'état chargé des Affaires Algériennes. Orientations du gouvernement algérien. P. 306.

³⁰ Ibid. P. 305.

Во франко-алжирские отношения добавилась еще одна трещина. Однако, несмотря на резкие заявления со стороны Бен Беллы, французское правительство было настроено скорее примирительно. «Такого рода высказывания не должны на данном этапе побуждать нас к отмене решения о предоставлении финансовой и экономической помощи, в которой так нуждается алжирское правительство. Напротив, таким способом мы можем помочь новому государству в короткие сроки адаптировать свои структуры в соответствии с западными стандартами. Возможно, подобная риторика со стороны алжирского лидера могла быть вызвана его неопытностью во внешнеполитических вопросах», — указывал глава государственного Секретариата по делам Алжира³¹. По его мнению, Франция пока должна лояльно отнестись к заявлениям Бен Беллы, однако игнорировать их не стоит.

Французские власти серьезно опасались распространения влияния идей социализма в регионе. Безусловно, на момент обретения Алжиром независимости еще рано было говорить о какой-либо явной угрозе проникновения в регион Советского Союза, тем не менее упоминания об этом уже встречались в документах внешнеполитического ведомства Франции. Париж отчетливо понимал, что страны социалистического лагеря являются перспективной силой, способной если не свести к нулю старания Франция по укоренению в регионе, то существенно ограничить эффективность действия программ, которые удерживали эти территории в сфере французского влияния³². На это были свои причины. Риторика алжирских властей свидетельствовала, что приоритетом внешней политики независимого Алжира будут отношения с социалистическими странами, прежде всего с СССР. Это никак не вязалось с внешнеполитическим курсом Франции в регионе.

Чтобы минимизировать угрозу советского вмешательства в Северной Африке правительство Франции предпринимало значительные усилия по установлению связей с новыми правящими элитами стран Магриба и превращению их в союзников. Париж, оценивая ситуацию в целом, придерживался следующей позиции: «Необходимо использовать любую возможность для того, чтобы нивелировать советское влияние в регионе. Для этого важно всячески способствовать политическому сближению Алжира со своими соседями в Магрибе»³³. Иными словами, Франция рассчитывала

³¹ Ibid. P. 306.

³² Богучарский Е.М. СССР и Алжир. 60-е — 70-е годы XX века // Новая и новейшая история. 2008. № 3. С. 11.

³³ DDF. 1962. T. II. № 42. Instruction pour l'ambassadeur de France à Alger. P. 126.

использовать ранее налаженные связи с двумя другими странами североафриканского региона — Королевством Марокко и Тунисской Республикой — для удержания этих государств в сфере своего влияния и сближения их с АНДР.

Предоставление Алжиру независимости также должно было способствовать улучшению отношений Франции с другими странами тропической Африки (Конго, Южная Африка, Ангола), существенно осложнившихся на фоне войны в Алжире. По мнению французского МИД, нельзя было допустить, чтобы Африка была расколота на два враждебных блока. Франция надеялась, что, предоставив Алжиру независимость, сможет наладить отношения с недоброжелательно настроенными к Франции африканскими странами и с государствами, занимающими нейтральную позицию³⁴. В целом, укрепляя свое влияние на Африканском континенте, как и в других странах «третьего мира», руководство Франции стремилось, как уже было сказано, восстановить пошатнувшийся статус великой державы.

Таким образом, позиция МИД Франции в вопросах межгосударственного сотрудничества Алжира с другими странами исходила из того, что не следует напрямую требовать от алжирского правительства проведения внешней политики в соответствии с французскими интересами. Допускалась возможность, чтобы на начальном этапе государственного становления Алжир самостоятельно проводил внешнюю политику, не противореча при этом французской позиции. Исполнение этого требования возлагалось на главу французского посольства, который был обязан следить за выстраиванием прочных связей между метрополией и ее бывшим колониальным владением. Париж стремился сделать Алжир связующим звеном между Европой и Африкой и старался не дать Алжиру сместить вектор своих интересов на Восток³⁵.

Экономическое сотрудничество

По поручению МИД Франции посольство должно было жестко контролировать ход выполнения торгово-экономических положений Эвианских соглашений, поскольку социально-экономические отношения считались приоритетной сферой двустороннего сотрудничества. Руководство Пятой Республики и его дипломатия рассчитывали упрочить французские позиции в Алжире посредством вливания финансовых средств в экономику молодого государства, в частности, обеспечивая приток частных и государственных инве-

³⁴ Ibid. P. 127.

³⁵ Ibidem.

стиций в нефтяную сферу. С помощью отдельных пунктов, включенных во вторую часть соглашений, Франция рассчитывала запустить комплекс скрытых мер, который бы препятствовал Алжиру стать по-настоящему независимым в экономическом и социальном плане государством³⁶. Французское руководство рассматривало исполнение экономических программ «помощи» в качестве надежных гарантий сохранения французских интересов в Алжире. Помимо этого, растущее влияние социалистических государств и их помощь освободившимся странам «третьего мира» способствовала активизации финансовой и технической помощи со стороны Франции бывшему колониальному владению³⁷.

Франция начала оказывать материальную поддержку Алжиру с декабря 1962 г. Начало дискуссий по вопросам предоставления финансовой помощи нашло отражение во французской прессе. К примеру, «Le Monde» отмечала, что 3 декабря 1962 г. в Париже состоялись первые переговоры на министерском уровне. Представители обеих стран определили основные пункты дальнейших дискуссий: финансовая и техническая помощь, а также вопросы защиты прав собственности французов на территории Алжира³⁸. Из документов государственного секретариата по делам Алжира известно, что французские власти обязались предоставить правительству Алжира заем на сумму в 1050 млн франков в течение следующих трех лет. Алжир, в свою очередь, брал на себя обязанность остаться в зоне франка и выстраивать торговые отношения с Францией на основе преференций³⁹.

Кроме того, Франция стремилась обеспечить себе легальный доступ к полезным ископаемым Алжира и получение стабильной прибыли от их реализации. Декларация об эксплуатации Сахарской территории однозначно подтверждала права французских нефтяных концессий на добычу и транспортировку полезных ископаемых, находящихся в указанной местности. Открытие углеводородных богатств Алжира во время войны за независимость являлось очень важным переговорным фактором, поскольку алжирская сторона получала возможность «выторговывать» определенные преференции у гораздо более экономически развитого государства с пользой для своей национальной экономики. Франция же таким способом хотела обеспечить

³⁶ Бен Юсеф Бен Хаддат. Нагайати харбит тахрири фи аль-джазаир. Итыфакияти Аявиан [Конец алжирской освободительной войны. Эвианские соглашения]. Алжир, 1987. С. 105–106.

³⁷ Кирей Н.И. Эвианские (франко-алжирские) соглашения и практика их выполнения (1962–1967 гг.). Дис. ... канд. ист. наук. Ростов-на-Дону, 1969. С. 110.

³⁸ Le Monde. 1962. 3 décembre.

³⁹ DDF. 1962. T. II. № 42. Instruction pour l'ambassadeur de France à Alger. P. 124.

свои инвестиции в регионе⁴⁰. Согласно Декларации, Алжир получал привилегии по распределению прав на добычу полезных ископаемых и обладал полным суверенитетом в принятии законодательства о добыче нефтяных ресурсов. Однако сохраненный в силе французский Сахарский нефтяной кодекс 1958 г. (*Code Pétrolier Saharien*) защищал французские интересы, таким образом, французские нефтяные и горнорудные компании получали определенные прерогативы при предоставлении концессий⁴¹. Учитывая тот факт, что алжирские власти всеми способами стремились внести коррективы в положения нефтяного кодекса (в свою пользу), французское представительство в этом вопросе успешно справлялось с поставленной задачей.

28 августа 1962 г. между правительствами Франции и Алжира были подписаны две конвенции о принципах сотрудничества в целях освоения богатств недр Сахары. В этих документах определялись условия, по которым Франция получала право на добычу полезных ископаемых на территории алжирской Сахары; дополнительно уточнялись принципы применения нефтяного Кодекса, а также обсуждались детали создания специализированного органа, предназначенного для регулирования отношений между двумя странами в нефтяной сфере. За последующие четыре месяца были предприняты необходимые меры, направленные на укрепление сотрудничества между двумя странами в нефтегазовой отрасли. Подтверждением служат слова Л. Джокса, министра по делам Алжира: «Франко-алжирский диалог дал значительные результаты в этом вопросе. Это, несомненно, положительный аспект, так как французская сторона может не беспокоиться, что ее гарантии на добычу полезных ископаемых будут нарушены»⁴².

Франко-алжирское сотрудничество в культурной сфере

Французское правительство помимо всего прочего делало ставку и на укрепление культурных связей между двумя странами. Вопросы культурной дипломатии играли не последнюю роль в контексте франко-алжирских отношений. Так, в соглашениях предусматривалось, что Франция получала право на создание в Алжире учебных заведений и других культурных учреждений⁴³. Однако это

⁴⁰ Бен Юсеф Бен Хаддат. Указ. соч. С. 110.

⁴¹ Naylor Ph.C. Op. cit. P. 37.

⁴² DDF. 1962. T. II. № 150. Note du Ministère d'état chargé des Affaires Algériennes. P. 413.

⁴³ Les accords d'Évian. Du règlement des questions militaires. Chapitre III. — URL: http://www.axl.cefan.ulaval.ca/afrique/algerie-accords_d%27Evian.htm (дата обращения: 10.04.2022)

положение требует некоторого уточнения: французской стороне было важно соблюдать баланс в этом вопросе, именно поэтому она заботилась о том, чтобы созданные французские культурные и академические учреждения не составляли явную конкуренцию алжирским⁴⁴. Вместе с тем Пятая Республика брала на себя обязательства по предоставлению Алжиру необходимых средств для обеспечения качественного уровня образования и подготовке алжирских технических специалистов. Эти положения были определены рядом факторов. Во-первых, последствия колониальной зависимости во многом препятствовали культурно-техническому прогрессу алжирского общества; во-вторых, в учебных заведениях отсутствовал высококвалифицированный преподавательский состав; в-третьих, существовала острая нехватка финансовых и материальных средств.

В контексте культурного сотрудничества рассматривался и достаточно важный вопрос о роли французского языка как средства межнационального общения. Начиная с 1962 г. правительство Алжира стало проводить мероприятия, направленные на изменение культурной политики. В частности, усиливалась арабизация в сфере высшего образования, создавалась сеть исламских учебных учреждений, внедрялось изучение ислама и истории мусульманской цивилизации. Несмотря на проведение политики по укреплению исламизации как способа установления подлинной алжирской идентичности вопрос о распространении французского языка в алжирской среде оставался крайне актуальным для Франции, учитывая тот факт, что сама элита алжирского общества была франкоязычной. Таким образом, в Алжире французский язык и французская культура стали частью национальной идентичности. Принимая это во внимание, французское посольство в Алжире предлагало следующие условия: сохранение структуры французского образования; предоставление французскому языку статуса первого иностранного языка, де-факто, выдвигая идею установления двуязычия в Алжире⁴⁵.

* * *

Эвианские соглашения во многом заложили фундамент для формирования новых франко-алжирских отношений, обозначили направления и критерии для межгосударственного сотрудничества. Однако практика выполнения этих соглашений показала, что ряд их положений изначально способствовал укреплению главенствующей роли Франции в новых реалиях и зависимого положения Алжира. Экономически слабое молодое государство, без опыта в междуна-

⁴⁴ DDF. 1962. Т. II. № 42. Instruction pour l'ambassadeur de France à Alger. P. 125.

⁴⁵ Ibidem.

родных делах не могло конкурировать с политически и экономически сильной Францией. К тому же Алжир реально нуждался в экономической помощи и протекции со стороны государства, имеющего авторитет и вес на международной арене. На этот фактор делало ставку французское правительство.

Политическое руководство Алжира считало экономическое сотрудничество с бывшей метрополией одним из основных внешнеэкономических факторов социально-экономического развития страны, стараясь грамотно его использовать в своих интересах⁴⁶. При этом алжирские власти, действуя в рамках соглашений, на самом деле стремились к пересмотру тех положений договора, которые находились в явном противоречии с интересами алжирского государства. Об этом свидетельствовали неоднократные публичные выступления главы Алжирской Республики А. Бен Беллы, в которых он указывал на необходимость пересмотра ключевых принципов франко-алжирского сотрудничества⁴⁷.

Осложнению двухсторонних отношений во многом способствовала реализуемая Францией неоколониалистская политика, а также проведение Францией испытаний ядерного оружия в Алжирской Сахаре⁴⁸. В результате Алжир вскоре начал постепенную национализацию большей части французской земельной собственности, под его контроль перешли практически все внешние финансовые и внешнеторговые операции. Также, не усложняя ситуации, Алжир предпринял ряд мер по ограничению валютной и торговой зависимости от бывшей метрополии⁴⁹.

Такое развитие событий свидетельствовало о явной неудаче в реализации планов, намеченных Францией сразу после установления дипломатических отношений с независимым Алжиром. Ответственность за это Париж возложил на прямого исполнителя. Жан-Марсель Жаннени в январе 1963 г был смещен с должности посла Франции в Алжире, а на его место был назначен Жорж Горс.

С начала 1963 г. Пятая Республика была вынуждена оперативно пересматривать политику в отношении Алжира и искать новые способы выстраивания двусторонних отношений. В качестве превентивной меры воздействия на выходявшего из-под контроля экономического партнера Франция уменьшила объемы финансовой помощи, которую ранее обязалась предоставлять Алжирской Рес-

⁴⁶ Кирей Н. И. Алжир и Франция... С. 109.

⁴⁷ DDF. 1962. Т. II. №. 106. Note du Ministère d'État chargé des Affaires algériennes. Orientations du gouvernement algérien. P. 305.

⁴⁸ Первое французское ядерное испытание было проведено 13 февраля 1960 г. на полигоне в центре алжирской Сахары, близ Реггана.

⁴⁹ Кирей Н. И. Эвианские (франко-алжирские) соглашения ... С. 331–332.

публике. Это свидетельствовало о том, что Париж, по сути, признал несбыточность своих планов по сохранению доминирующего влияния в Алжире и все чаще стал довольствоваться ролью наблюдателя в региональных политических процессах.

Список литературы

Афоньшина А.И., Корнилов А.А. Развитие политики Франции на Ближнем востоке и в Южном Средиземноморье: опыт президента Ш. де Голля и президентов-неоголлистов // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2018. № 5. С. 916.

Бен Юсеф, Бен Хадда. Нагайяти харбит тахрири фи аль-джазаир. Иты-факияти Аявиан. [Конец алжрской освободительной войны. Эвианские соглашения]. Алжир: Аль-Джамет, 1987. 139 с.

Богучарский Е.М. СССР и Алжир. 60-е — 70-е годы XX века // Новая и новейшая история. 2008. № 3. С. 51–64.

Высоцкая Н.И. Африканская политика Франции (конец XX — начало XXI века): очерки. М.: Институт Африки, 2006. 167 с.

Карева Д.О. Средиземноморская политика Франции в конце XX — начале XXI вв. Дис. ... канд. ист. наук. М.: МГУ, 2015. 291 с.

Кирей Н.И. Эвианские (франко-алжирские) соглашения и практика их выполнения (1962–1967 гг.). Дис. ... канд. ист. наук. Ростовский-на-Дону государственный университет, 1969. 403 с.

Кирей Н.И. Алжир и Франция. 1962–1971. (Проблемы экономических и политических отношений). М.: Наука, 1973. 235 с.

Подгорнова Н.П. Политика Франции в странах Северо-Западной Африки. М.: Институт Ближнего Востока, 2015. 111 с.

Kerherve A. La politique arabe du général de Gaulle. Gaullisme. fr. 18 avril 2010. — URL: <http://www.gaullisme.fr/2010/04/18/la-politique-arabe-du-general-de-gaulle/> (дата обращения: 10.04.2022).

Mezerik A.G. The Algerian-French conflict. International impacts, UN action. New York: International Review Service, 1958. 39 p.

Naylor Ph.C. France and Algeria. A History of Decolonization and Transformation. Gainesville, Fla.: University Press of Florida. 2000. 467 p.

Torres-Garcia A. US diplomacy and the North African 'War of the Sands' (1963) // The Journal of North African Studies. 2013. Vol. 18. N 2. P. 32–37.

Поступила в редакцию
24 ноября 2021 г.

В.И. Бартнев, Л.Р. Хлебникова

**АМЕРИКАНСКАЯ ПРОГРАММА
«БЛИЖНЕВОСТОЧНОЕ РЕГИОНАЛЬНОЕ
СОТРУДНИЧЕСТВО»: НАУЧНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ
СОДЕЙСТВИЯ МИРНОМУ ПРОЦЕССУ (1978–2022)**

V.I. Bartenev, L.R. Khlebnikova

**THE U.S. MIDDLE EAST REGIONAL COOPERATION
PROGRAM: RESEARCH DIMENSION OF PEACE
PROCESS FACILITATION (1978–2022)**

Аннотация. В статье реконструирована история уникальной программы международной помощи «Ближневосточное региональное сотрудничество» (БРС), инициированной властями США вскоре после заключения — при их прямом участии — Кэмп-Дэвидских соглашений между Израилем и Египтом. Принятая с целью содействовать обеспечению мира в регионе через финансирование совместных исследований израильских и арабских ученых, эта программа реализуется непрерывно почти полвека. Однако отечественные американисты и востоковеды никогда ее предметно не изучали, а немногочисленные зарубежные авторы, интересовавшиеся судьбой инициативы, ограничивались рассмотрением опыта ее реализации в XX столетии. Данная статья призвана восполнить этот пробел в историографии американского посредничества в ближневосточном урегулировании с привлечением комплекса источников, которые охватывают период правления восьми президентов США (от Дж. Картера до Дж. Байдена) и многие из которых впервые вводятся в научный оборот. Обращение к истокам программы БРС и информативным материалам

Владимир Игоревич Бартнев, кандидат исторических наук, доцент кафедры международных организаций и мировых политических процессов факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова

Vladimir Igorevich Bartenev, PhD Candidate in History, Associate Professor, Department of International Organizations and World Political Processes, Faculty of World Politics, Lomonosov Moscow State University
vladimir.bartenev@fmp.msu.ru

Луиза Романовна Хлебникова, кандидат исторических наук, доцент кафедры иудаики Института стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова

Luiza Romanovna Khlebnikova, PhD Candidate in History, Associate Professor, Department of Jewish Studies, Institute for African and Asian Studies, Lomonosov Moscow State University
lkhlebnikova@iass.msu.ru

конгресса США позволило выявить решающую роль американских законодателей в ее запуске и поддержке в последнее десятилетие «холодной войны». Анализ независимых отчетов о ходе реализации программы и свидетельств американских, израильских и арабских ученых помог раскрыть различия в оценках инициативы и вклада «треугольных» проектов в улучшение регионального климата. Установлено, что новый импульс развитию программы придали Мадридская конференция 1991 г. и запуск «процесса Осло» в 1993 г. Улучшение внешней конъюнктуры обусловило переход США от изначальной посреднической модели к финансированию прямых контактов между израильскими и арабскими учеными, акцент на вовлечение палестинцев, рост числа проектов и участников. Однако в XXI в. значение программы БРС в американской политике посредничества на Ближнем Востоке стало неуклонно снижаться. Это явилось следствием как изменения приоритетов на фоне глобальной войны с терроризмом, так и почти полной остановки палестино-израильского мирного урегулирования, которое ни одна из последних четырех американских администраций так и не смогла успешно перезапустить.

Ключевые слова: Ближний Восток, арабо-израильский конфликт, международная помощь, посредничество, научное сотрудничество, конгресс США.

Abstract. The article reconstructs the history of the unique Middle East Regional Cooperation Program (MERC) international aid program, initiated by U.S. authorities shortly after the Camp David Accords between Israel and Egypt that U.S. diplomats helped negotiate. This program, which was designed to promote regional peace through financing research collaboration between Israeli and Arab scholars, has been going on uninterruptedly for almost half a century. However, Russian scholars in both American and Middle Eastern Studies have never substantively examined the MERC Program, the few foreign authors interested in this initiative have limited themselves to reviewing its implementation in the 20th century. This article aims to fill this gap in the historiography of U.S. mediation in the Middle East by drawing on a set of sources that cover the period of eight U.S. presidents (from J. Carter to J. Biden), many of which are being introduced into scholarly circulation for the first time. Exploration of the origins of the MERC Program and the U.S. Congress documents allowed to identify the crucial role of the U.S. legislators in its launch and support during the last decade of the Cold War. An analysis of independent reports on the implementation of the program and the testimonies of American, Israeli and Arab scholars helped reveal the differences in assessments of the initiative and the contribution of “triangular” projects to the improvement of the regional climate. It was found that the 1991 Madrid Conference and the launch of the Oslo peace process in 1993 gave a new impetus to the development of the MERC Program. The improvement in the external situation led to the U.S. transition from the original mediation model to funding direct contacts between Israeli and Arab scholars, an emphasis on the involvement of Palestinians, and an increase in the number of projects and participants. However, the importance of the MERC Program has steadily declined throughout the 21st century. This resulted both from a shift in priorities due to the Global War on Terrorism and from the almost complete halt in the Palestinian-

Israeli peace process, which none of the last four U.S. administrations has been able to relaunch successfully.

Keywords: Middle East, Arab-Israeli conflict, international aid, mediation, science projects, U.S. Congress.

* * *

В ноябре 2022 г. исполнится 45 лет с исторического визита президента Египта Анвара Садата в Иерусалим — визита, который проложил путь к Кэмп-Дэвидским соглашениям. Заключенные благодаря посредничеству США, эти договоренности стали первым значимым результатом в процессе ближневосточного урегулирования и одновременно на полвека сделали Израиль и Египет крупнейшими реципиентами американской помощи. Среди прочего они дали импульс к учреждению под эгидой Агентства США по международному развитию (АМР) совершенно нового формата взаимодействия — программы «Ближневосточное региональное сотрудничество» (БРС — MERC — Middle East Regional Cooperation), призванной способствовать миру в регионе через финансирование совместных исследований израильских и арабских ученых.

Уникальная по замыслу и конфигурации, эта программа реализуется до сих пор. Однако она никогда не становилась объектом изучения отечественных специалистов, несмотря на их внимание и к самим Кэмп-Дэвидским соглашениям, и к последующим стадиям ближневосточного урегулирования¹, так, впрочем, и не приведшим к достижению устойчивого мира в зоне конфликта². Справедливости ради отметим, что и в зарубежной литературе были обнаружены лишь два исследования, посвященные данной программе: отчет о ее реализации, подготовленный в 1998 г. в интересах АМР США К. Кумаром при участии И. Розенталя³, и статья специалистов Калифорнийского университета (Дэвис) Г.Д. Миллера (в начале 1980-х гг. работавшего в Ближневосточном бюро АМР США) и С.Г. Миллер,

¹ См., например: *Сурков Н.Ю.* За кулисами Кэмп-Дэвида. Неизвестные страницы арабо-израильского диалога // *Азия и Африка сегодня*. 2006. №3. С. 65–69; *Звягельская И.Д.* История государства Израиль. М., 2012. С. 207–215; *Гасратян С.М.* Отношения Израиля и Египта в контексте арабо-израильского конфликта // *Вопросы истории*. 2015. № 5. С. 122–138 и др.

² См., например: *Косач Г.Г.* Палестинское квазигосударство и ближневосточная политика // *Вестник МГИМО-Университета*. 2012. № 5. С. 136–143; *Федорченко А.В., Крылов А.В., Морозов В.М.* Государство Палестина: право на будущее. М., 2018; *Звягельская И.Д., Тюкаева Т.И.* Палестинская проблема в контексте меняющегося баланса сил // *Пути к миру и безопасности*. 2021. № 2(61). С. 80–95 и др.

³ *Kumar K., Rosenthal I.* Scientific Cooperation and Peace Building — A Case Study of USAID's Middle East Regional Cooperation Program // *U.S. Agency for International Development: Center for Development Information and Evaluation*, 1998.

опубликованная в 2010 г.⁴ Однако и первый материал, и второй описывают историю программы БРС лишь в XX в.

В предлагаемой статье рассмотрен весь период реализации инициативы с использованием комплекса источников, в большинстве своем впервые вводимых в научный оборот, и тем самым восполнен пробел в историографии американского посредничества в ближневосточном урегулировании. Обращение к теме представляется вдвойне актуальным на фоне заключения Израилем в 2020 г. — вновь при непосредственной помощи Белого дома — «Соглашений Авраама» с ОАЭ, Бахрейном и Марокко.

* * *

Программа БРС была задумана с целью подкрепить Кэмп-Дэвидские договоренности (1978), которые подразумевали не только признание Египтом права Израиля на существование в обмен на возвращение Синайского полуострова и заключение мира, но и налаживание сотрудничества двух стран в различных областях. Формально инициатива запуска программы исходила от конгресса США. Уже в июне 1978 г. конгрессмен еврейского происхождения Генри Ваксман, демократ из Калифорнии, активный сторонник Израиля внес в палату представителей проект Закона о международной помощи в области безопасности 1979 г. важную поправку. Она гласила: «Конгресс считает, что программы, которые акцентируют укрепление регионального сотрудничества в сфере содействия развитию или регионального научно-технологического сотрудничества между Израилем и его арабскими соседями, могут внести важный вклад в укрепление взаимопонимания, которое станет основой для нерушимого мира на Ближнем Востоке...»⁵. На финансирование такого рода программ предполагалось выделять не менее 5 млн долл. в год.

Параллельно АМР США (в лице Офиса научно-технического сотрудничества) начало готовиться к работе в этом направлении. В ноябре 1978 г. Университету Джорджа Вашингтона был сделан заказ на проведение интервью ученых и чиновников в Египте, Израиле и Иордании и разработку рекомендаций по содействию участию этих

⁴ Miller G.D., Miller S.G. Middle East Regional Cooperation: A Thirty-Year Assessment, 14.10.2010. — URL: <https://www.foreignpolicyjournal.com/2010/10/14/middle-east-regional-cooperation-a-thirty-year-assessment/view-all/> (дата обращения: 10.06.2022)

⁵ International Security Assistance Act of 1978. Pub. L. 95–384. Sep. 26, 1978. 92 Stat. 730 — URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/STATUTE-92/pdf/STATUTE-92-Pg730.pdf> (дата обращения: 10.06.2022)

стран в совместных проектах — преимущественно научно-технических и нацеленных на решение региональных проблем⁶. Кроме того, своими силами АМР США оценило целесообразность сотрудничества в сфере общественных наук и пришло к выводу, что оно может быть «политически чувствительным», и рекомендовало принимать решения о запуске таких проектов специальной комиссией из представителей сотрудничающих сторон⁷.

Через год в Специальный закон о международной помощи в области безопасности 1979 г., посвященный финансированию обеспечения мира на Ближнем Востоке, была включена отдельная статья (8а) «Планирование трехстороннего научно-технического сотрудничества между Египтом, Израилем и США». В ней говорилось: «Конгресс считает, что для дальнейшего укрепления архитектуры мира на Ближнем Востоке США должны быть готовы участвовать, *когда придет подходящее время* (курсив наш. — В.Б., Л.Х.), в проектах трехстороннего научно-технического сотрудничества между Израилем, Египтом и США — в частности, в таких сферах, как сельское хозяйство, здравоохранение, энергетика, защита окружающей среды, образование, водоснабжение». Президенту поручалось разработать план участия американских государственных и негосударственных учреждений в реализации таких проектов и представить его в конгресс в течение года⁸.

При Дж. Картере запуск программы, впрочем, так и не состоялся. Его администрация не стала запрашивать средства на 1980 финансовый год, полагая, что серьезные обязательства имеет смысл принимать только после подключения к мирному процессу других арабских стран. Сенаторы же считали, что санкционирование выделения таких средств могло как раз послать нужный сигнал другим государствам, но на специальных слушаниях помощник администратора АМР США по делам Ближнего Востока Джозеф С. Уилер заявил, что Агентство не хотело включать в проект бюджета ничего, что не подразумевало бы имплементации в новом финансовом году⁹.

В итоге программа начала реализовываться уже при Р. Рейгане. Ст. 532b (2) Закона о международном содействии в обеспечении

⁶ См.: Miller G.D., Miller S.G. Op. cit.

⁷ Ibidem.

⁸ Special International Security Assistance Act of 1979. Pub. L. 96–35—July 20, 1979. 93 Stat. 79. — URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/STATUTE-93/pdf/STATUTE-93-Pg89.pdf> (дата обращения: 10.06.2022)

⁹ U.S. Congress – Senate. Hearing before the Committee on Foreign Relations. On S.584 to Amend the Foreign Assistance Act of 1961 and the Arms Export Control Act, and For Other Purposes. March 2, 1979. April 5, 1979. 96th Congress, 1st Sess. Washington, DC: U.S. GPO. P. 162.

безопасности и развития 1981 г.¹⁰, по сути, повторяла текст закона 1979 г., за двумя важными исключениями: 1) вместо «треугольного» сотрудничества Египта, Израиля и США речь шла о том, что «США должны финансировать *и при необходимости участвовать* в совместных проектах научно-технического сотрудничества с участием Израиля, Египта *и других заинтересованных стран Ближнего Востока* (курсив наш. — В.Б, Л.Х.); 2) в список областей сотрудничества были включены также общественные науки¹¹. При этом из круга стран-партнеров исключалась Сирия, которая вошла (наряду с Алжиром, Ливией и Народно-Демократической Республикой Йемен и Организацией Освобождения Палестины (ООП)) в Национальный фронт стойкости и противодействия, учрежденный сразу после визита А. Садата в Иерусалим в 1977 г., и разорвала отношения с Египтом после заключения Кэмп-Дэвидских соглашений. Что касается финансирования, то на 1982 и 1983 фин. годы конгресс разрешил выделять по 4 млн долл.

Несмотря на формальное расширение географического охвата новой программы, с 1979 по 1992 фин. год в большинстве проектов участвовали представители только двух стран — Египта и Израиля. Средства научным коллективам выделялись безвозмездно, но поступали через американские организации — правительственные учреждения (Национальные институты здравоохранения, Министерство сельского хозяйства, Геологическую службу США и др.); ведущие вузы (Гарвардский университет, Виргинский политехнический институт и др.), а также некоммерческие организации. Посредники получали процент за свои услуги (в ряде случаев — до 1/3 от суммы)¹².

Вовлечение американских организаций, как пишут К. Кумар и И. Розенталь, было политической необходимостью. Антиизраильские настроения в Египте в 1980-е гг. были крайне сильны, и египетские научные и образовательные учреждения не были готовы сотрудничать с израильскими организациями напрямую, поэтому заключались двусторонние соглашения с американским контрагентом, который организовывал весь процесс взаимодействия. По данным К. Кумара, это позволяло «защитить отдельных ученых и организации от экстремистов»¹³. При этом египетские ученые регу-

¹⁰ International Security and Development Cooperation Act of 1981. Pub. L. 97–113. Dec. 29, 1981. 95 Stat. 1519. — URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/STATUTE-95/pdf/STATUTE-95-Pg1519.pdf> (дата обращения: 10.06.2022)

¹¹ Ibidem.

¹² См. Kumar K. Rosenthal I. Op. cit. P. 6.

¹³ Ibid. P. 19.

лярно сталкивались со сложностями в получении виз, приглашении израильских коллег и обмене данными с ними¹⁴. Так, египетскому профессору Махмуду Махфузу пришлось лично убеждать лидера Египта А. Садата одобрить один совместный проект с Израилем в сфере здравоохранения, и получилось это только благодаря трехстороннему формату сотрудничества¹⁵.

На начальном этапе арабо-израильское научно-техническое сотрудничество продвигалось узкой группой лиц и организаций в обеих странах, которые не боялись «подвергнуть себя политическому риску участия в программе»¹⁶, и правительственные учреждения в обеих странах обеспечивали только поддержку “in-kind” (товарами и услугами)¹⁷. Это подтверждают и израильские ученые А. Кейнан и Д. Шохам, писавшие, что власти и Израиля, и Египта на деле были заинтересованы в проектах только в двух областях — сельском хозяйстве и здравоохранении¹⁸. Г.Д. и С.Г. Миллеры подчеркивают, что ученые из трех стран преследовали разные мотивы: если египтяне стремились обрести опыт и укрепить научно-технический потенциал своей страны, то израильтяне и американцы — в первую очередь, «расширить свои исследования на неизвестные географические области и увеличить собственные публикационные возможности»¹⁹.

Важно отметить, что с финансированием программы в 1980-е гг. возникали сложности. Так, например, в 1986 фин. году АМР США, в условиях общего секвестирования бюджета международной помощи, пришлось сократить объем запрашиваемых средств вдвое — с 5,8 млн долл. до 2,9 млн долл., в том числе и из-за отсутствия приемлемых заявок. Это обеспокоило подкомитет по делам Европы и Ближнего Востока комитета по иностранным делам палаты представителей, в составе которого было много законодателей еврейского происхождения. Конгрессмены направили письмо администратору АМР США П. Макферсону и госсекретарю Дж. Шульцу с обоснова-

¹⁴ Ibid. P. 26–27.

¹⁵ Keynan A., Shoham D. Scientific Cooperation in Agriculture and Medical Research as a Means for Normalizing Relations between Egypt and Israel. 1998. Scientific Cooperation, State Conflict: The Roles of Scientists in Mitigating International Discord. № 866. P. 185.

¹⁶ U.S. Congress — House of Representatives. Foreign Assistance Legislation for Fiscal Year 1994 (Part 2): Economic and Military Aid Programs in Europe and the Middle East. Hearings before the Subcommittee on Europe and the Middle East of the Committee on Foreign Affairs. April 28 and May 11, 1993. 103th Congress, 1st Sess. Washington, DC: US GPO, 1993. P. 279.

¹⁷ Ibid. P. 284.

¹⁸ Keynan A., Shoham D. Op. cit. P. 185.

¹⁹ Miller G.D., Miller S.G. Op. cit.

нием значимости программы и ее финансирования в полном объеме. В нем, в частности, было сказано: «После 30 лет полного разрыва научных связей между Египтом и Израилем данная программа свела вместе около 1000 ученых из обеих стран, многих из которых связали теплые личные взаимоотношения. Это как раз тот прогресс, на котором основывается настоящий мир. В отличие от мирного договора, он никогда не будет подорван или денонсирован...»²⁰.

В письме приводилось пять причин особой важности программы: 1) ее роль в демонстрации колоссальных выгод сотрудничества между Египтом и Израилем; 2) уникальность как единственного компонента американской помощи Израилю и Египту, «нацеленного на укрепление фундамента мира в долгосрочной перспективе»; 3) микроскопичность финансового обеспечения в сравнении с общим объемом помощи США двум странам (0,1%); 4) интерес ученых из других умеренных арабских стран к участию в проектах; 5) потенциал программы в качестве модели для других регионов». Конгрессмены требовали от руководителей АМР США и госдепартамента обосновать сокращение финансирования и угрожали «маркировать» ассигнования, что обязало бы администрацию выделить средства в фиксированном объеме. Тем же подкомитетом в мае 1986 г. были проведены слушания, посвященные программе БРС²¹. В них принял участие идейный вдохновитель программы Г. Ваксман, администратор программы в АМР США Дж. Каменс, а также израильские и египетские ученые — участники поддержанных проектов. Г. Ваксман характеризовал инициативу как выдающийся успех, но признавал: о программе мало знают в странах-партнерах, что расценивалось и им, и председательствовавшим на слушаниях Т. Лантошом как упущение, требующее исправления²².

Упомянутые слушания сыграли огромную роль в судьбе программы, продемонстрировав заинтересованность американских законодателей в ее реализации. Составители большого независимого обзора БРС, подготовленного в декабре 1990 г., также пришли к выводу о необходимости ее продолжения. Они охарактеризовали программу как «знаменательную историю успеха», подчеркнув важность установления профессиональных и личных дружеских контактов, но рекомендовали особо не рекламировать ее — для минимизации

²⁰ Letter from Henry A. Waxman, Benjamin A. Gilman and other Members of Congress to Peter McPherson, USAID Administrator. April 7, 1986.

²¹ U.S. Congress — House of Representatives. Middle East Regional Cooperation Programs. Hearing before the Subcommittee on Europe and the Middle East of the Committee on Foreign Affairs. May 6, 1986. 99th Congress, 2nd Sess. Washington, DC: U.S. GPO, 1988.

²² Ibid. P. 2–6.

риска искажения сути инициативы в прессе, признавая ее «политическую чувствительность»²³.

По результатам этого обзора объем ассигнований на программу был увеличен до 7 млн долл. в год, что было крайне своевременным ввиду начала нового раунда продвижения мирного процесса.

* * *

Мадридская конференция 1991 г. стала значимым рубежом в истории программы БРС. Она усилила акцент на социально-экономических факторах достижения устойчивого мира в регионе, что получило отражение и в рамках многосторонних рабочих групп по отдельным направлениям (контроль над вооружениями и региональная безопасность, экономическое сотрудничество и развитие, водные ресурсы, защита окружающей среды, проблема беженцев), работу которых стали финансово поддерживать и США. Конференция в Мадриде дала импульс и к расширению географического охвата программы БРС. В 1992 фин. году впервые была поддержана заявка с участием представителей Марокко, а через год — подлинно прорывной проект с участием ученых Израиля и сразу пяти арабских стран (Египта, Иордании, Ливана, Марокко и Туниса). Представители АМР США сообщали и об интересе к участию в программе представителей Йемена, а также Турции²⁴.

Еще активнее масштабирование программы пошло после старта «процесса Осло» в 1993 г. («Осло 1»), обмена Израиля и ООП письмами о взаимном признании, а также заключения в октябре 1994 г. израильско-иорданского мирного договора, охватившего в том числе и вопросы экономического развития и использования ресурсов. Наконец, в сентябре 1995 г. было заключено Временное палестино-израильское соглашение по Западному берегу Иордана и Сектору Газа, которое привело к созданию Палестинской национальной администрации (ПНА) и также затронуло вопросы экономического сотрудничества, водопользования и т.д.

На этом фоне заявки на получение грантов по БРС стали активнее подавать ученые как из Иордании, Ливана, Марокко, Туниса, так и из Палестины²⁵. Госдепартамент при этом делал вполне прозрачные намеки, что приоритет будет отдаваться тем заявкам, которые

²³ U.S. Congress — House of Representatives. Foreign Assistance Legislation for Fiscal Year 1994 (Part 2): Economic and Military Aid Programs in Europe and the Middle East. Hearings before the Subcommittee on Europe and the Middle East of the Committee on Foreign Affairs. April, 28 and May 11, 1993. 103th Congress, 1st Sess. Washington, DC: US GPO, 1993. P. 283.

²⁴ Ibid. P. 280.

²⁵ Kumar K., Rosenthal I. Op. cit. P. 4.

включают Палестинские территории²⁶. Так, например, из 7 млн долл., ассигнованных на программу на 1994 фин. год, на такие проекты было зарезервировано 2 млн долл.²⁷

Администрация У. Клинтона, игравшая ключевую роль в продвижении мирного процесса, всячески подчеркивала важность программы. В 1994 г. в письменных ответах конгрессу представители АМР США называли БРС «подходящей моделью сотрудничества на Ближнем Востоке»²⁸, хотя и не считали нужным запрашивать финансирование сверх 7 млн долл.²⁹ В 1995 г. в обосновании соответствующей части бюджета перед конгрессом говорилось: «Программа БРС содействует укреплению арабо-израильских связей через демонстрацию того, что мирное сотрудничество в решении общих экономических и социальных проблем может принести осязаемые дивиденды его участникам... Большинство мероприятий... дополняют и поддерживают, но не дублируют мероприятия в рамках многостороннего мирного процесса»³⁰. Спустя 5 лет в документах, сопровождавших проект бюджета на 2001 фин. год, энтузиазм сохранялся: «Продолжение решительной поддержки программы БРС со стороны США необходимо для продвижения широкого израильско-арабского сотрудничества и укрепления мира “на земле” по мере того, как мирный процесс продвигается вперед»³¹.

В этом плане представляют интерес данные, собранные П. Ша-мом, — сотрудником Научно-исследовательского института содействия мира имени Г. Трумэна Еврейского университета в Иерусалиме (Института Трумэна). Он подсчитал, что из 195 арабо-израильских

²⁶ Testimony of Neal M. Sher, Executive Director, AIPAC before the House International Affairs Committee, April 5, 1995 // U.S. Congress. House of Representatives. 104th Hearings before the Committee on International Relations. American Overseas Interests Act: Private witnesses (Part 2). April 4 and 5, 1995. Congress, 1st sess. Washington, DC: U.S. GPO, 1996. P. 140.

²⁷ Statement of Daniel C. Kurtzer, Deputy Assistant Secretary of State, Bureau of Near Eastern Affairs before the Subcommittee on Europe and the Middle East, House Foreign Affairs Committee, April 13, 1994 // U.S. Congress. House of Representatives. Hearings before the Committee on Foreign Affairs. Rewrite of the Foreign Assistance Act of 1961 and Fiscal Year 1995 Foreign Assistance Request (Part 2). March 16, 24, and April 13, 1994. 103th Congress, 2nd sess. Washington, DC: U.S. GPO, 1994. P. 458.

²⁸ U.S. Congress — House of Representatives. Developments in the Middle East. Hearings before the Committee on Foreign Affairs. March 1, 1994. 103th Congress, 2nd sess. Washington, DC: U.S. GPO, March 1994. P. 70.

²⁹ Ibid. P. 71.

³⁰ U.S. Congress — House of Representatives. Middle East Overview and U.S. Assistance to the Palestinians. Hearings before the Committee on Foreign Affairs. April 6, 1995. 104th Congress, 2nd sess. Washington, DC: U.S. GPO, 1995. P. 40.

³¹ U.S. Department of State — Office of the Secretary of State Resources, Plans and Policy. Congressional Budget Justification for Foreign Operations. Fiscal Year 2001. Washington, DC, 2000. P. 470.

научных проектов, реализованных в период с 1995 по 1999 г., 31 был профинансирован США через БРС, тогда как через Американский институт мира — только 4. Как заявил в интервью глава отдела международных отношений Израильской академии наук Б. Лапидот, хотя европейские доноры поддерживали большее число проектов (106, по данным П. Шама), объемы финансирования через БРС смещали баланс в пользу США и израильско-египетских проектов³². И это не случайно, ведь именно США способствовали заключению мирных договоров и выступали их гарантом. П. Шам также отмечал, что именно американские проекты были нацелены на поддержание мира между сторонами и прямое сотрудничество между израильтянами и палестинцами, — в отличие от европейских, которые предполагали включение университетов Старого Света.

В 1990-х гг. исполнителями проектов в области общественных наук и образования со стороны Израиля были Институт Трумэна и учрежденный в 1998 г. Израильско-палестинский центр исследований и информации, фокусирувавшийся на содействии диалогу между израильтянами и палестинцами. По мнению П. Шама, на фоне процесса Осло, пусть и не приведшего стороны к миру, израильтяне считали, что совместные проекты с арабскими странами вносят вклад в мирный процесс.

И тем не менее правительству США приходилось все более подробно обосновывать целесообразность финансирования программы параллельно с поддержкой деятельности многосторонних рабочих групп. Администрация У. Клинтона подчеркивала, что проекты БРС позволяют привлечь гораздо более широкий спектр групп и организаций и обеспечить их взаимодействие в менее формальной обстановке³³. После таких утверждений несколько страным выглядело решение администрации в 2000 г. запросить на БРС на 2001 фин. год не 7, а 5 млн долл.

Конгресс же, в котором начиная с 1995 г. преобладали республиканцы, впрочем, и не думал закрывать программу или снижать ее финансирование. В опроснике, составленном аппаратом комитета по иностранным делам палаты представителей, говорилось: «Небольшие инвестиции в программу БРС сыграли ключевую роль в укреплении научно-технического сотрудничества между Израилем

³² Israel Academy of Sciences and Humanities. Promoting Regional Cooperation in S&T. An interview with Bob Lapidot. — URL: <https://www.academy.ac.il/System-Files/20648.pdf> (дата обращения: 10.06.2022)

³³ U.S. Department of State — Office of the Secretary of State Resources, Plans and Policy. Congressional Budget Justification for Foreign Operations. Fiscal Year 2001. Washington, DC, 2000. P. 470.

и арабскими странами. Программа служит ярким примером того позитивного влияния, которое может оказать мирный процесс на регион [Ближнего Востока]»³⁴. Вполне благожелательным был и настрой сенаторов, выражавших готовность продолжать финансировать БРС в полном объеме и поддержавших решение администрации ограничить финансирование проектов суммой в 3 млн долл. (при сроке реализации не более 3 лет) — «для стимулирования расширения числа партнерств и достижения тем самым максимального эффекта»³⁵. При этом конгрессмены не стеснялись лоббировать конкретные проекты, в которых были заинтересованы те или иные представители диаспоры. Так, в 2000 г. госдепартаменту и АМР США прямо рекомендовалось поддержать выделение 1 млн долл. на проект Института исследований пустыни имени Блауштейна в Израиле по изучению перенесения загрязняющих веществ подземными водами в регионе и выражалась поддержка новым проектам арабской неправительственной организации в Израиле «Общество Галилеи»³⁶.

Американские власти играли ключевую роль в утверждении проектов-победителей. В то же время АМР США как распорядитель средств не влияло на их реализацию. Взаимодействие с курирующей программу структурой в штаб-квартире в Вашингтоне, равно как и с представительствами АМР на местах, было минимальным³⁷. Более того, в 1998 г. АМР договорилось с госдепартаментом о трансфере средств в Бюро по делам Ближнего Востока, и ответственность за администрирование грантов была возложена на сотрудников посольства США в Тель-Авиве³⁸. Роль же Агентства свелась к разработке конкурсной документации, отбору проектов и перечислению средств посредническим организациям.

Критерии, на основе которых отбирались проекты, подвергались пересмотру. Изначально акцент делался на качестве научной составляющей и соответствии тематическим приоритетам. Фи-

³⁴ U.S. Congress — House of Representatives. Hearing before the Committee on International Relations. Middle East Overview and U.S. Assistance to the Palestinians. April 6, 1995. 104th Congress, 2nd sess. Washington, DC: U.S. GPO, 1995. P. 40.

³⁵ U.S. Congress — Senate. Foreign Operations, Export Financing and Related Programs Appropriations Bill, 1999. Report 105–255. July 21, 1998. 105th Congress, 2nd sess. Washington, DC: U.S. GPO, 1998. P. 26.

³⁶ U.S. Congress — House of Representatives. Foreign Operations, Export Financing, and Related Programs Appropriations Bill, 2002. Report 107–142. July 17, 2001. 107th Congress, 1st sess. Washington, DC: U.S. GPO, 2001. P. 43.

³⁷ Kumar K., Rosenthal I. Op. cit. P. 6.

³⁸ U.S. Department of State — Broadcasting Board of Governors — Office of Inspector General. Inspection of Embassy Tel Aviv, Israel, 2017. — URL: https://www.stateoig.gov/system/files/isp-i-17-20_1.pdf (дата обращения: 11.06.2022)

нансирруемые проекты имели и элемент технического содействия и укрепления потенциала исследовательских организаций в странах-партнерах³⁹. Акцент непосредственно на вкладе в мирный процесс долгое время был минимален. Однако на фоне старта процесса Осло ситуация изменилась. В 1994 г. были разработаны новые критерии для оценки проектов, подаваемых на конкурс, и первым среди них шла «заметность проекта и его потенциальное воздействие на ближневосточный процесс». Еще одним критерием был вклад в социально-экономическое развитие региона Ближнего Востока в целом (а не только конкретного партнера из числа арабских стран)⁴⁰. В 1998 г. была внедрена научная экспертиза «полнотекстовых» конкурсных заявок с привлечением Национальной академии наук США⁴¹. Кроме того, правительство США отказалось от администрирования проектов американскими организациями в пользу прямого взаимодействия арабских и израильских ученых⁴², что стало возможным благодаря снижению уровня взаимной подозрительности.

К 1997 г. в рамках программы БРС было профинансировано 28 проектов на общую сумму 73 млн долл. При этом средний размер грантов за 1990-е гг. снизился: если в первые годы он составлял порядка 5–7 млн долл., то через 10 лет — 0,5 млн долл.⁴³ При этом прослеживались явные изменения в распределении средств между секторами. Если на первых порах большая их часть шла в сектора сельского хозяйства, аквакультуры, скотоводства (почти 60%), то уже в 1990-е гг. на первый план вышли вопросы защиты окружающей среды, водоснабжения, а также миростроительства. Особую важность сохраняли программы в области здравоохранения, в частности борьбы с раком и рядом инфекционных заболеваний⁴⁴. В конгрессе США, в свою очередь, особое внимание уделялось проблемам водопользования и дефицита водных ресурсов⁴⁵. Что касается миро-

³⁹ Kumar K., Rosenthal I. Op. cit. P. 1.

⁴⁰ Ibid. P. 5.

⁴¹ U.S. Agency for International Development (USAID. Budget Justification to the Congress. Fiscal Year 2004. Annex V: Central Programs. Washington, DC: U.S. GPO, 2003. P. 132–133.

⁴² Anthis N. The Middle East Regional Cooperation (MERC) Program. Presentation at the USAID Middle East Research Partnerships Forum. Amman, Jordan. 13 March 2016. — URL: https://sites.nationalacademies.P.5.org/cs/groups/pgasite/documents/webpage/pgas_171396.pdf (дата обращения: 11.06.2022). P. 5.

⁴³ Kumar K., Rosenthal I. Op. cit. P. 6–7.

⁴⁴ U.S. Department of State — Office of the Secretary of State Resources, Plans and Policy. Congressional Budget Justification for Foreign Operations. Fiscal Year 2001. Washington, DC, 2000. P. 470.

⁴⁵ U.S. Congress — House of Representatives. Foreign Operations, Export Financing, and Related Programs Appropriations Bill, 2002. Report 107–142. July 17, 2001. 107th Congress, 1st sess. Washington, DC: U.S. GPO, 2001. P. 43.

строительства, то здесь выделялись проекты «ЭкоМир», нацеленный на укрепление институционального потенциала в экологическом секторе, а также «Образование ради мира», призванный способствовать снижению конфликтности через образовательные программы.

При том большом внимании, которое правительство США уделяло программе БРС в обоснованиях бюджета перед конгрессом в 1990-е гг., вполне закономерно, что в АМР США возникло желание обобщить опыт ее реализации в новых региональных условиях. Такая оценка была проведена специалистом Центра информации и оценок содействия развитию Агентства К. Кумаром вместе с И. Розенталем. В итоговом отчете указывалось, что ни органы государственной власти США, ни ближневосточные, ни американские учреждения по сути не оценивали результативность программы именно с точки зрения ее вклада в обеспечение мира. С одной стороны, поскольку никто не хотел дополнительно акцентировать наличие политической составляющей в программе⁴⁶, а с другой — потому что измерить этот вклад было крайне сложно.

Проведя многочисленные интервью, К. Кумар и И. Розенталь пришли к следующим выводам. С одной стороны, абсолютное большинство участников научных проектов не было вовлечено в политическую деятельность, и степень их влияния на внешнеполитический курс своих стран было минимальной. Тем не менее позитивный эффект программы имел место и проявлял себя, по меньшей мере, в трех измерениях.

Во-первых, в содействии развитию профессиональных и личных отношений между участниками, которые помогали разрушать стереотипы, — ведь для многих египетских и израильских ученых участие в конференциях и семинарах, организованных в рамках проектов БРС, было «первой возможностью встретиться друг с другом в мирной обстановке»⁴⁷. Во-вторых, в установлении и развитии связей между рядом университетов и исследовательских институтов (в первую очередь, египетских и израильских), которые потом самостоятельно могли расширять сотрудничество. В-третьих, в получении зримых научных и экономических дивидендов, особенно в сфере сельского хозяйства, которые способствовали, среди прочего, формированию влиятельных групп интересов, заинтересованных в развитии научно-технического сотрудничества, «а значит, и в мирном процессе»⁴⁸. В числе прямых бенефициаров составители отчета для

⁴⁶ Kumar K., Rosenthal I. Op. cit. P. 17.

⁴⁷ Ibidem.

⁴⁸ Ibid. P. 25.

АМР США называли, в частности, представителей Министерства сельского хозяйства Египта⁴⁹.

Опыт реализации программы в XX в. позитивно оценивался и американскими учеными. Так, например, доцент Университета Джорджа Вашингтона Далия Дасса Кайе считала ее одним из немногих успешных примеров арабо-израильского сотрудничества в вопросах водоснабжения и защиты окружающей среды⁵⁰. Опыт первых двух десятилетий реализации программы позволял надеяться на то, что ее релевантность будет только увеличиваться. Однако судьба БРС в XXI в. по ряду причин оказалась не столь однозначной.

* * *

Республиканская администрация Дж. Буша-младшего, пришедшая к власти в 2001 г., сохраняла веру в потенциал программы БРС, хотя теракты 11 сентября радикальным образом изменили рейтинг ее внешнеполитических приоритетов.

Если администрация У. Клинтона уделяла большое внимание продвижению мира между израильянами и палестинцами и даже пыталась провести израильско-сирийские переговоры, то Дж. Буш-мл. и его команда первоначально не включали мирное урегулирование в число ключевых задач⁵¹. Однако новые императивы, в том числе логика борьбы с терроризмом, необходимость активизации дипломатических усилий на фоне военных кампаний в Афганистане и Ираке, а также Вторая палестинская интифада вынудили Белый дом вновь выступить в роли модератора в палестино-израильском конфликте, и программа БРС сохраняла символическое значение в качестве инструмента содействия такому посредничеству.

Неслучайно при Дж. Буше-мл. дальнейшее распространение получила практика реализации проектов на средства грантов по программе БРС либо без всякого участия американских организаций, либо с их участием в качестве провайдеров исключительно технического содействия, но без осуществления административных функций⁵². Ключевую роль в принятии решений по присуждению грантов (за исключением грантов, направляемых по каналам других правительственных учреждений в США и проектов с объемом

⁴⁹ В их числе стоит назвать, например, главу Министерства с 1982 по 2004 г. Юсефа Вали, активно продвигавшего сотрудничество по линии БРС. Проекты же в области здравоохранения, в 1990-е гг. не имевшие такого патронажа, были куда менее результативными (*Keynan A., Shoham D. Op. cit. P. 198*).

⁵⁰ *Kaye D. Beyond the Handshake Multilateral Cooperation in the Arab-Israeli Peace Process 1991–1996. New York, 2001. P. 42.*

⁵¹ *Ross D., Makovsky D. Myths, illusions, and peace. Finding a New Direction for America in the Middle East. New York, 2009. P. 105.*

⁵² *Anthi N. Op. cit. P. 5.*

финансирования свыше 1 млн долл.) стало играть посольство США в Тель-Авиве. При этом в роли грантополучателей стали чаще выступать израильские университеты и исследовательские институты, как государственные, так и частные⁵³.

Такой подход — одновременно с сохранением ограничений по максимальному объему финансирования проектов в 3 млн долл. и поощрением коллективов, запрашивавших меньший объем средств⁵⁴, — обеспечил рост количества проектов: уже в 2003 г. их число превысило 30, а к 2006 г. достигло 40, что в три раза превышало показатели конца 1990-х гг. В 2008 г. было подано рекордное число заявок — 103⁵⁵. К 2010 г. общий объем финансирования программы с момента запуска составил 94 млн долл., из которых около половины средств было предоставлено израильским организациям⁵⁶.

Секторальные приоритеты остались, в сущности, теми же — сельское хозяйство, здравоохранение, водоснабжение. Новизной отличались разве что два проекта, оценивавшие степень наркозависимости среди молодежи в Израиле, Египте и Секторе Газа⁵⁷. Среди многосторонних проектов можно упомянуть совместные израильско-иорданско-палестинские экологические исследования в бассейне реки Иордан, проекты по разработке технологий очистки сточных вод, реализованные Египтом, Израилем и ПНА, а также региональный проект по защите птиц, в котором приняли участие также ученые из Греции, Кипра и Турции.

Непосредственные участники поддерживаемых программой БРС проектов, в том числе и израильцы, по-прежнему оценивали ее весьма высоко. Так, например, в 2007 г., в момент, когда госдепартамент впервые за долгое время не запросил финансирование на БРС, С. Куvin, израильский исследователь тропических болезней, написал статью в “The Jerusalem Post”, где призвал сохранить «научный мирный план», а перспективу прекращения ассигнований назвал «подлинным научным и политическим кошмаром для арабских и израильских ученых, врачей и работников здравоохранения на Ближнем Востоке»⁵⁸.

⁵³ U.S. Agency for International Development (USAID). Budget Justification to the Congress. Fiscal Year 2004. Annex V: Central Programs. Washington, DC: U.S. GPO, 2003. P. 132–133.

⁵⁴ Ibidem.

⁵⁵ Anthi N. Op. cit. P. 5.

⁵⁶ Clyde M.R. Israel: US Foreign Assistance // The Middle East in Turmoil. Vol. 1 / Ed by John V. Canfield. New York, 2001. P. 47.

⁵⁷ U.S. Department of State. Congressional Budget Justification: Foreign Operations. Fiscal Year 2007. Washington, DC: U.S. GPO, 2006. P. 485.

⁵⁸ Kuvini S. Save the ‘Science Peace Plan’. 20.06.2007. — URL: <https://www.jpost.com/opinion/op-ed-contributors/save-the-science-peace-plan> (дата обращения: 11.06.2022)

Однако интерес к реализации таких совместных проектов (равно как и их политический эффект в плане вклада в мирный процесс) в этот период уже не мог быть таким большим, как в 1990-е гг. на фоне развития «процесса Осло», когда идеи мира и сосуществования находили отклик в обоих обществах (за исключением радикальных их сегментов)⁵⁹. Среди палестинцев четко обозначился тренд на «анти-нормализацию»⁶⁰, проявлявшийся в том числе в сознательном отказе от развития научных связей с Израилем. К тому же была объективно ограничена их свобода передвижения⁶¹. В израильском обществе идеи заключения мира с палестинцами также стали утрачивать популярность. Всё это исключало возможность запуска прорывных совместных проектов. Эксперты обращали внимание и на то, что программы, подобные БРС, хотя и содействовали расширению научного сотрудничества, не обязательно вносили долговременный вклад в укрепление мира в регионе, поскольку сотрудничество обычно прекращалось после исчерпания грантового финансирования, а отдельные успешные ученые продолжали карьеру вне региона⁶².

Указанные негативные тенденции получили развитие в следующем десятилетии, несмотря на попытки новой демократической администрации США во главе с Б. Обамой обернуть их вспять.

Б. Обама пришел к власти с намерением пересмотреть политику республиканцев на Ближнем и Среднем Востоке, в том числе и в вопросе палестино-израильского урегулирования, и его команда с первых дней активно вовлеклась в продвижение мира. Однако в связи с разным видением конфликта, а также методов урегулирования «иранской проблемы», в отношениях США и Израиля разразился кризис, усугублявшийся личной неприязнью между Б. Обамой и Б. Нетаньяху.

Тем не менее, правительство США продолжило запрашивать финансирование на БРС (хотя на 2010 фин. год запрос составил лишь 3 млн долл.). Портфель проектов не уменьшился, благодаря очередному снижению лимита финансирования проекта втрое —

⁵⁹ *Seitz C.* Tracking Palestinian Public Support over 20 Years of the Oslo Agreements // Jerusalem Media and Communications Centre. November 2013.

⁶⁰ *Salem W.* The Anti-Normalization Discourse in the Context of Israeli-Palestinian Peace-Building // Palestine-Israel Journal. 2005. Vol. 12. N 1. — URL: <https://pij.org/articles/334/the-antinormalization-discourse-in-the-context-of-israelipalestinian-peace-building> (дата обращения: 10.06.2022)

⁶¹ *Hassassian M., Kaufman E.* Can Academics Across the Divide Teach Together? The Israeli/Palestinian Experiment. — URL: https://www.edykaufman.com/_files/ugd/67cd1e_ab937b22be1e4f03a15b40325b16e78f.pdf (дата обращения: 10.06.2022) P. 29-30

⁶² *Green M.* Force for Peace in the Middle East // Science. 2008. Vol. 321. P. 1152.

до 1 млн долл.⁶³ Тем не менее в обоснованиях бюджета перед конгрессом администрация продолжала подчеркивать, что интерес к участию в программе и израильтян, и арабов остается высоким, несмотря на «сложный политический фон, в том числе и эскалацию конфликтности в регионе»⁶⁴.

В круг охваченных БРС стран по-прежнему входили Египет, Израиль, Иордания, Марокко, Тунис и Палестинские территории. В этот период наибольшее число проектов реализовывалось с участием ученых из Иордании (25 из 37 активных проектов в 2011 г.) и палестинских учреждений (либо с Западного берега реки Иордан, либо из Сектора Газа — 17 из 37 проектов)⁶⁵, от которых поступало наибольшее число новых заявок⁶⁶. И это при том, что, как писала К.Е. Мокк, программный менеджер Американской ассоциации продвижения науки, более 10 лет администрировавшая процесс реализации программы БРС в Национальной академии наук США, участие палестинцев продолжали препятствовать и нестабильность, осложнявшая трансграничные перемещения людей и оборудования (в особенности в/из Сектора Газа), и стремление многих исследователей к непубличности⁶⁷.

По данным АМР США, по состоянию на 2013 г., в проектах, финансируемых в рамках программы БРС, принимало участие более 400 арабских и израильских ученых, техников, инженеров и студентов из более чем 50 различных учреждений⁶⁸. К октябрю 2016 г. реализовывалось 24 проекта на сумму 12,1 млн долл.⁶⁹ При этом во внешнем позиционировании АМР США специально делало акцент на возможность подключения к участию в конкурсах и граждан из других арабских государств — Алжира, Йемена, Ирака, стран Персидского залива⁷⁰.

⁶³ *Anthi N. Op. cit.* P. 17.

⁶⁴ U.S. Department of State. Congressional Budget Justification. Fiscal Year 2016. Foreign Operations: Appendix 3. Washington, DC: U.S. GPO, 2015. P. 224.

⁶⁵ *Mock K.E.* The Middle East Regional Cooperation Program: Opportunities for Israeli- Palestinian Collaborative Research // *Science & Diplomacy*. 2013. Vol. 2. N 1. — URL: https://www.sciencediplomacy.org/sites/default/files/the_middle_east_regional_cooperation_program_science_diplomacy.pdf (дата обращения: 10.06.2022) P. 2.

⁶⁶ *Ibid.* P. 9.

⁶⁷ *Mock K.E. Op. cit.* P. 2.

⁶⁸ *Harris J.* Water Projects As Part of the Middle East Regional Cooperation Program (Part 4). — URL: <https://blog.usaid.gov/2013/03/water-projects-as-part-of-the-middle-east-regional-cooperation-program-part-4/> (дата обращения: 10.06.2022)

⁶⁹ U.S. Department of State — Broadcasting Board of Governors — Office of Inspector General. Inspection of Embassy Tel Aviv, Israel, 2017. — URL: https://www.stateoig.gov/system/files/isp-i-17-20_1.pdf (дата обращения: 11.06.2022) P. 6.

⁷⁰ *Anthi N. Op. cit.* P. 17.

При всей преимуществах в реализации программы при администрации Б. Обамы можно выделить и ряд важных изменений. Применительно к БРС был разработан план мониторинга достижения индикаторов, привязанных к целям программы и отраженных в критериях отбора проектов (укрепление арабо-израильского сотрудничества, достижение благоприятного воздействия на региональное экономическое развитие, использование инновационных технологий и укрепление научно-технического потенциала в целевых странах). Эти индикаторы стали отслеживаться и на уровне отдельных проектов. Грантополучателям отныне необходимо было раз в полгода сдавать отчеты, отражающие прогресс в их достижении. Кроме того, в 2013–2014 фин. годах были организованы выездные проверки хода реализации проектов. Заметно большее внимание стало уделяться трансферу полученных в рамках проектов ноу-хау другим государственным и негосударственным институтам в странах-партнерах⁷¹. Наконец, появился новый акцент на расширении масштабов привлечения молодых ученых — для «обеспечения передачи опыта арабо-израильского сотрудничества новому поколению»⁷².

Исчерпывающее представление о состоянии программы БРС дает ознакомление с разработанной АМР США при Б. Обаме конкурсной документацией, регулирующей подачу заявок коллективами ученых из Израиля и арабских стран⁷³.

Двумя целями программы БРС были обозначены: 1) содействие развитию и повышение качества жизни в ближневосточном регионе через внедрение результатов научных исследований и технологий; 2) содействие арабо-израильскому сотрудничеству посредством установления тесных рабочих связей, сохраняющихся после завершения проекта⁷⁴. Проект должен был быть разработан как минимум одной арабской и израильской организацией, но прямо поощрялись проекты, ориентированные на участие специалистов из трех и более стран. При этом институты в Израиле и других более богатых странах должны были полностью оплачивать работу своих сотрудников и вносить вклад в натуральной форме (in-kind), чтобы компенсировать более высокие издержки на привлечение их студентов, аспирантов и технического персонала. В инструкциях прямо говорилось:

⁷¹ U.S. Department of State. Congressional Budget Justification. Fiscal Year 2016. Foreign Operations: Appendix 3. Washington, DC: U.S. GPO, 2015. P. 224.

⁷² Ibidem.

⁷³ USAID. The Middle East Regional Cooperation Program (MERC), 2016. — URL: https://2012-2017.usaid.gov/sites/default/files/documents/1883/MERC_2017_pre-proposal_instructions.pdf (дата обращения: 11.06.2022)

⁷⁴ Ibid. P. 1.

«Ресурсы программы БРС ограничены, а АМР США — агентство, чей мандат подразумевает оказание содействия менее развитым странам»⁷⁵.

Участие же американских организаций не поощрялось, ограничивалось техническим содействием и допускалось лишь в случае недоступности соответствующей экспертизы в регионе. Поддерживались преимущественно проекты, нацеленные на решение региональных проблем по таким направлениям, как содействие экономическому росту, повышающему доходы обездоленных групп; улучшение экологического управления; повышение продуктивности сельского хозяйства; сохранение и эффективное использование водных ресурсов, здравоохранение⁷⁶. Максимальный размер гранта был ограничен 1 млн долл. (проекты, претендующие на большую сумму, должны были доказать свою исключительность), минимальный размер не устанавливался, а средний составлял 0,5 млн долл.⁷⁷ Предварительные заявки следовало подавать в комиссию, состоящую из сотрудников функциональных и региональных бюро АМР США и госдепартамента, которые должны были отбирать наиболее интересные проекты и направлять их на независимую научную экспертизу.

Инструкции ясно указывали на заинтересованность американских властей в расширении числа участников программы, однако очередная смена власти в Вашингтоне смешала все карты. Республиканская администрация Д. Трампа — впервые за четыре десятилетия — перестала запрашивать средства на программу БРС⁷⁸. Вероятно, это было связано с пересмотром принципов взаимодействия с палестинцами, к этому моменту ставших главными бенефициарами программы БРС среди арабов. В конце 2017 г. команда Д. Трампа решила признать Иерусалим столицей Израиля и перенести туда американское посольство из Тель-Авива. Кроме того, Белый дом прекратил финансирование Ближневосточного агентства ООН для оказания помощи палестинским беженцам и организации работ (БАПОР) и закрыл офис ООП в Вашингтоне, а республиканский конгресс в 2018 г. принял ряд законов, ограничивших возможности взаимодействия США и ПНА. Прямой диалог в итоге был, по сути, свернут.

⁷⁵ Ibid. P. 5.

⁷⁶ Ibid. P. 2.

⁷⁷ Ibid. P. 6.

⁷⁸ См., например: U.S. Department of State. Congressional Budget Justification. Department of State, Foreign Operations, and Related Programs. Fiscal Year 2019. Washington, DC: U.S. GPO, 2018. — URL: https://www.usaid.gov/sites/default/files/documents/1868/FY_2019_CBJ.pdf (дата обращения: 11.06.2022) P. 142.

Вместе с тем, конгресс США сохранил финансирование БРС (как и многих других программ внешней помощи, которые Белый дом хотел упразднить), что позволило продолжать проводить конкурсы на получение грантов. Но значение программы уменьшилось, особенно после принятия в декабре 2020 г. нового закона имени Ниты Лоуи о Ближневосточном партнерстве ради мира⁷⁹, сфокусированного на реализации решения о создании двух государств для двух народов, а также мирном сосуществовании израильских евреев и арабов через облегчение доступа к ресурсам и развитие экономических связей. Поддержанный обеими партиями, он учредил два специальных фонда («Партнерство народов ради мира» и «Инициатива совместных инвестиций ради мира»), на пополнение которых было решено выделить 250 млн долл. США на 5 лет. На этом фоне ожидания от БРС (объемом 3 млн долл.) закономерно снизились.

Приход к власти Дж. Байдена и переход Белого дома и обеих палат конгресса под контроль Демократической партии подвели черту под перетягиванием каната по вопросам финансирования программы БРС. На 2022 фин. год новая администрация вновь запрашивала 5 млн долл.⁸⁰, хотя отдельное описание программы в новом обосновании бюджета перед конгрессом уже не давалось. Это может гипотетически указывать на снижение общей значимости программы.

Кроме того, при Дж. Байдене был немного обновлен текст конкурсной документации. Единственным отличием стало отдельное упоминание «богатых арабских стран» (в частности, стран Персидского залива), которые получили право на участие в программе БРС с соблюдением всех условий⁸¹. Упоминание стран Залива может отражать новые реалии интенсификации сотрудничества между Израилем и такими странами, как Саудовская Аравия, ОАЭ, Бахрейн. В этом плане показательно, что С. Пауэр во время слушаний в сенате США, посвященных утверждению ее кандидатуры на должность главы АМР США, упомянула программу БРС именно в ответе на вопрос о роли Агентства в поддержке нормализации арабо-израильских от-

⁷⁹ Nita M. Lowey Middle East Partnership for Peace Act of 2020. Pub. L. 116–260. Dec. 27, 2020. 123 Stat. 1815. Title VIII. — URL: <https://www.usaid.gov/sites/default/files/documents/PLAW-116publ260-pages-635-641.pdf> (дата обращения: 21.06.2022)

⁸⁰ U.S. Department of State. Congressional Budget Justification. Department of State, Foreign Operations, and Related Programs. Supplementary Tables. Fiscal Year 2022. Washington, DC: U.S. GPO, 2021. — URL: https://www.usaid.gov/sites/default/files/documents/State_USAID_FY2022-SupplementaryTables.pdf (дата обращения: 11.06.2022)

⁸¹ USAID. The Middle East Regional Cooperation Program (MERC) 2021 Pre-Proposal Instructions. — URL: <https://www.usaid.gov/where-we-work/middle-east/merc/2021-pre-proposal-instructions> (дата обращения: 11.06.2022) P. 1.

ношений на фоне заключения «Соглашений Авраама», при этом не упомянув палестино-израильские совместные проекты⁸².

Труднее всего объяснить отсутствие в конкурсной документации термина «мир» — за исключением выражения «Кэмп-Дэвидские мирные соглашения», употребляемого в преамбуле, тем более, если вспомнить истоки программы БРС. Возможно, за этим стоит нежелание напоминать об отсутствии мира на Ближнем Востоке и тем самым наводить на вопрос об эффективности траты средств.

Это, впрочем, не означает, что программа «списана со счетов»: она нередко упоминается — причем, всегда в позитивном контексте — в актуальном американском дискурсе по ближневосточным проблемам.

В этом плане крайне любопытной представляется статья в газете “The Hill” президента Центра коммуникаций за мир Дж. Бронк и многоопытного американского дипломата Денниса Росса, занимавшего пост специального координатора по Ближнему Востоку при У. Клинтоне и специального советника президента при Б. Обаме, а ныне — научного сотрудника Вашингтонского института ближневосточной политики. В ней отмечается необходимость интеграции трех треков — содействия развитию в арабских странах, укрепления связей между Израилем и арабскими странами на уровне гражданской дипломатии и нормализации межправительственных связей, а программа БРС приводится в качестве единственного примера инициативы, в рамках которой такая интеграция уже осуществляется⁸³. В свою очередь, старшие научные сотрудники Фонда обороны демократии О. Киттри и В. Кодавайюр, вспоминая успехи программы БРС, высказываются за принятие мер — в условиях заключения соглашений между Израилем и ОАЭ и Бахрейном, — нацеленных на поощрение финансирования этими двумя арабскими государствами совместных исследовательских проектов ученых из Израиля, Палестины и арабских стран, а также коммерциализации полученных в их рамках результатов⁸⁴.

⁸² U.S. Congress — Senate Committee on Foreign Relations. Nomination of Ambassador Samantha Power to be Administrator of the United States Agency for International Development. Responses to Additional Questions for the Record. Submitted to Hon. Samantha Power by Senator Marco Rubio. March 23, 2021. P. 71. — URL: <https://www.foreign.senate.gov/download/transcript-power032321> (дата обращения: 11.06.2022)

⁸³ Braude J., Ross D. Biden Need to Tear Down Bureaucratic Walls and Refocus Middle East Programs // The Hill, 01.04.2021. — URL: <https://thehill.com/opinion/international/545879-biden-needs-to-tear-down-bureaucratic-walls-and-refocus-middle-east/> (дата обращения: 11.06.2022)

⁸⁴ Kittrie O., Koduvayur V. Gulf-Israeli Economic Cooperation Can Benefit the Palestinians, 23.03.2021. — URL: <https://nationalinterest.org/blog/middle-east-watch/>

Коллеги Д. Росса по Вашингтонскому институту ближневосточной политики М. Эйзенштадт и Д. Поллок, в свою очередь, прямо призывают к увеличению объемов финансирования программы⁸⁵. Ту же идею совсем недавно высказал и администратор АМР США в 2017–2020 гг., а ныне президент и генеральный директор одного из самых влиятельных американских «мозговых трестов» — Центра международных исследований имени Вудро Вильсона — Марк Грин. В ряду финансируемых из госбюджета программ, нуждающихся, по его мнению, в масштабировании для содействия нормализации отношений Израиля с арабскими странами, он назвал в том числе и БРС⁸⁶.

При всей осмысленности этих предложений, вряд ли стоит ожидать, что в текущих геополитических условиях — с перенесением акцента администрацией Дж. Байдена на борьбу демократий и автократий и «периферизацией» мирного процесса — программа БРС сможет снова обрести то символическое значение, которое она имела в 1980-е и 1990-е гг. В бюджете международной помощи на 2023 фин. год запрашиваемая на нее сумма осталась той же, что и в 1979 г., хотя в реальном выражении (с учетом инфляции) сократилась в три с половиной раза. В этих условиях содействие более активному участию стран Залива в продвижении трехсторонних научных исследований с участием израильских и палестинских ученых как раз отвечало бы интересам американских властей.

* * *

Идея подкрепить один из главных успехов американской дипломатии эпохи «холодной войны» — заключение Кэмп-Дэвидских соглашений — содействием развитию египетско-израильских и, шире, арабо-израильских научных контактов при посредничестве США была первопроходческой. Несмотря на весьма скромные объемы финансирования, свою роль в создании условий для сотрудничества, в том числе и сопряженного с извлечением вполне конкретных экономических дивидендов, она сыграла. В этом плане точка зрения Г.Д. и С.Г. Миллеров о том, что реализация программы могла иметь

[gulf-israeli-economic-cooperation-can-benefit-palestinians-180954](#) (дата обращения: 11.06.2022)

⁸⁵ Eisenstadt M., Pollock D. Asset Test 2021: How the U.S. Can Keep Benefiting from Its Alliance with Israel // The Washington Institute for Near East Policy. February 2021. — URL: <https://www.washingtoninstitute.org/sites/default/files/2021-02/PolicyNote98EisenstadtPollockLongv2.pdf> (дата обращения: 11.06.2022)

⁸⁶ Green M. For better Middle Eastern Relations Tomorrow, Engage Youth Today // The Hill, 14.03.2022. — URL: <https://thehill.com/opinion/international/598100-for-better-middle-eastern-relations-tomorrow-engage-youth-today/> (дата обращения: 10.06.2022)

противоположный эффект — «разжечь костер гнева и протеста в регионе»⁸⁷, — представляется нам малоубедительной и не находит подтверждения в других источниках.

Нет сомнений и в том, что Мадридская конференция 1991 г. и особенно запуск процесса Осло в 1993 г. открыли перед программой новые горизонты. Ярким свидетельством улучшения внешней конъюнктуры стал постепенный переход США от изначально выбранной модели посредничества к финансированию прямых контактов между израильскими и арабскими (в первую очередь, палестинскими) учеными, рост числа проектов и участников.

Однако в XXI в. значение программы в американской политике оказания внешней помощи стало стремительно снижаться. Это произошло как из-за появления новых вызовов, связанных с глобальной войной с терроризмом, так и из-за почти полной остановки палестино-израильского мирного процесса, который ни одна из четырех американских администраций так и не смогла успешно перезапустить.

Программа БРС уже давно реализуется по инерции, и кроме непосредственных грантополучателей и в Израиле, и в Палестине о ней объективно знают очень немногие. Важно и то, что и власти США перестали позиционировать программу в категориях содействия мирному процессу. Тем не менее даже в последние годы, когда сильнейшая поляризация между демократами и республиканцами затрагивает и политику помощи (в том числе и Израилю, и Палестине), данная программа ни разу не становилась предметом разногласий в конгрессе, который заблокировал попытки администрации Д. Трампа ее свернуть. В текущих условиях речи о закрытии БРС не идет. Напротив, раздается все больше голосов в пользу использования ее позитивного опыта для подкрепления процесса нормализации отношений Израиля с богатыми арабскими странами (и даже ее расширения — за счет вовлечения этих государств). Это показатель важного символического значения программы и силы той идеи, которая легла в ее основу.

Список литературы

Гасратян С.М. Отношения Израиля и Египта в контексте арабо-израильского конфликта // Вопросы истории. 2015. № 5. С. 122–138.

Звягельская И.Д. История государства Израиль. М.: Аспект Пресс, 2012. 359 с.

⁸⁷ Miller G.D., Miller S.G. Op. cit.

Звягельская И.Д., Тюкаева Т.И. Палестинская проблема в контексте меняющегося баланса сил // Пути к миру и безопасности. 2021. № 2(61). С. 80–95.

Косач Г.Г. Палестинское квазигосударство и ближневосточная политика // Вестник МГИМО-Университета. 2015. № 5. С. 122–138.

Сурков Н.Ю. За кулисами Кэмп-Дэвида. Неизвестные страницы арабо-израильского диалога // Азия и Африка сегодня. 2006. №3. С. 65–69.

Федорченко А.В., Крылов А.В., Морозов В.М. Государство Палестина: право на будущее. М.: МГИМО, 2018. 418 с.

Clyde M.R. Israel: US Foreign Assistance // The Middle East in Turmoil. Vol. 1 / Ed by John V. Canfield. New York: Nova Science Publishers, Inc., 2001. P. 35–50.

Eisenstadt M., Pollock D. Asset Test 2021: How the U.S. Can Keep Benefiting from Its Alliance with Israel // The Washington Institute for Near East Policy. February 2021. — URL: <https://www.washingtoninstitute.org/sites/default/files/2021-02/PolicyNote98EisenstadtPollockLongv2.pdf> (дата обращения: 10.06.2022)

Kaye D.D. Beyond the Handshake Multilateral Cooperation in the Arab-Israeli Peace Process 1991–1996. New York: Columbia University Press, 2001. 256 p.

Keynan A., Shoham D. Scientific Cooperation in Agriculture and Medical Research as a Means for Normalizing Relations between Egypt and Israel // Scientific Cooperation, State Conflict: The Roles of Scientists in Mitigating International Discord. 1998. N 866. P. 182–188.

Miller G.D., Miller S.G. Middle East Regional Cooperation: A Thirty-Year Assessment // Foreign Policy Journal. — URL: <https://www.foreignpolicyjournal.com/2010/10/14/middle-east-regional-cooperation-a-thirty-year-assessment/view-all/> (дата обращения: 10.06.2022)

Mock K.E. The Middle East Regional Cooperation Program: Opportunities for Israeli- Palestinian Collaborative Research // Science & Diplomacy. 2013. Vol. 2. No. 1. — URL: https://www.sciencediplomacy.org/sites/default/files/the_middle_east_regional_cooperation_program_science__diplomacy.pdf (дата обращения: 10.06.2022)

Ross D., Makovsky D. Myths, illusions, and peace. Finding a new direction for America in the Middle East. New York: Viking Penguin, 2009. 368 p.

Salem W. The Anti-Normalization Discourse in the Context of Israeli-Palestinian Peace-Building // Palestine-Israel Journal. 2005. Vol. 12. N 1. — URL: <https://pij.org/articles/334/the-antinormalization-discourse-in-the-context-of-israelipalestinian-peacebuilding> (дата обращения: 10.06.2022)

Поступила в редакцию
11 мая 2022 г.

В.И. Кулаков

**СОЦИАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА
ВОИНСКОГО СНАРЯЖЕНИЯ ПРУССОВ X–XIV вв.**

V.I. Kulakov

**SOCIAL SPECIFICITY OF PRUSSIANS WARRIOR'S
EQUIPMENT OF THE 10th THROUGH
THE 14th CENTURES**

Аннотация. Статья посвящена слабоизученному вопросу о социальном значении некоторых предметов воинского снаряжения пруссов накануне орденского вторжения в Пруссию. Проведенный сравнительный анализ некоторых элементов воинской материальной культуры жителей Янтарного края позволяет сделать следующие выводы. В эпоху Меровингов прусские мастера творчески перерабатывали (скорее — упрощали) западноевропейские элитные изделия, ориентируясь на запросы верхушки прусского дружинного коллектива. На исходе эпохи викингов в ряде случаев местные производители самостоятельно изготавливали престижные и социально значимые предметы для прусской воинской знати. Прежде всего это относится к покрытым серебром и имитирующим золото бронзовым шпорам. В последнем случае находка на могильнике Бирка предполагает подражание скандинавским бронзовым шпорам. Если в V–XI вв. прусские ювелиры и кузнецы использовали социально значимые изделия западноевропейских производителей в качестве образцов для своей элитной продукции, то в начале орденского времени местные мастера прямо копируют элементы рыцарского снаряжения. Пара плакированных серебром шпор, происходящая из разрушенного прусского трупоположения XIV в. и найденная в слое грунтового могильника Alt-Wehlau/Прудное, типологически копирует рыцарские шпоры. Правда, представленные на этих шпорах стилизованные фигурки козлов бога Перкуно указывают на заказчика этих роскошных изделий — прусского аристократа, перешедшего на сторону Тевтонского ордена и старавшегося в своем снаряжении подражать орденским рыцарям. Таким же прусским аристократам принадлежали и упомянутые в орденских документах «воинские пояса», обозначавшие высокий социальный статус их обладателей. Найденные в погребениях могильника Alt-Wehlau/Прудное

Кулаков Владимир Иванович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела археологии эпохи великого переселения народов и раннего средневековья Института археологии РАН

*Kulakov Vladimir Ivanovich, Doctor in History, Leading Research Fellow, Department of Archaeology of the Great Migration Period and Early Middle Ages, Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences
drkulakov@mail.ru*

такие пояса изготовлены по примеру орденских. При этом если накладки прусских поясов несут, согласно орденской традиции, изображения лопастного креста, то на пряжке представлено стилизованное изображение упоминавшегося выше козла, спутника Перкуно. Эта специфика имитирующей орденские изделия продукции прусских мастеров не позволяет назвать комплекс снаряжения витингов идентичным рыцарскому.

Ключевые слова: юго-восточная Балтика, полуостров Самбия, воинское снаряжение, средневековые прусские мастера, шпоры, воинские пояса.

Abstract. The article addresses a poorly studied issue of the social significance of some pieces of the Prussian warrior's equipment on the eve of the Teutonic Order invasion in the Baltic Prussia. The comparative analysis of some elements of the military material culture of the inhabitants of the Amber Region makes it possible to draw the following conclusions. In the Merovingian period, Prussian masters creatively modified (rather simplified) Western European elite products, focusing on the needs of the top Prussian warriors. At the end of the Viking Age, in a number of cases, local producers independently created prestigious and socially significant items for the Prussian military nobility. First of all, this refers to bronze spurs covered with silver and imitating gold. In the latter case, the find at the Birka burial site suggests that the Sambians imitated Scandinavian bronze spurs. In the fifth–eleventh centuries, Prussian jewelers and blacksmiths used socially significant products of Western craftsmen as models for their elite products, but at the beginning of the Order time, local craftsmen directly copied elements of chivalric equipment. A pair of silver-plated spurs, originating from a ruined fourteenth-century Prussian inhumation and found in the layer of the Alt-Wehlau/Prudnoe burial ground, typologically copies the knight's spurs. However, the stylized figurines of goats, mythical companions of God Perkuno, presented on these spurs, point to fact that these luxurious objects were commissioned by a Prussian aristocrat who went over to the side of the Teutonic Order and tried to imitate the Order knights in his armor. The same Prussian aristocrats also owned the "chivalric belts" mentioned in Order documents, which denoted the high social status of the emerging stratum of local feudal lords. Found in the inhumations of the Alt-Wehlau/Prudnoye burial ground, such belts were made following the example of the Order belts. However, though the cover plates of the Prussian belts, according to the Order tradition, bear the image of a cross pattée, the buckle shows a stylized image of the above-mentioned goat — the mythical companion of Perkuno. This specificity of the products of the Prussian masters, which imitate the Order items, does not allow us to say that the set of equipment of the vitings was identical with the knights' armor.

Keywords: southeastern Baltic, Sambia peninsula, warrior's equipment, medieval Prussian masters, spurs, chivalric belts.

* * *

Основоположник отечественного исторического оружиеведения Анатолий Николаевич Кирпичников полвека тому назад писал относительно одного из важнейших признаков командного (позд-

нее в Западной Европе — рыцарского) статуса: «...идеологическое оформление золотой и серебряной остроги, как символа и командного знака, тогда (по контексту — в XII в. — *К.В.*), по-видимому, только начинало складываться»¹. Проблема материальных показателей социального статуса, поднятая ленинградским ученым, крайне важна в европейской археологии. Если за истекшие с указанной публикации десятилетия в древнерусской археологии развития палеосоциологических исследований не наблюдается, то в процессе изучения древностей пруссов прогресс в этом отношении заметен. Библиография этого вопроса представлена в моей недавно опубликованной статье о социальной градации прусского общества орденского времени². Археологический материал, полученный в результате многолетних раскопок грунтовых могильников пруссов в Северной Самбии, позволяет уточнить значение, в частности, роскошно украшенных шпор для прусской дружины эпохи викингов.

Интересно наблюдение А.Н. Кирпичникова над археологическим материалом раннесредневековой Западной Европы, где одна шпора (как правило — для правой ноги) в раннесредневековых погребениях определяла, по его мнению, статус легковооруженного всадника³. Материалы прусских грунтовых могильников, где минимально снабженные инвентарем всаднические погребения X–XI вв. включают только одну шпору, подтверждают упомянутый выше вывод. Однако комплексы военачальников, судя по обилию деталей снаряжения, также могут содержать одну шпору. Правда, не следует исключать возможность гибели второй шпоры в пламени погребального костра. Так, скорее всего, случилось при формировании погр. Y-16 (сожжение в ладье на стороне) могильника Yrzekapinis/Клинцовка-1, где все компоненты вещевого комплекса прошли через костер. Несмотря на это, внешний вид этих роскошных предметов графически удалось восстановить (рис. 1).

В частности, массивная шпора подтипа Кирпичников Ia с приподнятым сигарообразным острием имеет на своей дуге плакированное серебром и медью изображение дракона. По деталям комплекса данное погребение считается княжеским и датируется первой половиной — серединой XI в.⁴ Кроме того, особый интерес из этого комплекса представляют также плакированные серебром

¹ Кирпичников А.И. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX–XIII вв. САИ. Вып. E1–36. Ленинград, 1973. С. 58.

² Кулаков В.И. Археологические признаки социальных групп в прусском обществе раннеорденского времени // Проблемы межрегиональных связей. 2021. № 16. С. 6–8.

³ Кирпичников А.Н. Указ. соч. С. 58.

⁴ Кулаков В.И. Ирзекапинис // STRATUM plus. 1999. № 5. С. 222.

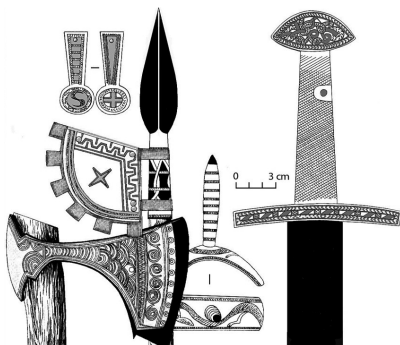

Рис. 1. Реконструкция инвентаря из погр. Y-16 м могильника Yrζεkapinis/Клинцовка-1

наконечник ремня портупеи меча с буквой “S” (Sanctus?) и крестом, а также металлический штурмовой значок, с изображенным медной проволокой по серебряной фольге крестом (рис. 1). Долгое время этот комплекс считался содержащим «останки одного из вождей наиболее поздней дружины викингов»⁵ на Самбии. Указанные специфические детали снаряжения князя из погр.

Y-16 могут свидетельствовать о его знакомстве (подарок, покупка или трофей) с вещественными реалиями формировавшегося именно в это время западноевропейского конного воинства (лат. *Caballarii*) — предшественника позднейшего рыцарства⁶. Примечательно, что чуть позже сооружения погр. Y-16 на ковре из Байо также были представлены кресты как на клотике одного из кораблей Вильгельма Завоевателя, так и на штурмовом значке англосаксонского аристократа (рис. 2).

Рис. 2. Сцены ковра из Байё: А — «Мора», флагманский корабль флотилии Вильгельма Завоевателя; Б — сооружение крепости⁷

⁵ Кулаков В.И. Археологические критерии социальной истории Янтарного берега в I–XI вв. н.э. // STRATUM plus. «Между певкинями и феннами». 2005. № 4. С. 375.

⁶ Кардини Фр. Истоки средневекового рыцарства. М., 1982. С. 356.

⁷ <http://ru.wikipedia.org/w/index.php?title=%D0%9A%D0%B9%D1%91&oldid=25971743>

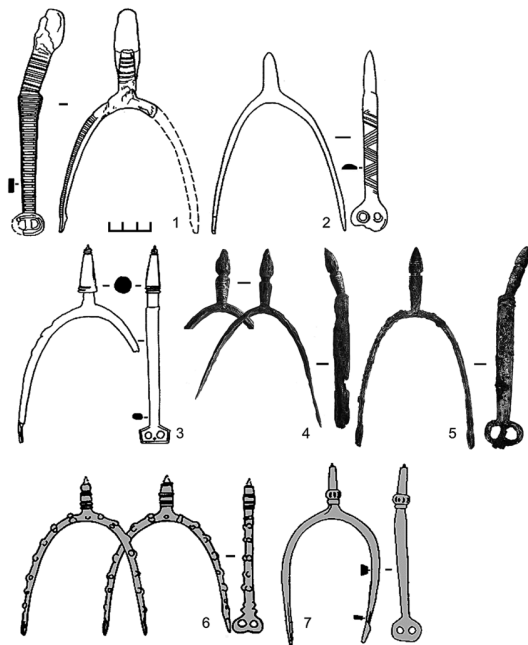

Рис. 3. Шпоры с серебряной плакировкой, найденные в погребениях пруссов X–XI вв.:

1 — погр. Y-10 Yrzekapinis/Клинцовка-1; 2 — погр. Y-66; 3 — погр. Y-45; 4 — погр. K-73 могильника Kl. Каур; 5 — случайная находка на могильнике Kl. Каур; 6 — погр. Y-69; 7 — погр. Y-49; 1, 2 — плакировка серебряной нитью по серебряной фольге; 3–5 — плакировка серебряной фольгой; 6, 7 — бронзовые литые шпоры (1–3, 6, 7⁸; 4, 5⁹, 5¹⁰)

Как правило, сложным и трудоемким для исполнения плакированным декором прусские ювелиры украшали в конце X — начале XI в. лишь массивные шпоры типа Кирпичников I (рис. 3: 1, 2). Позднее, с середины XI в. в обиходе самбийских воинов появляются шпоры того же типа, но — с конусообразным шипом и более изящных, нежели у ранних однотипных шпор, очертаний (рис. 3: 3–5). Шпоры пруссов на закате эпохи викингов, обтянутые серебряной фольгой, выглядели при этом как серебряные. Также во второй половине XI в. в могилах Yrzekapinis/Клинцовки-1 обнаружены бронзовые шпоры,

⁸ Кулаков В.И. Древности пруссов VI–XIII вв. САИ. Вып. Г1-9. М., 1990. Табл. XXXIX, LVIII, LX, LXII, LXVI.

⁹ Кулаков В.И. Пруссы эпохи викингов. Жизнь и быть общины Каупа. М., 2016. Рис. 116.

¹⁰ Кулаков В.И. Поминальная обрядность раннесредневековых пруссов (по данным могильника Kl. Каур) // Проблемы истории, филологии, культуры. 2016. № 4. Рис. 5: 4.

судя по миниатюрным размерам, вряд ли предназначенные для реального использования (рис. 3: 6, 7). Правда, игольчатые острия у этих шпор изготовлены из железа. Аналогичная по конструкции бронзовая шпора обнаружена в погр. Bj-736 курганного могильника Бирка (Швеция)¹¹.

Судя по сопутствующему в могилах инвентарю, погребения с такими «серебряными» и «золотыми» шпорами на могильнике Yrzekapinis/Клинцовка-1 принадлежали знатым дружинникам¹². Это также две плакированные серебром шпоры, обнаруженные на могильнике Kl. Каур, или случайная находка (была утеряна хозяином на поверхности могильника), или шпора, обнаруженная в малоинвентарном мужском погребении¹³.

Роскошно декорированная плакированная серебром шпора из погр. К-39а, судя по сопутствующему инвентарю, не принадлежала воину¹⁴ (рис. 4).

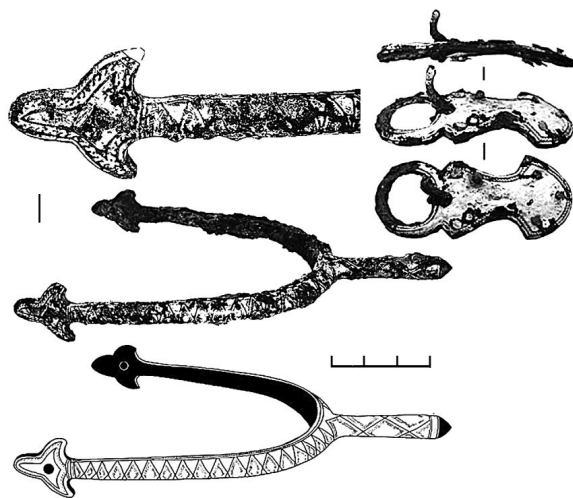

Рис. 4. Плакированные серебряной фольгой шпора и шпорная пряжка из погр. К39а могильника Kl. Каур¹⁵

Упомянутые погребения с роскошно декорированными шпорами датируются второй половиной XI в., т.е. были сооружены примерно за полвека до появления, по мнению А.Н. Кирпичникова, «зо-

¹¹ *Arbman H.* Birka. Bd. I. Die Gräber, Tafeln. Uppsala, 1940. Taf. 38, 1.

¹² Кулаков В.И. Археологические критерии... С. 376.

¹³ Кулаков В.И. Прусы эпохи викингов... С. 265.

¹⁴ Там же. С. 134.

¹⁵ Кулаков В.И. Поминальная обрядность раннесредневековых пруссов ...

лотых и серебряных острог» в Западной Европе (см. выше). Правда, железные шпоры с посеребренной поверхностью были известны в Barbaricum еще в позднеримское время и поступали на Самбию¹⁶. Можно предположить, что и на исходе эпохи викингов воины Европы обладали посеребрёнными шпорами, на что указывает, в частности, явно скандинавского происхождения роскошная шпора из погр. Y-16 (рис. 1). Таким образом, вслед за скандинавами прусские дружинники придавали важное значение вещественным показателям своего высокого социального статуса, используя роскошные конские оголовья с дружинным знаком кречета и блистающие серебром и «золотом» шпоры еще на исходе эпохи викингов.

Уже в V в. н.э. самбийские мастера начинают копировать социально значимые изделия северо- и западноевропейских мастеров. Прежде всего, это касается фибул со звёздчатой ножкой, явившихся фактически дериватами скандинавских фибул со вставками каменных кабошонов¹⁷. В VI–VII вв. западнобалтские ювелиры изготавливали упрощенные копии различных меровингских фибул¹⁸. Сходные процессы происходили на пороге средневековья и у южных соседей пруссов — жителей западной части Мазурского Поозерья. Эти явления сугубо социального характера немецкие коллеги считали результатом мощного германского влияния на часть западных балтов¹⁹. На самом деле подражанием западноевропейским изделиям ювелиры и кузнецы западной окраины балтского мира на пороге средневековья стремились реализовать в своих изделиях стремления элиты местной дружины показать свою генетическую (в частности — благодаря матримониальным связям) и социальную преемственность с меровингской элитой.

Если в V–XI вв. прусские ювелиры и кузнецы использовали социально значимые изделия западноевропейских производителей в качестве образцов для своей элитной продукции, то в начале орденского времени местные мастера прямо копируют элементы рыцарского снаряжения. В частности, пара плакированных серебром шпор, происходящая из разрушенного прусского трупоположения XIV в. и найденная в слое грунтового могильника Alt-Wehlau/Прудное, типологически копирует рыцарские шпоры (рис. 5).

¹⁶ Кулаков В.И. Доллькайм-Коврово. Исследования 1879 г. Минск, 2004. Рис. 88: 3.

¹⁷ Кулаков В.И. Декоративное искусство Янтарного края. Орнамент фибул V–VII вв. Saarbrücken, 2011. Рис. 14: 2–4.

¹⁸ Кулаков В.И. Круглые фибулы с концентрическим орнаментом на западной окраине балтского мира // Pruthenia. Т. XI. 2018. С. 49–53.

¹⁹ Heydeck J. Das Gräberfeld von Daumen und ein Rückblick auf den Anfang einer deutsch-nationalen Kunst // Prussia. Bd. 19. 1895. S. 77.

Рис. 5. Плакированная серебром шпора, случайно найденная в слое могильника Alt-Wehlau/Прудовка²⁰

Правда, представленные на шпорах из этого могильника стилизованные фигурки козлов, посвященных в прусском культе богу Перкуно, прямо указывают на заказчика этих изделий. Им являлся, скорее всего, кто-либо из прусской аристократии раннеорденского времени, скорее всего — один из витингов²¹, перешедших на сторону Тевтонского Ордена и старавшегося в своем снаряжении подражать орденским рыцарям.

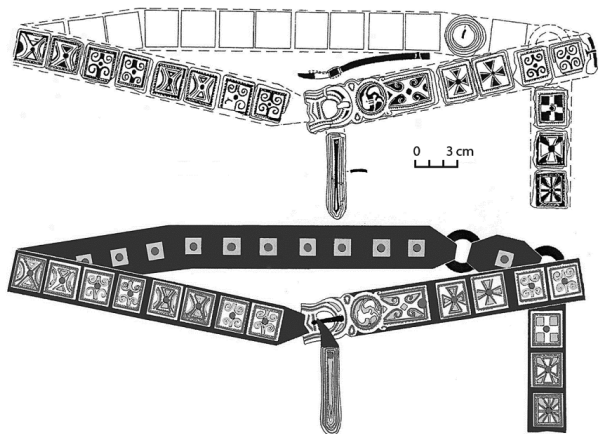

Рис. 6. Пояс с плакированными серебром накладками из погр. Ve-131²²

Таким же прусским аристократам принадлежали и упомянутые в орденских документах «воинские пояса», обозначавшие высокий

²⁰ Кулаков В.И. Прусская чеканка по серебру XI–XIV вв. // Stratum plus. 2017. № 5. Рис. 9.

²¹ Кулаков В.И. Археологические критерии... С. 9.

²² Кулаков В.И. Пруссские пояса орденского времени // Genesis: Исторические исследования. 2017. № 1. Рис. 2.

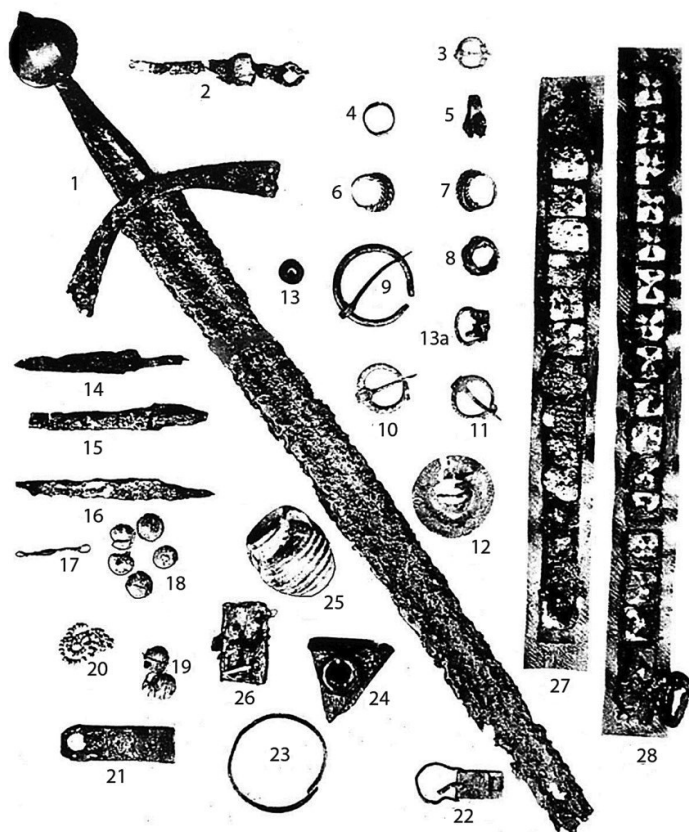

Рис. 7. Находки из погребений могильника XIII–XIV вв.
Simonischken/Маково (Черняховский р-н)²³

социальный статус формирующейся страты местных феодалов²⁴. Найденные в погребениях могильника Alt-Wehlau/Прудное (рис. 6), такие пояса изготовлены по примеру орденских (рис. 7).

При этом если накладки прусских поясов, согласно орденской традиции, несут изображения лопастного креста, то на пряжке представлено стилизованное изображение упоминавшегося выше козла, животного-спутника Перкуно. Эта специфика имитирующей орденские изделия продукции прусских мастеров, а также отсутствие связи «воинских поясов» и мечей в прусских могилах XIV в. не позволяет назвать комплекс снаряжения витингов идентичным рыцарскому (рис. 8). Все-таки социальные ранги этих членов общества орденской

²³ Там же. Рис. 6.

²⁴ Там же. С. 8.

Пруссии были разными. Однако с течением времени часть потомков прусской знати пополнила ряды дворянства Пруссии²⁵.

Рис. 8. Надгробие Джона де Арджентайна, ум. 1382 г. (John de Argentine, Horseheath, Cambridgeshire²⁶).

Итак, подведем итоги рассмотрению некоторых социально значимых деталей прусской материальной культуры XI–XIV вв.

1. В эпоху Меровингов прусские мастера творчески перерабатывали (скорее — упрощали) западноевропейские элитные изделия, ориентируясь на запросы верхушки прусского дружинного коллектива.

2. На исходе эпохи викингов в ряде случаев местные производители самостоятельно изготавливали престижные и социально значимые предметы для прусской воинской знати. Прежде всего это относится к покрытым серебром и имитирующим золото бронзовым шпорам. В последнем случае находка на могильнике Бирка предполагает подражание прусскими мастерами скандинавским бронзовым шпорам.

3. В XIV в. покоренные Тевтонским орденом пруссы предпочитают заказывать у местных мастеров представительские предметы по орденским образцам. Однако это не свидетельствует об обретении витингами рыцарского звания, т.к. их «воинские пояса» (в орденских документах — не рыцарские!) не встречаются в погребениях с главным атрибутом рыцаря — мечом. Феодализирующаяся знать пруссов подражанием рыцарской атрибутике манифестировала свое стремление стать равными с орденской аристократией, пусть лишь за счет внешнего блеска своего снаряжения.

²⁵ Кулаков В.И. Пруские реалии в гербах дворянства Пруссии // Гербовед. 1998. № 4 (30). С. 77–83.

²⁶ https://www.liveinternet.ru/community/camelot_club/post387328637

Список литературы

Кардини Фр. Истоки средневекового рыцарства, М.: Прогресс, 1982. 360 с.

Кирпичников А.И. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX–XIII вв. САИ. Вып. Е1–36. Ленинград: Наука, 1973. 112 с.

Кулаков В.И. Прусские реалии в гербах дворянства Пруссии // Гербовед. 1998. № 4 (30). С. 77–83.

Кулаков В.И. Ирзекапинис // STRATUM plus. 1999. № 5. С. 211–273.

Кулаков В.И. Доллькайм–Коврово. Исследования 1879 г., Минск: Институт истории НАН Беларуси, 2004. 135 с.

Кулаков В.И. Археологические критерии социальной истории Янтарного берега в I–XI вв. н.э. // STRATUM plus. «Между певкинами и феннами». 2005. № 4. С. 278–382.

Кулаков В.И. Декоративное искусство Янтарного края. Орнамент фибул V–VII вв. Saarbrücken: LAP-Lambert Academic Publishing, 2011. С. 1–150.

Кулаков В.И. Пруссы эпохи викингов. Жизнь и быть общины Каупа, М.: Книжный мир, 2016. 351 с.

Кулаков В.И. Круглые фибулы с концентрическим орнаментом на западной окраине балтского мира // Pruthenia. Т. XI. 2018. S. 49–59.

Кулаков В.И. Археологические признаки социальных групп в прусском обществе раннеорденского времени // Проблемы межрегиональных связей. 2021. № 16. С. 6–11.

Arbman H. Birka. Bd. I. Die Gräber, Tafeln. Uppsala: Almqvist & Wiksels Boktryckeri-Aktiebolag, 1940. 82 Taf.

Heydeck J. Das Gräberfeld von Daumen und ein Rückblick auf den Anfang einer deutsch-nationalen Kunst // Prussia. 1895. Bd. 19, S. 41–80.

Поступила в редакцию
26 января 2022 г.

Н.А. Налимова, А.А. Корзун

**СЦЕНА КУПАНИЯ МЛАДЕНЦА ДИОНИСА
В ДЕКОРАЦИИ ТЕАТРОВ МАЛОЙ АЗИИ:
ИСТОКИ ИКОНОГРАФИИ И РИМСКИЙ КОНТЕКСТ**

N.A. Nalimova, A.A. Korzun

**THE BATHING SCENE OF THE INFANT DIONYSUS
IN THE THEATER DECORATION OF ASIA MINOR:
THE ORIGINS OF ICONOGRAPHY AND THE ROMAN
CONTEXT**

Аннотация. С середины II в. н.э. в рельефной декорации театров в Малой Азии — Нисы, Перги и Сиды — появляется сцена омовения младенца Диониса нимфами. Композиция имеет устойчивую иконографию. Включение сцены в состав повествовательных циклов, изображение фигуры Гермеса (в Нисе, Перге) и Зевса (в Сиде) на соседних плитах позволяют связать ее с мифом о рождении Диониса из бедра Зевса и воспитании бога нисейскими нимфами. Несмотря на известность легенды, первые примеры изображения купания Диониса появляются в римском искусстве лишь на рубеже I в. до н.э. — I в. н.э. в живописной декорации и кладах аристократических домов Рима и Кампании, а также в рельефной декорации саркофагов. В научной литературе появление этой иконографии связывается с установлением культа Диониса Гебона в Неаполе в правление Августа. Ко II в. данная сцена основательно входит в репертуар рельефной декорации саркофагов и декоративных программ театров, в IV столетии появляются ее вариации, где место Диониса занимает Ахилл или Александр Великий. Анализ памятников указывает на более ранние истоки данной сцены, и в настоящей статье предпринимается попытка их прояснения. Помимо это-

Налимова Надежда Анатольевна, кандидат искусствоведения, старший преподаватель кафедры всеобщей истории искусств исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Nalimova Nadezhda Anatolievna, PhD Candidate in Art History and Criticism, Senior Lecturer, Department of General Art History, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University
nalim1973@mail.ru

Корзун Арина Алексеевна, аспирант кафедры всеобщей истории искусств исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Korzun Arina Alekseevna, Postgraduate Student, Department of General Art History, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University
arina_korzun@mail.ru

го авторами устанавливаются причины обращения к сюжету в контексте культурной среды Римской империи, выявляются семантические аспекты сцены. В результате проведенного исследования была выдвинута гипотеза об эллинистических прототипах образа младенца Диониса и его связи с концепцией наступления «золотого века» в Риме. Слияние образов императора и Диониса, новые аспекты, связанные с культом нимф, позволяют увидеть в сцене купания намек на образ «императора-дитя». В контексте культуры и визуальной саморепрезентации малоазийских городов присутствие сцены купания Диониса в декоративных циклах среди сюжетов местных легенд, по всей видимости, свидетельствует об интеграции местных культов в имперскую мифологию.

Ключевые слова: эллинистические культы, младенец Дионис, античный театр, рельефный фриз, Перга, Ниса, Сид, концепция «золотого века»

Abstract. From the middle of the second century CE the relief scenery of theaters in Asia Minor — Nysa, Perge and Side — sees the appearance of a scene of the washing of the infant Dionysus by nymphs. The composition is characterized by consistent iconography. The inclusion of the scene in the composition of the narrative cycles, and the images of the figure of Hermes (in Nysa, Perge) and Zeus (in Side) depicted on neighboring plates make it possible to connect it with the myth of the birth of Dionysus from the thigh of Zeus and the upbringing of the god by the Nysean nymphs. Though the legend was well known, the first examples of the image of bathing the infant Dionysus only appear in Roman art at the turn of the first century BC — first century AD in the picturesque ornamentation and hoards from aristocratic houses of Rome and Campania, as well as in the relief decoration of sarcophagi. Scholarly literature has associated the appearance of this iconography with the establishment of the cult of Dionysus Hebon in Naples during the reign of Augustus. By the second century this scene had firmly established itself in the repertoire of the relief scenery of sarcophagi and decorative programs of theaters. The fourth century saw the appearance of its variations, where Dionysus was replaced by Achilles or Alexander the Great. The analysis of the artifacts points to the earlier origins of this scene, and this article attempts to investigate them. In addition, the authors uncover the reasons for referring to the plot in the context of the cultural environment of the Roman Empire, and identify the semantic aspects of the scene. As a result of the research, the authors have proposed a hypothesis about the Hellenistic prototypes of the image of the infant Dionysus and its connection with the concept of the onset of the “golden age” in Rome. The fusion of the images of the emperor and Dionysus, new aspects associated with the cult of nymphs, make it possible to interpret the bathing scene as a hint to the image of the “emperor-child”. In the context of culture and visual self-representation of the cities of Asia Minor, the presence of the bathing scene of Dionysus in decorative cycles among the plots of local legends, apparently, indicates the integration of local cults into the imperial mythologeme.

Keywords: Hellenistic cults, infant Dionysus, ancient theatre, relief frieze, Perge, Nysa, Side, the concept of the “golden age”.

В конце II — начале III в. в рельефной декорации *scaenae frons*¹ театров Малой Азии (Нисы, Перги и Сиды) появляется сюжет с купанием младенца Диониса нимфами². Эти композиции были частью циклов, посвященных событиям из жизни бога. Две из них (в театрах Перги и Сиды) помещены среди изображений триумфальных сюжетов, а сцена из Нисы появляется в одном ряду с легендой о похищении Плутоном Персефоны³. Очевидно, что сюжет омовения младенца Диониса является частью мифа о рождении бога из бедра Зевса — в декорациях Перги и Нисы появляется Гермес, передающий младенца нимфам⁴, в театре Сиды одна из плит содержит изображение сцены рождения⁵. В композиции обычно представлены три нимфы⁶, одна из которых изображена фронтально (ее фигура размещена за ванной младенца), две другие фланкируют центральную

Купание младенца Диониса. Декорация театра Нисы
(Археологический музей г. Айдын. Фото А.А. Корзун)

¹ *Scaenae frons* — декоративно оформленный фасад здания римской сцены.

² *Alanyalı H.S. Side Tiyatrosunda Yeni Yapılan Araştırmalar Işığında Scaenae Frons Kaset Kabartmaları ve Dionysos Frizi // İzmirliğin, Ülke — Gülsün Tanyeli. Side'ye Emek Verenler Sempozyumu 20–22 nisan 2007, Side / Ed. Z. Ahunbay. Antalya, 2011. R. 15.*

³ *Ozgur M.E. Antalya Museum. sculptures of the Perge theatre gallery. Ankara, 2019. P. 27–29; Idil V. Nysa ve Aharaka, Nysa and Aharaka. Istanbul, 1999. R. 22.*

⁴ *Ozgur M.E. Op. cit. P. 24; Idil V. Op. cit. R. 25.*

⁵ *Alanyalı H.S. Op. cit. R. 14.*

⁶ В театре Сиды появляется фигура четвертой нимфы, но ввиду плохой сохранности соседних плит остается неясным ее отношение к данной сцене.

Купание младенца Диониса. Декорация театра Перги
(фото А.А. Корзун)

сцену и представлены в ракурсе. Положение нимф может варьироваться: если с одной стороны нимфа наполняет ванну, то девушка с противоположной стороны, изображенная сидя, опускает в нее младенца. Характерным иконографическим отличием сцены в Перге можно считать появление покрывала в руках у нимфы.

Редкое обращение к подобной иконографии, компактный географический ареал римских памятников и отсутствие упоминаний об омовении в античных источниках⁷ привлекают внимание к этому феномену. В рамках настоящего исследования мы постарались определить истоки иконографии, выявить семантические аспекты композиций с купанием Диониса, установить причины интереса к сюжету в контексте оформления театров и римской визуальной культуры.

Г. Боуэрсок обратил внимание на появление во второй половине I в. в памятниках Кампании сюжета омовения младенца Диониса нимфами и связал его происхождение с установлением при Августе в Неаполе культа Диониса Гебона⁸. Макробий, свидетельствуя о культе и говоря об изваяниях бога в облике юноши и ребенка, свя-

⁷ Опасаясь гнева Геры, Зевс передает младенца Гермесу, и тот, в свою очередь, относит его на воспитание нимфам в Нису (Eur. Васс. 90–102; Apollod. III. 4.3; Ном. Нум. XXVI). Нам известно лишь одно упоминание об омовении младенца Диониса в позднеантичных источниках (Nonn Dion. IX. 20–30).

⁸ Bowersock G. W. *Infant Gods and Heroes in Late Antiquity: Dionysos' First Bath // A different god? Dionysos and Ancient Polytheism* / Ed. by R. Schlesier. Berlin, 2011. P. 6.

зывает разные возрасты Диониса с «возрастами» солнца (Macrobi. Sat. I.18. 7–11). Образ Диониса-младенца соответствует зимнему солнцестоянию (античный автор добавляет, что для солнцестояния у египтян существует определенный день). Данные Макробия подкрепляются эпиграфическими источниками. Нам известно о ритуалах инициации в культ Диониса Гебона и разделении посвященных на возрастные группы⁹.

Ситуация «внезапного» появления подобной иконографии в эпоху ранней Империи¹⁰ побуждает нас обратить более пристальное внимание на семантику образа младенца Диониса, в особенности на рубеже эр. Очевидно, что мотивы пасторали в аттических вотивных рельефах с изображением сюжета передачи Гермесом младенца Диониса нимфам в пещере Пана¹¹ приобретают дополнительные коннотации в раннеимперском искусстве. Эту новую образность мы находим в декорации аристократических домов Кампании и Рима. Присутствие в них дионисийской тематики принято связывать с наследием эллинистической (александрийской) роскоши (τρυφή)¹², а ее поддержание на рубеже эр вызывает особый интерес, учитывая известные ассоциации с Дионисом противника Августа Марка Антония, претензии последнего на царский статус, преемственность Александру и Птолемеям (Plut. Ant. 24, 54; Dio Cass. XLVIII. 39.2). В постулируемую П. Занкером концепцию противостояния Антония (Диониса) и Октавиана (Аполлона), повлекшего исчезновение дионисийской образности из императорской мифологемы, не вписываются крайне важные примеры декорации частных вилл и дворцов самого Августа и близких к нему лиц¹³.

Один из столичных примеров дает вилла Фарнезина, предположительно выстроенная Марком Агриппой в честь свадьбы Марцелла

⁹ Bowersock G. W. The Barbarism of the Greeks // Harvard Studies in Classical Philology. 1995. Vol. 97. P. 12–13.

¹⁰ Анализируя истоки иконографии раннехристианских сцен «омовения Христа», Э. Кицингер выделил памятники со сценами купания младенца Диониса (после III в.) и упомянул об их эллинистических (а может и более ранних) прототипах (Kitzinger E. The Hellenistic Heritage in Byzantine Art // Dumbarton Oaks Papers. 1963. Vol. 17 P. 101. Fig. 4, 6).

¹¹ Например, вотивный рельеф из Музея Агоры в Афинах (Inv. I 7154). Подробнее о сюжете передачи Диониса-младенца нимфам на аттических вотивных рельефах см.: Larson J. Greek nymphs: myth: cult, lore. New York, 2001. Loc. 3852–3858.

¹² Zanker P. Pompeii: public and private life. London, 1998. P. 27–28.

¹³ Zanker P. The Power of Images in the Age of Augustus. Ann Arbor, 1992. P. 5–79. О дионисийских мотивах в искусстве ранней Империи см.: Castriota D. The Ara Pacis Augustae and the imagery of abundance in later Greek and early roman imperial art. Chichester, 1995; Sauron G. L'histoire végétalisée: ornement et politique à Rome. Paris, 2000; Scarpini M. Augustus and Dionysus' triumph: a nonexistent paradox // Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae. 2015. Vol. 55.

и Юлии, дочери Августа, и декорированная ок. 19 г. до н.э. в честь свадьбы той же Юлии и самого Агриппы¹⁴. Принимая подобную датировку виллы и версию о ее владельце, мы оказываемся, во-первых, в политическом и художественном контексте уже после битвы при Акции и, во-вторых — в личном пространстве ближайшего сподвижника Августа и инициатора многих строительных программ в Риме, в том числе первого Пантеона¹⁵.

Дионисийские мотивы появляются в основном в кубикулах В и D (двух спальнях виллы). В эдикуле кубикулы В мы находим изображение нимфы (Лэфкотеи?) с младенцем Дионисом на руках¹⁶. Иконография нимфы-куротрофос, т.е. кормилицы и охранительницы детей, содержит намек на использование в качестве сюжета мифа о воспитании Диониса нимфами¹⁷. Второй раз младенец появляется на пинаке криптопортика А¹⁸. Наконец, сцена приготовления к ритуальному омовению¹⁹, учитывая ее расположение между дионисийскими сюжетами соседних пинак (одна из них трактуется как сцена воспитания), очевидно, должна быть соотнесена с Дионисом²⁰. Обращает на себя внимание тот факт, что живописные пинаки совмещаются с изображениями инициации (в том числе и детей)²¹. М. Нильссон допускает связь детских образов в сценах инициации и в различных мистерияльных сюжетах с реальной практикой посвящения детей из аристократических семей. В композициях, где младенец может быть интерпретирован как Дионис, он, по-видимому, выступает прототипом (а может быть и примером) для реального ребенка²². В более поздней литературе известны примеры описания детства Диониса, в которых упоминается посвящение маленького бога в собственные мистерии как один из этапов воспитания (Nonn. Dion. IX, 55; Oppian Cynege. IV.55).

¹⁴ *Beyen H.G.* Les domini de la villa Farnesine // *Studi varia Carlo Giulielmo Vollgraff a discipulis oblata.* 1948. P. 3–21.

¹⁵ *Favro D.* The Urban Image of Augustan Rome. New York; Melbourne, 1998. P. 252–280.

¹⁶ *Bragantini I., de Vos M.* Le pitture. Le decorazioni della villa romana della Farnesina. Roma, 1982. Tav. 68–69.

¹⁷ Об иконографии нимф и литературных источниках см.: *Larson J.* Op. cit. Loc. 106, 666.

¹⁸ *Bragantini I., de Vos M.* Op. cit. Tav. 16.

¹⁹ *Ibid.* Tav. 17.

²⁰ Несмотря на плохую сохранность, М. Скарпини видит в цикле пинак исключительно дионисийскую тематику (*Scarpini M.* Le stanze di Dioniso. Contenuti rituali e committenti delle scene dionisiache domestiche tra Roma e Pompei // *Anejos de Archivo espanol de arqueologia.* 2016. Vol. 6. P. 281–284).

²¹ Сцены в стукковых рельефах (*Bragantini I., de Vos M.* Op. cit. Tav. 78).

²² *Nilsson M.P.* The Dionysiac mysteries of the hellenistic and roman age // *Acta Instituti Atheniensis Regni Sueciae.* 1957. Vol. 8. N 5. P. 109–111.

Вместе с тем, отмеченное нами александрийское наследие в декорации аристократических домов, совмещение египтизирующих мотивов с дионисийской тематикой дают основания для поиска прототипов композиции в искусстве Птолемеев. Ф. Мац, полемизируя с М. Нильссоном, отмечает, что начиная с эпохи эллинизма и под воздействием культурной среды Лагидов изображение младенца Диониса могло быть связано с еще одним аспектом, а именно, образом царского дитя²³. Знаменитые пассажи Афиней о дионисийской помпе Птолемея Филадельфа, упоминание о повозке с импровизированным гротом для младенца Диониса (Athen. V. 196. fr. 30c) и о зале Диониса на корабле Птолемея Филадельфа со специальной нишей, устроенной наподобие грота (Athen. V. 205. e-f), могут быть дополнены дошедшими до нас памятниками. Изображение на камее Птолемея IV в образе младенца Диониса²⁴ и скульптурные изваяния маленького божества верхом на различных животных из дромоса Серапеума в Мемфисе²⁵ подтверждают факт существования культа младенца Диониса у Лагидов и его связь с образом правителя.

Безусловно, речь не идет о прямом переносе птолемеевской концепции на раннеимперские образы. Можно лишь утверждать, что эта традиция была известна в Риме, и изображение младенца Диониса могло вызывать дополнительные религиозные ассоциации, связанные с эллинистическим Египтом и темой власти.

Примечательно, что среди дионисийских мотивов этого времени часто встречаются буколические темы и изображения «райского сада»²⁶. Подобные идиллические сцены хорошо укладывались в концепцию так называемого «золотого века» (*aurea aetas*), проявившуюся в искусстве и особенно в литературе времени Августа²⁷. Согласно римской поэзии, гарантом его наступления являлся сам Август (Verg. Aen. VI. 790–795). В признанном каноническом описании новой эры — IV эклоге («Буколики») Вергилия (Verg. Buc. IV), появляется загадочный «новорожденный», с приходом которого «на смену роду железному род золотой по земле расселится» (пер.

²³ Matz F. The Dionysiac Mysteries of the Hellenistic and Roman Age by Martin P. Nilsson // Gnomon. 1960. Vol. 32. N 6. P. 546–548. В качестве примеров правления царей в детском возрасте автор справедливо приводит Птолемея V Эпифана и Птолемея VI Филометра.

²⁴ BNF cameo. Inv. 95.

²⁵ Lauer Ph., Picard Ch. Les statues ptolemaïque du Sarapieion de Mephis. Paris, 1955. Fig. 19–20, 23–24.

²⁶ Например, изображение буколических сцен и райского сада из «Аудиториума Мецената» (Wyler S. An Augustan Trend towards Dionysos: Around the Auditorium of Maecenas // Redefining Dionysos / Ed. by A. Bernabe, M. Jauregui, A. Himenez San Cristobal, R. Hernandez. Berlin, 2013. P. 546).

²⁷ Zanker P. Pompeii: public and private life. P. 23.

С.В. Шервинского). Попытки связать его с конкретным героем породили множество гипотез — от реальных персонажей (Августа, его родственников и сподвижников) до богов²⁸. Отметим версию о младенце-Дионисе²⁹. Как С. Рейнак, так и П. Бриссон видят в новорожденном Диониса-Загрея³⁰ (или орфического). Последний автор находит аналогии орфической теогонии с ее сменой царств и приходом к абсолютному царству Диониса с концепцией наступления «золотого века» у Вергилия³¹.

Примечательно, что подобная «мессианская» идея уже была известна по более ранней литературе. IV эклога Вергилия обнаруживает явные параллели с третьей книгой Сивилл (*Oracula Sibyllina*)³². Последнее произведение, по всей видимости, было создано во II в. до н.э. в правление Птолемея VI Филометра или Птолемея VIII Эвергета и происходило из еврейской диаспоры Египта (Александрии)³³. Момент эпифании — появления новорожденного, несущего благодать и принадлежащего миру богов и миру людей, — у Вергилия имеет аналогии с посланием на землю царя-спасителя: «бог на землю пошлет царя, что придет от Восхода, злую войну прекратит этот царь по всей поднебесной, жизни лишая одних и клятвы другим выполняющая» (*Orac. Syb. III, 652–654*) (пер. М. Г. В. Е. Витковских).

Если принять предложенную Дж. Коллинзом датировку³⁴, то мы оказываемся в контексте птолемеевской культурной среды с характерными сотериологическими идеями, а также идеями цикличности, возвращения к истокам или связи наступления новой эры с началом очередного царствования³⁵. Важно отметить, что посланный на землю царь придет «от Восхода», т.е., как и в мистериях Диониса Гебона,

²⁸ Разные версии того, кем мог бы быть младенец, представлены в кн.: Чернышов Ю.Г. Социально-утопические идеи и миф о «золотом веке» в древнем Риме. Ч. 1. Новосибирск, 1994. С. 86–88.

²⁹ Brisson J.-P. Rome et l'âge d'or. De Catulle a Ovide, vie et mort d'un mythe. Paris, 1992. P. 82–84.

³⁰ Reinach S. Orpheus, histoire generale des religions. Paris, 1921. P. 122–123; Brisson J.-P. Op. cit. P. 82–84.

³¹ Brisson J.-P. Op. cit. P. 84–86.

³² Nisbet R.G.M. Virgil's fourth eclogue: Easterners and Westerners // Bulletin of the Institute of the Classical Studies. 1978. Vol. 25. N 1. P. 59–78.

³³ Sibylline Oracles (transl. by J.J. Collins) // Old Testament Pseudepigrapha. Vol. 1. Apocalyptic Literature and Testaments / Ed. by J.H. Charlesworth. New York, 1983. P. 24–29.

³⁴ Ibidem.

³⁵ Характерным примером может служить так называемый «Канопский декрет», принятый Птолемеем Эвергетом III с целью приведения египетского календаря в соответствие с солнечным. Попытка была сделана в том числе для утверждения спасительной роли правителя и начала новой эры (Van den Broek N. The myth of the Phoenix according the Classical and early Christian traditions. Leiden, 1972. P. 106–107).

детский возраст имеет связь с солнечным циклом (только не с дневным, а с астрономическими временами года).

Начиная с середины I в. можно говорить о распространении иконографии купания младенца Диониса. Примечательно, что подобные сюжеты, во-первых, включаются в нарративные циклы, а во-вторых, по-прежнему имеют связь с аристократической средой и даже с императором. Так, сцена омовения появляется в росписях комнаты 34 Золотого Дома Нерона³⁶. Общее настроение триумфа всей декоративной композиции задается фигурой Диониса на троне в зените свода. По углам от центральной сцены расположились четыре «пинаки». Вероятно, одна сторона (5A–5B)³⁷ посвящена младенчеству Диониса. Первая композиция — рождение бога (5A). Здесь изображена женская фигура в диадеме (возможно, Семела) на ложе в окружении трех помощниц. Одна из них, опустившись на колени, держит младенца на руках. Рядом с ней небольшая ванна, предназначенная для первого омовения (?). Вторая сцена — передача Гермесом младенца нимфам (5B). Сюжеты второй стороны (5D–5C) с трудом поддаются интерпретации. Эти сцены, по мнению И. Перрэн, содержат аллюзии на военные победы Диониса³⁸.

Важным примером являются композиции двух скифосов, происходящих из серебряного клада Дома Менандра (Помпеи). Сцены на сосудах связаны между собой и посвящены двойному рождению Диониса³⁹. Тем не менее, их прочтение неоднозначно. На стороне А скифоса⁴⁰ изображена смерть Семелы: лежащая (умирающая) Семела, по бокам от ее ложа — фигуры двух женщин; слева от Семелы — крылатое божество, вероятно, олицетворяющее смерть. На стороне В представлена сцена омовения младенца-Диониса. Нимфа (?) опускает младенца в ванночку, позади нее — фигура девушки, держащей покрывало, слева еще одна женская фигура облокотилась на гидрию. Справа от этой группы — фигура наблюдающего силена с тирсом в руке⁴¹.

³⁶ Perrin Y. *Etres mythiques, etres fanstatiques et grotesques de la domus aurea de Neron* // *Dialogues d'histoire ancienne*. 1982. Vol. 8. Fig. V a-b.

³⁷ Perrin Y. Nicolas Ponce et la Domus aurea de Neron: une documentation inedite // *Melanges de l'Ecole francaise de Rome. Antiquite*. 1982. Vol. 94. N 2. P. 879, fig. 12.

³⁸ Ibidem. М. Скарпини, анализируя различные трактовки, соглашается, что на первой изображен юноша в венке, вероятно, победивший в гонке на колесницах, на второй — сюжет с Диоскурами (*Scarpini M. Le stanze di Dioniso...* Vol. 6. P. 300–301).

³⁹ Linfert A. *Zwei Versuche über antiken Witz und Esprit* // *Rivista di Archeologia*. 1978. Vol. 1. S. 23; Maiuri A. *La casa del Menandro e il suo tesoro di argenteria*. Roma, 1933. P. 252, 263.

⁴⁰ Museo Archaeologico di Napoli. Inv. 145508.

⁴¹ Painter K.S. *Silver Treasure* // *The Insula of the Menander at Pompeii* / Ed. by R. Ling. New York, 2001. P. 60–61.

Композиция на стороне А второго скифоса вызывает вопросы⁴². А. Маюри видит в ней сюжет «покинутая Ариадна»⁴³. А. Линферт же интерпретирует ее как изображение Семелы в окружении сестер (они убедили Семелу предложить Зевсу явиться в пламени, что повлекло за собой смерть матери Диониса)⁴⁴. Трактовка сцены на стороне В однозначна, а именно — рождение Диониса из бедра Зевса⁴⁵. В результате А. Линферт предлагает следующую последовательность в прочтении сцен на двух сосудах: «Семела среди сестер», «смерть Семелы», «рождение Диониса из бедра Зевса», «омовение младенца Диониса нисейскими нимфами»⁴⁶.

Наконец, в этот же период сюжет первого омовения Диониса появляется в погребальном искусстве. В рельефе саркофага из Капитолийских музеев мы находим изображение нимфы (?). Она протягивает младенца другой девушке, держащей над ванной сосуд с водой. Сцена обрамлена фигурами эротов, сатира и других персонажей дионисийского фиаса⁴⁷. Примечательно, что ко II в. композиция основательно входит в репертуар рельефного декора на саркофагах⁴⁸.

Отметим некоторые точки соприкосновения с погребальной иконографией в декоре рассматриваемых нами театров. Форма ванны для младенца в рельефах из Перги и Нисы напоминает форму саркофагов типа ленок, имеющих вид чана-давильни для винограда. В театре Нисы хтонические коннотации проявляются за счет чередования сюжета мифа с сюжетом о похищении Плутоном Персефоны. На одной из плит Персефона восседает на троне в окружении танцующих корибантов с младенцем Дионисом на коленях⁴⁹. Подобная иконография могла вызывать ассоциации с Дионисом Загреем, рожденным Персефой в подземном царстве (Orph. Hymn XXIX, LVI). Если это так, то мистериальные аспекты культа могли дополнительно акцентироваться сценой купания, в которой омовение рассматривалось как акт перерождения бога (что и происходит после второго рождения из бедра Зевса или после растерзания Титанами).

⁴² Museo Archaeologico di Napoli. Inv. 145509.

⁴³ Maiuri A. Op. cit. Tav. 38–40.

⁴⁴ Linfert A. Zwei Versuche über antiken Witz und Esprit // Rivista di Archeologia. 1978. Vol. 1. S. 23.

⁴⁵ Painter K.S. Silver Treasure // The Insula of the Menander at Pompei. P. 61–62.

⁴⁶ Linfert A. Op. cit. S. 23.

⁴⁷ Matz F. Die dionysischen Sarkophage // Die antiken Sarkophagreliefs. Vol. IV. Berlin, 1968–1969. S. Taf. 215. 210. Примечательно, что Ф. Матц, анализируя сцену купания младенца Диониса, также видит истоки иконографии в птолемеевской царской среде и допускает ее связь с неким живописным нарративным циклом.

⁴⁸ Ibid. Taf. 212, 215. 206.

⁴⁹ Lindner R. Mythos und Identität: Studien zur Selbstdarstellung kleinasiatischer Städte in der römischen Kaiserzeit. Stuttgart, 1994. S. 171–190.

Попутно отметим, что Нонн, повествуя об омовении, использует гапакс «αχυτλωτοιο», который содержит тот же корень, что и глагол «χοή, χέω» (совершать возлияние, в основном в честь умершего). Примечательно, что омовение и семантика воды как своеобразной границы между жизнью и смертью (или смертью и бессмертием) находит воплощение еще в одной сцене купания — Ахилла Фетидой. В более поздних примерах, относящихся уже к IV в., мать опускает дитя не в реку Стикс (Stat. Achill. I. 265–270), а именно в ванну⁵⁰.

Отметим, что тема воды во всех ее аспектах (от природных источников до архитектурных нимфеев) в римской Империи имеет самые разные коннотации, в том числе сакральные, а в эпоху Антонинов и Северов становится частью образности, тесно связанной с императором⁵¹. В Малой Азии вода проникает в пространство театра. Она может непосредственно включаться в архитектурное решение (в театре Перги *postscaenium* оформлен как нимфей⁵²) или быть частью изобразительной программы. Сцены рельефных фризов часто содержат изображения местных рек, нимф источников⁵³. Рассуждая о специфике изображения и семантике образа нимф в римское время, Д. Роджерс выявляет определенные связи между культом нимф, которые выступают как «знак» местности (например, нимфы источников театра в Нисе), и императорским культом⁵⁴.

Срастание местных легенд с императорским культом является довольно распространённой практикой в восточных провинциях, в частности, на территории Малой Азии⁵⁵. Вместе с тем, начиная с Калигулы, продолжая Домицианом, Адрианом и потом Северами, мы располагаем множественными литературными и эпиграфиче-

⁵⁰ LIMC I.2 Achilleus. no 3-4.

⁵¹ Среди многочисленных примеров отметим строительство Септизодиума в Риме или реверс монеты Септимия Севера из Адрианополя с изображением нимфея и его скульптурной декорации (Thomas E. Metaphor and identity in Severan architecture: the Septizodium at Rome between “reality” and “fantasy” // Severan Culture / Ed. by S. Swain, S. Harrison, J. Elsner. Cambridge, 2015. Fig. 15. 7–15). Вспоминается также свидетельство Диона Кассия, в котором вода выступает одним из знамений будущей власти для Септимия Севера (Cass. Dio. 75.3.2).

⁵² Ozgur M.E. Op. cit. P. 19.

⁵³ Сцены с изображением реки Кестрос в театре Перги см.: Ozgur M.E. Op. cit. P. 25; реки Меандр и нимф источников в театре Нисы см.: Idil V. Op. cit. R. 22.

⁵⁴ Rogers D.K. Water culture in roman society // Ancient History. 2018. Vol. 1. N 1. P. 295, 321–333.

⁵⁵ В качестве примеров приведем так называемый «жертвенный фриз» с изображением Артемиды Пергаи из театра Перги (Ozgur M.E. Op. cit. P. 108–109); а также посвяtitельную надпись о «передвижном» скульптурном декоре театра в Эфесе, в состав которого помимо скульптур Артемиды Эфесской входили скульптуры императора Траяна и императрицы Плотины (Gebbard E.J. The theater and the city // Roman theater and society / Ed. by W.J. Slater. Ann Arbor, 1996. P. 121–123).

скими свидетельствами о принятии императорами титулатуры Νεός Διόνυσος (Новый Дионис)⁵⁶. Это сближение образа императора с Дионисом и его жизненным циклом имеет подтверждения в изобразительной традиции. Так, на аверсе монеты северовского времени мы находим изображение Юлии Мамеи (матери Александра Севера), а на реверсе — младенца Диониса, сидящего на цисте, в окружении двух танцующих корибантов⁵⁷.

Сцены из детства Диониса в театральных фризах соседствуют с образами его триумфальных выездов и побед (сюжет Гигантомахии⁵⁸). Истоки такой визуальной риторики очевидны: это аллюзии на походы Александра Великого, сближение иконографии бога и царя⁵⁹. Примечательно, что сцена купания Александра появляется в поздней мозаике из виллы Суйедие (близ Гелиополя), конца IV в.⁶⁰ Существует предположение, что литературным источником цикла мог послужить «Роман об Александре» Псевдо-Каллисфена, происходящий из Египта⁶¹. На первой мозаике представлены Олимпиада и Филипп II, еще одна фигура сохранилась плохо, и ее отождествление с Гермесом ненадежно. На второй сохранилась часть фигуры размышляющего философа, надпись позволяет связать изображение с Аристотелем.

Таким образом, наше знание об иконографии омовения, начиная с позднереспубликанского периода, выявляет ее связь с эллинистическими культами, конкретно с культом Диониса и «царского дитя» у Птолемеев. Не случайно Макробий, повествуя о младенчестве Диониса, упоминает о дне солнцестояния в Египте. Однако эта, характерная для эллинизма, связь образа Диониса с правителем и его деяниями в римском мире далеко не сразу проявляет себя в публичной сфере, но существует в имплицитной форме в частном пространстве личных покоев императора или его приближенных. При-

⁵⁶ Подробнее о титулатуре Калигулы, Домициана и Адриана см.: Poloczek S. Dionysus and legitimisation of imperial authority by myth in first and second century Rome: Caligula, Domitian and Hadrian // Dionysus and politics: constructing authority in the Graeco-Roman world / Ed. by F. Doroszewski, D. Karłowicz. London; New York, 2021. P. 123–129). О Северах см.: Krawczyk M. The role of Bacchus/Liber Pater in the Severan religious policy: the numismatic and epigraphic evidence // Dionysus and politics... P. 141–157.

⁵⁷ Heinrich-Heine-Universität Düsseldorf. Inv. Ls 2004008350

⁵⁸ Сцена Гигантомахии из театра Сиды (Alanyalı H.S. Op. cit. R. 19–20).

⁵⁹ Buccino L. Dioniso Trionfatore. Percorsi e interpretazione del mito del trionfo indiano nelle fonti e nell'iconografia antiche. Roma, 2013. P. 49–62.

⁶⁰ Chehab M. Mosaïques du Liban. Paris, 1959. P. 29–52, Fig. XI–XXVI.

⁶¹ Ross D.J.A. Olympias and the Serpent: The Interpretation of a Baalbek Mosaic and the Date of the Illustrated Pseudo-Callisthenes // Journal of the Warburg and Courtauld Institutes. 1963. Vol. 26. N 1/2. P. 16–17.

чиной этому было двойственное отношение к культу Диониса, явные ассоциации бога с царской властью и последним из противников Августа — Марком Антонием. Со временем ситуация изменилась. Ко II в. ассоциации императора с Дионисом появляются повсеместно: бог становится своего рода мифологическим *alter ego* принцев, начиная с Адриана.

В римском дионисийском контексте возникают дополнительные коннотации. Нимфы, купающие младенца, — больше не персонажи пасторальных сцен, даже если читается их связь с топографией местности. Соотнесение их культа с императорским позволяет видеть в сценах купания Диониса намек на образ «императора-дитя».

Возбуждает интерес то обстоятельство, что иконография сцен купания, появляющихся в составе нарративных циклов, не претерпевает серьезных изменений на протяжении времени. Гипотетически можно предположить существование единого влиятельного, но неизвестного нам иконографического источника. Можно также допустить, что заказчики декорации Перги и Сиды ориентировались на более ранний пример композиции из театра Нисы⁶² — все города расположены на небольшом расстоянии друг от друга, Сиды и Перга вообще входили в состав одной провинции «Ликия и Памфилия».

Ко второму веку размах строительных проектов в бывших эллинистических полисах восточных провинций достиг своего апогея⁶³. Новое видение связи города и римской власти в лице императора воплощается в мраморной декорации публичных зданий. Важно также, что пространство театра было причастно ко многим публичным действиям, включая религиозные фестивали. Их проведение со времен Августа санкционируется императором⁶⁴. Для города декорация театра — это прежде всего возможность представить себя и свое легендарное прошлое. Устойчивые иконографические формулы в изображении дионисийских сюжетов чередуются с сюжетами местных легенд. С одной стороны, мы наблюдаем принятие «державной» идеи, с другой — сохранение и культивирование собственной самобытности. Возможно, что сцена омовения младенца Диониса (и ее ассоциации с жизненным путем императора) относилась к типу устойчивых композиций, отражающих имперскую мифологию, а ее включение в

⁶² Датировки зданий скены трех театров очень близки. Здание скены театра Нисы построено между 180 и 200 гг. (*Kadioglu M. Die scaenae frons des Theaters von Nysa am Mäander. Mainz am Rhein, 2006. S. 278–279*), Перги — между 193 и 211 гг. (*Ozgur M.E. Op. cit. P. 17*), по Сиде точных данных нет.

⁶³ *Mitchell S. Anatolia: land, men and gods in Asia Minor. Vol. 1. The celts and the impact of roman rule. Oxford, 1993. P. 198.*

⁶⁴ *Ibid. P. 221.*

нарративные циклы, соединение с другими мифами было проявлением локальной специфики и римского синкретизма и, как следствие, обогащение истории Диониса новыми сюжетами и смыслами.

Список литературы

Чернышов Ю.Г. Социально-утопические идеи и миф о «золотом веке» в древнем Риме. Ч. 1. Новосибирск: Издательство Новосибирского университета, 1994. 176 с.

Alanyalı H.S. Side Tiyatrosunda Yeni Yapılan Araştırmalar Işığında Scaenae Frons Kaset Kabartmaları ve Dionysos Frizi // Side'ye Emek Verenler Sempozyumu 20–22 nisan 2007, Side / Ed. Ü. İzmirilgil, G. Tanyeli, Z. Ahunbay. Antalya: SİVA — Side Eğitim Kültür ve Sanat Vakfı, 2011. S. 84–91.

Beyen H.G. Les domini de la villa Farnesine // Studi varia Carlo Giulielmo Vollgraff a discipulis oblata. Amsterdam: North-Holland Pub. Co., 1948. P. 3–21.

Bowersock G.W. Infant Gods and Heroes in Late Antiquity: Dionysos' First Bath // A different god? Dionysos and Ancient Polytheism / Ed. by R. Schlesier. Berlin: De Gruyter, 2011. P. 3–13.

Bowersock G.W. The Barbarism of the Greeks // Harvard Studies in Classical Philology. 1995. Vol. 97. P. 3–14.

Buccino L. Dioniso Trionfatore. Percorsi e interpretazione del mito del trionfo indiano nelle fonti e nell'iconografia antiche. Roma: L'ERMA di Bretschneider, 2013. 350 p.

Bragantini I., de Vos M. Le pitture. Le decorazioni della villa romana della Farnesina. Roma: de Luca, 1982. 435 p.

Brisson J-P. Rome et l'âge d'or. De Catulle a Ovide, vie et mort d'un mythe. Paris: Editions la Decouverte, 1992. 202 p.

Castriota D. The Ara Pacis Augustae and the imagery of abundance in later Greek and early roman imperial art. Chichester: Princeton University Press, 1995. 253 p.

Chehab M. Mosaiques du Liban. Paris: Librairie d'Amerique et d'Orient, 1959. 178 p.

Favro D. The Urban Image of Augustan Rome. New York; Melbourne: Cambridge University Press, 1998. 346 p.

Gebbard E.J. The theater and the city // Roman theater and society / Ed. by W.J. Slater. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1996. P. 113–128.

İdil V. Nysa ve Aharaka. Nysa and Aharaka. Istanbul: Yaşar Eğitim ve Kültür Vakfı, 1999. 87 s.

Kadıoğlu M. Die scaenae frons des Theaters von Nysa am Mäander. Mainz am Rhein: Verlag Philipp von Zabern, 2006. 396 s.

Kitzinger E. The Hellenistic Heritage in Byzantine Art // Dumbarton Oaks Papers. 1963. Vol. 17. P. 95–115.

Krawczyk M. The role of Bacchus/Liber Pater in the Severan religious policy: the numismatic and epigraphic evidence // Dionysus and politics: constructing authority in the Graeco-Roman world / Ed. by F. Doroszewski, D. Karłowicz. London; New York: Routledge, 2021. P. 141–157.

Larson J. Greek nymphs: myth, cult, lore. New York: Oxford University Press, 2001. 392 p.

Lauer Ph., Picard Ch. Les statues ptolemaïques du Sarapieion de Mephis. Paris: Presses Universitaires de France, 1955. 280 p.

Lexicon Iconographicum Mythologiae Classicae (LIMC) I.2. Zürich; München; Düsseldorf: Artemis and Winkler Verlag, 1981. 752 p.

Lindner R. Mythos und Identität: Studien zur Selbstdarstellung kleinasiatischer Städte in der römischen Kaiserzeit. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 1994. 207 S.

Linfert A. Zwei Versuche über antiken Witz und Esprit // *Rivista di Archeologia*. 1978. Vol. 1. S. 19–26.

Maiuri A. La casa del Menandro e il suo tesoro di argenteria. Roma: La Libreria dello Stato, 1933. 450 p.

Matz F. Die dionysischen Sarkophage // *Die antiken Sarkophagereliefs*. Vol. IV. Berlin: Gebr. Mann Verlag, 1968–1969. S. 1–161.

Matz F. The Dionysiac Mysteries of the Hellenistic and Roman Age by Martin P. Nilsson // *Gnomon*. 1960. Vol. 32. N 6. P. 540–552

Mitchell S. Anatolia: land, men and gods in Asia Minor. Vol. 1. The Celts and the impact of Roman rule. Oxford: Clarendon Press, 1993. 296 p.

Nilsson M.P. The Dionysiac mysteries of the Hellenistic and Roman Age // *Acta Instituti Atheniensis Regni Sueciae*. 1957. Vol. 8. N 5. P. 1–150.

Nisbet R.G.M. Virgil's fourth eclogue: Easterners and Westerners // *Bulletin of the Institute of Classical Studies*. 1978. Vol. 25. N 1. P. 59–78.

Ozgur M.E. Antalya Museum. Sculptures of the Perge theatre gallery. Ankara: Donmez Offset, 2019. 135 p.

Painter K.S. Silver Treasure // *The Insula of the Menander at Pompeii* / Ed. by R. Ling. New York: Oxford University Press, 2001. P. 1–89.

Perrin Y. Êtres mythiques, êtres fantastiques et grotesques de la domus aurea de Néron // *Dialogues d'histoire ancienne*. 1982. Vol. 8. P. 303–338.

Perrin Y. Nicolas Ponce et la Domus aurea de Néron: une documentation inédite // *Mélanges de l'École française de Rome. Antiquité*. 1982. Vol. 94. N 2. P. 843–891.

Poloczek S. Dionysus and legitimisation of imperial authority by myth in first and second century Rome: Caligula, Domitian and Hadrian // *Dionysus and politics: constructing authority in the Graeco-Roman world* / Ed. by F. Doroszewski, D. Karłowicz. London; New York: Routledge, 2021. P. 123–140.

Reinach S. Orphée, histoire générale des religions. Paris: Publications Alcan Picard, 1921. 627 p.

Rogers D.K. Water culture in Roman society // *Ancient History*. 2018. Vol. 1. N 1. P. 1–118.

Ross D.J.A. Olympias and the Serpent: The Interpretation of a Baalbek Mosaic and the Date of the Illustrated Pseudo-Callisthenes // *Journal of the Warburg and Courtauld Institutes*. 1963. Vol. 26. N 1/2. P. 1–21.

Sauron G. L'histoire végétalisée: ornement et politique à Rome. Paris: A. et J. Picard, 2000. 250 p.

Scarpini M. Augustus and Dionysus' triumph: a nonexistent paradox // *Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae*. 2015. Vol. 55. P. 185–209.

Scarpini M. Le stanze di Dioniso. Contenuti rituali e committenti delle scene dionisiache domestiche tra Roma e Pompei // *Anejos de Archivo español de arqueologia*. 2016. Vol. 6. P. 1– 394.

Thomas E. Metaphor and identity in Severan architecture: the Septizodium at Rome between “reality” and “fantasy” // *Severan Culture* / Ed. by S. Swain, S. Harrison, J. Elsner. Cambridge: Cambridge University Press, 2015. P. 327–367

Van den Broek N. The myth of the Phoenix according the Classical and early Christian traditions. Leiden: E.J. Brill, 1972. 487 p.

Wyler S. An Augustan Trend towards Dionysos: Around the Auditorium of Maecenas // *Redefining Dionysos* / Ed. by A. Bernabe, M. Jauregui, A. Himenez San Cristobal, R. Hernandez. Berlin: De Gruyter, 2013. P. 541–557.

Zanker P. Pompeii: public and private life. London: Harvard University Press, 1998. 251 p.

Zanker P. The Power of Images in the Age of Augustus. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1992. 385 p.

Поступила в редакцию
15 декабря 2021 г.

